

СКАЗКИ ОСВИИ

МАГИЯ В РАЗРЕЗЕ

Татяна Бондарь

12+

Татьяна Бондарь

Сказки Освии. Магия в разрезе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64887102

SelfPub; 2022

Аннотация

Это вторая книга из серии «Сказки Освии», в которой главная героиня Лисичка попадает в академию магии. Там ее ждут новые друзья, враги и приключения.

Издавна стоят за городом две академии – магическая и военная, и вражда между ними такая же древняя, как и они сами. Но синяки и ушибы, которые теперь лечит Лисичка – ничто по сравнению с надвигающейся опасностью. Охота на Лису началась, и остается надеяться, что она вовремя разберется – кто ее настоящий враг, а кто им только притворяется.

Содержание

Академии	4
Про синяки и месть	17
Освальд	28
Ошибка Комира	49
Рассказ Рональда	70
Дом	86
Еще одно письмо и поисковое заклинание первого тапа	112
Немного о красоте	130
Глава, в которой мне приходится проявить все свои способности, в том числе и хитрость	137
Ловушка	147
То, чего так ждал маг	170
Глава финальная	186

Татьяна Бондарь

Сказки Освии.

Магия в разрезе

Академии

За стеной, наконец, перестали орать. Глаза слипались. Спать хотелось ужасно. Я встала, налила чай в красивую фарфоровую чашечку, прихваченную из замка жениха, и подошла к окну. На подоконнике, опустив листья, в муках умирал вверенный мне редчайший целебный цветок федикус лютераниус, или просто лютик. Какая великая судьба ждала бы его, если бы он попал в другие, более заботливые руки! Он мог бы войти в состав омолаживающего, ранозаживляющего, очищающего от ядов, желчевыводящего, успокоительного и многих других зелий. Теперь, увы, его ждала менее завидная участь.

В плачевном состоянии лютика стоило винить не только меня, но и старую традицию академии магии давать первокурсникам растения для ухода. Она была призвана выработать в учениках терпение и ответственность. Не знаю, какого именно из этих качеств мне не хватало, но лютик разве что по-человечески не говорил, как ему плохо. Крошечная ком-

натка, ставшая для него могилой, а для меня домом, была тесной и старой. Потолок протекал, оконная рама пропускала малейшее дуновение ветра, краска на стенах покрылась разноцветными пятнами неизвестного происхождения, и в целом комната выглядела неудобной.

Обреченно уперев взгляд в самое большое пятно, оставленное когда-то одним из нерадивых учеников академии, я завидовала лютику. Он мог не сдавать экзамены, в отличие от меня. Чтобы еще немного потянуть время, я протерла пыль с увядающих листьев, отсчитала ровно пятьдесят капель воды под корни цветка, и снова согнулась над учебником. Оставалось повторить еще пять билетов по три вопроса в каждом, небо за окном уже начинало розоветь, предвещая скорое наступление утра.

– Мать Хранительница! Если я сдам сегодня экзамен – обещаю найти способ спасти этого доходягу! – ткнула я пальцем в лютик, захлопнула учебник, и блаженно вытянулась на кровати, уютно завернувшись в одеяло. Пять билетов из трехсот – это не так уж и много.

Будильный камень, скачущий по столу, поднял меня своим жутким стуком, едва я закрыла глаза. Я дернулась, совершенно забыв о книжной полке над кроватью, и хорошо приложилась об ее угол лбом. Боль вспыхнула, и растеклась горячей волной под мое завывание. В стенку справа тут же зло замолотили разбуженные старшекурсники. Они свой

последний экзамен сдали вчера, и теперь отсыпались после грандиозного празднования. Я стукнула в ответ, они ночью не позаботились о том, чтобы вести себя потише и не мешать мне учиться. Особенно выделился, как всегда, Комир, горланя громче других, ломясь в мою дверь и рассыпая вредительские заклинания. От последних меня защищал простенький казенный магический щит, стоящий в каждой комнате для безопасности, но крики не давали сосредоточиться.

Кое-как собравшись и умывшись, я сунула в рот пирожок, который заботливая няня Мэлли прислала почтой, осторожно приоткрыла дверь комнаты, и выглянула в коридор. Там уже шли, спотыкаясь едва ли не на каждом шагу, такие же сонные и помятые студенты-первокурсники, как я. Нас ждали учителя, продажные и неподкупные, строгие и мягкие, глупые, и наоборот, слишком умные, тянущие жилы и философски относящиеся к студенческой лени.

Теснясь вдоль стен, ученики несли тяжелые сумки с учебниками, старательно обходя ковер. Никто не хотел пачкать обувь об его многовековую пыль. Когда-то, очень давно, этот ковер был призван украшать коридор студенческого дома, а теперь лежал здесь только потому, что не находилось смельчака, способного выкинуть его на помойку, где ему было самое место последние пятьдесят лет. Директор академии магии объявил невероятно щедрое вознаграждение тому, кто решится убрать этот ковер – смельчак освобождался от летних экзаменов. Даже это не смогло заставить студентов по-

бороть отвращение, хоть они как правило были из небрежливых и часто за неимением нормальной еды варили садовых улиток.

Протиснувшись в коридор и на ходу поправляя туфли, я втерлась в ряды первокурсников прямо за Дарином, высоким рыжим парнем, которого взяли в академию благодаря таланту родителей дать кошель нужного веса в правильные руки.

– Ты сколько билетов выучила, Лиса? – бросил он через плечо, когда заметил меня за спиной. Его не волновал экзамен, он и так знал исход. Пусть учителя не поставят высокую оценку, но даже если он не скажет ни единого умного слова, ему разрешат продолжить обучение, а большего ему и не нужно.

– Первые двести девяноста пять, – поморщилась я. Пять невыученных билетов проедали совесть и вызывали неприятное покалывание в спине.

– А я последние пять, – хохотнул Дарин. – Вдвоем мы выучили ровно три сотни! Может объединим усилия?

Я понуро качнула головой. Нет. Я не имела права на нечестность. За моей спиной стояли король Альберт и его брат, мой жених, герцог Рональд, и хоть пока никто об этом не знал, я не хотела подводить их и должна была быть образцом честности, старательности и мастерства. Из-за этого были все мои бессонные ночи с книгами, бесконечные повторения заклинаний, упорные занятия и тренировки, и от-

чаянная беспомощность в попытке спасти лютик.

– Спорим на пять капель очередки, эта зубрила вытянет один из пяти, что не выучила? – съязвил кто-то за моей спиной. Можно было даже не оборачиваться, я и так знала, что это был Комир, его выдавали привычные заносчивость и себялюбие, а я чужие эмоции могла видеть не хуже собственного отражения в зеркале. Сам-то Комир несколько не беспокоился об экзаменах. Он учился на последнем курсе академии, был лучшим студентом и невероятным красавчиком. Девушки к нему прямо-таки липли, доводя его и без того немаленькое самомнение до запредельного уровня. До этого года Комир учился кое-как, но с момента моего появления в академии внезапно стал лучшим студентом, щелкал сложнейшие задачи как орешки, превосходно выплетал закoveryристые заклинания и умудрялся объяснять учителям их предмет. Маги пророчили ему великое будущее, студенты завидовали, девушки обожали, а богатые господа постоянно присылали приглашения поступить к ним по окончании академии на службу. Комир упивался своими победами, успехом и популярностью. Это никому и никогда не шло на пользу, а его испортило окончательно, превратив в высокомерно-го насмешника.

– Спорим, – охотно согласился Дарин. – На пять капель очередки и еще... – она на миг задумался, а потом с азартом добавил:

– Если зубрила вытянет один из двухсот девяноста пяти

выученных – ты напишешь за меня курсовую. Если вытянет один из пяти невыученных – я пойду за тебя отрабатывать болотную практику.

– А если я сдам экзамен на отлично – вы двое спасете мой лютик! – влезла я, пытаюсь вынести хоть какую-нибудь пользу из ситуации. Я мельком глянула через плечо на Комира. Несмотря на вчерашнее веселье, старшекурсник был неподобающе бодр и свеж. Уверенным шагом он шел вдоль стены, обходя ковер.

– Хотела бы я знать, какие дела заставили тебя подняться в такую рань! – полюбопытствовала я. – Экзамены ты уже сдал, уроков нет, до завтрака еще далеко.

Комир неожиданно встревожился, ему очень не понравилось, что я обратила внимание на такую, казалось бы, безобидную мелочь. Хоть он и пытался не выдать внезапный страх, но от меня его скрыть было невозможно. Я могла даже с завязанными глазами понять, что именно чувствуют окружающие. У Комира к тому же плохо получалось скрывать переживания. Он занервничал, грубо ляпнул: «Не твое дело!» пытаюсь спрятать страх за грубостью, перепрыгнул через ковер на другую сторону коридора и пошел быстрее, обгоняя других студентов.

Я на мгновение даже замерла, глядя на его красивую широкую спину в дорогой камзоле, поспешно удаляющуюся от меня. Я припомнила, что Комир всегда пропадал куда-то по утрам до занятий, один, без обычной компании обожателей,

а это было так на него не похоже. Он рвался быть лучшим только ради всеобщего признания, и отказываться от него было все равно, что носить воду из далекого колодца, чтобы вылить в канаву с отходами.

Впрочем, эти мысли выветрились, едва я ступила в учебный корпус академии. На столах кабинета уже были разложены девственно чистые листы бумаги. Учителя шуршали билетами, с удовольствием перемешивая их. Студенты один за одним подтягивались к учительскому столу, с паникой выбирали один билет, стараясь найти меченый, промахивались, и обреченно брели думать над ответами. Я поборола трусость, пошла вперед и выбрала одну жесткую карточку наугад. Перевернула. Билет номер двести девяноста семь. Один из пяти. Проклятый Комир оказался прав. Дарий этого не знал, и, светясь от счастья, объявил учителям номер своего билета:

– Двести девяноста девять!

Я бы поразилась его противоестественной везучести, если бы не знала, что ему придется отрабатывать болотную практику за Комира и публично пить очередку в дальних углах академического сада, под смех и улюлюканье однокашников. Никто не помнил, когда студенты впервые ввели традицию спорить на распитие очередки, но к моему появлению в академии эта игра существовала уже много лет, и ее правила были строго регламентированы. Главными из них были два: пить только на свежем воздухе из-за отвратительного запаха настойки, и никогда, ни при каких условиях, не давать

спорщикам больше семи капель. Целью было повеселиться, а не довести врага до позорной смерти в неожиданном месте или в странной позе. Это были правила, написанные чьей-то кровью. Да никому и не хотелось валяться до утра без сознания, беспомощным против буйной фантазии товарищей. Даже просто нанести настойку на кожу было неприятно, не говоря уж о распитии.

К слову, иногда, втайне от студентов, учителя тоже выясняли отношения подобным образом. Они собирались в глуши запущенного сада академий и там доказывали друг другу, чья магическая теория правильнее, распивая сомнительное зелье. От студентов скрыть это было невозможно – их нюх был настроен на зловонные испарения очередки. Они могли определить по запаху, где собирались учителя, и даже кто из них победил. Что касалось меня – я очередку не пила, потому что умудрялась и без нее говорить много глупостей.

Вздыхнув, я согнулась над листком бумаги и стала писать ответы. Получалось на удивление ловко. Выученные сотни вопросов оказались прочным, надежным фундаментом, на котором легко выстраивались кирпичики понимания, и пропущенные крохи сами вставали на места.

Когда ответы были выложены ровными строками на листе и заполнили его полностью с двух сторон, я обернулась и взглянула на Дарина. Он растерянно потирал затылок, над небольшим абзацем, написанным нарочно крупными буквами. Его уверенность сменилась недоумением, бедняга сам

не понимал, как получилось, что он не смог ответить на выученные им вопросы. Он уже понял, чем закончится для него день, и все равно ему было проще, чем мне. Для него все обернется плохой отметкой и несколькими часами беспамятства – последствиями очереди, а меня еще ждет военная академия.

Я положила голову на листок перед собой и уперлась взглядом в гору студенческих сумок, сгруженных в углу кабинета. Из моей торчал деревянный меч, с обмотанной кожаным лоскутом рукоятью. В этом году мы провели столько незабываемых часов вместе! Сколько раз я лупила им по дереву в надежде, что он наконец сломается и у меня появится пара дней отдыха хотя бы от него, но чертов меч был сделан на славу и ломаться не собирался, постоянно напоминая мне о глупости, которую я совершила.

Мысли пойти на курсы боевой подготовки в дополнение к основным предметам, появилась у меня сразу, как только я поняла, что все равно вынуждена буду уехать из замка герцогов. Военная академия с удовольствием распахнула передо мной свои двери, хоть все внутри меня и кричало: «Только не это!». Однако, год назад я хорошо прочувствовала на личном опыте, что умение бегать может однажды спасти мне жизнь.

Главной же причиной, почему я решилась пойти туда учиться – был Рональд. Покидать замок для учебы в академии магии было для меня ужасно мучительно, а Рональд,

вопреки ожиданиям обрадовался моему отъезду. Со своим противным великодушием, благородством и ответственностью, он хотел дать мне возможность влюбиться в кого-то кроме него. Меня это обидело, и в споре я крикнула:

– Тогда пойду еще и в военную академию, там мужчин больше, и все они наверняка подтянутые и симпатичные!

Ему идея понравилась, а мне гордость не позволила отступить, и теперь я и деревяшка со свинцом внутри, вынуждены были трать много времени вместе. Если бы я знала тогда, как будет трудно, я бы держала язык за зубами. Впрочем, учебу в двух академиях одновременно можно было бы потянуть, если бы не Василика. Она стала моим личным кошмаром. Это была единственная, кроме меня, девушка в военной академии. Из тренировочной формы она не вылазила. Ее кожаные штаны и куртка туго обтягивали грудь и бедра, делая фигуру очень соблазнительной, но никто из вояк не смел даже глаз поднять на эту опасную красоту. Подозреваю, что Василика карала за такую дерзость безжалостно. Для этого у нее в арсенале всегда были с собой короткий нож, длинный нож, меч и арбалет. Всем перечисленным она владела в совершенстве. Кроме прочего, иногда из ее многочисленных карманов торчали еще и маленькие бутылочки. Не знаю, что там она хранила, скорее всего, яд, который сцеживала с себя по ночам. Говорила Василика с акцентом, едва заметно картавя. В трактире у родителей останавливались чужеземцы, и я различала акценты безошибочно. Василика могла обмануть ко-

го угодно, но не меня. Я знала наверняка, что она приплыла в Освию из Аскары, и готова была поклясться, что Василика – шпионка.

На занятиях меня всегда ставили с ней в пару. Логика учителей была проста, они объединили нас по половому признаку. Вот только мы обе были с этим не согласны. Я бы предпочла тренироваться с кем угодно, но не с ней. Ни один из парней не стал бы лупить меня в полную силу, да и техника их хромала не меньше, чем моя, и у меня был бы шанс. С Василикой у меня шансов не было. Я ужасно бесила ее своей неуклюжестью и медлительностью. Нет, я не была медлительной или неуклюжей, просто Василика дралась лучше, чем некоторые учителя. Ей надо было учить, а учиться. Во-яки явно не горели желанием оказаться на моем месте. Они, видно, уже испытали на своей шкуре, насколько у нее тяжелая рука и плохой характер.

В военную академию приходили учиться девушки и до нас, но, как правило только для того, чтобы найти себе пару и сразу же сбежать. Василика была не такая! Она пришла постигать искусство убивать, желательно мучительно и голыми руками. Из-за того, что ей досталась такая слабая напарница, она решила отработать на мне все способы, которыми можно сделать человеку больно. Василика вымещала на мне злость и отделявала даже деревянным мечом так, что места живого не оставалось. Она мечтала начать карьеру убийцы с меня, но пока довольствовалась только синяками. Зато какие это

были синяки! Они были достойны кисти художника. Их волшебные переливы от нежно-зеленого с желтизной до фиолетового с черненькой каемочкой, заслуживали восхищенные возгласы всех, кто их видел.

Иногда в тяжелые минуты после тренировок я мечтала, что однажды Василика и Комир встретятся на поле боя. Дальше моя фантазия рисовала радужные картины возможных последствий, и я долго сидела с глупым выражением на лице.

В отчаянной надежде когда-нибудь отбиться от Василики, каждое утро перед занятиями я выходила на пробежку, а вечером на закрепляющую тренировку. В качестве соперника я выбрала одинокое дерево, опрометчиво росшее в стороне от остальных. Дерево выглядело очень несчастным. Следы от меча на его коре сказали бы внимательному наблюдателю, как сильно я хочу кому-то сделать больно.

Над моим ухом хмыкнули, я подняла голову и поняла, что задремала, а за моей спиной стоял учитель и читал с моего листа через плечо. За другими столами уже никого не было, студенты разошлись, учителя блестя положенными для магов лысынами, жевали булочки и прихлебывали чай. Учитель за спиной опять хмыкнул, с некоторым любопытством, взял из-под моих рук листок и пробежал глазами. Потом нагнулся к моему уху, и едва слышно шепнул:

– Это, похоже, высший балл, не будь я лучший маг в этой комнате! Но ты точно уверена, что лунные лилии каким-то

образом влияют на сновидения? Впрочем, не важно. Все равно теперь их нигде не раздобыть.

– Который час? – опомнилась я, суетливо подхватывая со стола свои вещи.

– Половина четвертого, а что?

Я застонала, на занятия в военную академию я уже опоздала. Пред глазами встала насмешливая ухмылка Василики, убедившая меня окончательно, что сегодняшнюю тренировку я пропущу.

Про синяки и месть

Раньше обе академии – магическая и военная, стояли в городе. Вражда между ними шла со дня их основания, принося много неприятностей местным жителям. Днем студенты были заняты учебой, а вот по вечерам... По вечерам начинались проблемы. Студенты обеих академий разбрелись в поисках наилучшего способа отдохнуть и провести время, кланчили деньги у прохожих и устраивали на них пирушки, неизменно заканчивающиеся драками.

Почти после каждого выходных приходилось восстанавливать пострадавшие от неудачно пущенных заклинаний стены, чинить заборы и вставлять стекла, разбитые чьими-то крепкими от знаний головами. Порой приходилось снимать всю оконную раму вместе с торчащим из нее телом.

К счастью, студенты всегда выживали. Их жизнерадостность заставляла срастаться раны и молодые кости очень быстро. С новыми силами и удвоенным энтузиазмом они возвращались в неровный и нетрезвый строй своей академии, чтобы отомстить врагу за прежние обиды.

Местные жители в радиусе пяти миль привыкли не досчитываться по утрам кур в курятниках, овощей в подвалах и огородах или сапог, опрометчиво оставленных под дверями. Порой студенческая фантазия шла дальше здравого смысла и исчезали совсем уж неожиданные вещи.

Постоянные жалобы заставили прадедушку бывшего короля Альвадо перенести эти учебные заведения за город, в надежде, что студентам будет нечем заняться посреди леса, и они снизойдут до учебы. Кроме того, построить заново две академии и дома для студентов, оказалось дешевле, чем устранять последствия погромов каждую неделю.

План короля удался. Студенты погрузстнели, деньги и горючие жидкости стали недоступны, боевой азарт спал. Заняться было нечем, и студенты со стоном взялись за учебники. До чего только не доводит скука! Их неокрепшие умы наконец-то получили пищу. Успеваемость у магов сильно выросла, вояки стали приходить на тренировки бодрыми и выспавшимися, но практики стало меньше и у тех, и у других. Так прошли три месяца невыносимой скуки. Унылое чтение учебников и стандартные тренировки почти сломили их дух. Тоска по прежнему веселью была так сильна, что однажды представители обеих академий встретились на высоком собрании, чтобы обсудить, как же улучшить ситуацию.

Решение могло быть только одно – продолжать враждовать, несмотря на трезвость. Эта идея вдохновила их и вернула жизнерадостность. Первопроходцы подписали военный договор, который обязывал обе стороны периодически нападать друг на друга, устраивать засады и применять нестандартные и грязные методы. Организаторы пожали руки и на радостях дали друг другу в глаз, чтобы закрепить соглашение, после чего, счастливые, разошлись по домам.

Жизнь для студентов снова стала веселой. Они много усилий тратили на то, чтобы придумать достойную пакость для противника. Преподаватели закрывали глаза на постоянные потасовки между своими учениками, слишком уж радостными были их подбитые лица.

Эта вражда велась до сих пор, и была причиной того, что ко мне не проявляли достаточно доверия и дружелюбия в обеих академиях. Мне повезло пропустить вчерашнюю тренировку – вечер закончился грандиозной дракой, какой давно не бывало в стенах академий. Обе стороны понесли серьезные потери, пострадали все, кто оказался рядом, реки крови из разбитых носов, множество поросших водорослями голов, безвозвратно утерянные вещи и зубы. Меня точно бы зацепило, если бы я проходила мимо.

Тот вечер оказался роковым, не уцелел никто. Досталось даже Комиру, хоть до этого он ни разу не проигрывал. Он всегда участвовал в начатой некогда войне между академиями, с удовольствием забрасывал простенькими заклинаниями вояк, осмелившихся устроить на него засаду, и учил своих прихвостней тому же. Его жертвы долго потом ходили с шерстью на ладонях, зелеными зубами или рогом на лбу. Комир был беспощаден, и новички запоминали его навсегда. Но вчера все сложилось иначе. Как в моих самых сладких мечтах, Комир повстречался с Василикой...

Я узнала об этом еще ночью, а утром, когда шла на пробежку, с некоторым злорадством заметила, что у Комира

подбиты оба глаза. На это я обратила внимание раньше, чем на то, что студент пробирается кустами к воротам академии. В промозглой дымке пустого мертвого утра так мог вести себя только человек, задумавший недоброе.

Комир меня не заметил, воровато оглянувшись, отодвинул один из прутьев забора, и легкими быстрыми шагами направился к чернеющему за академиями лесу. Я тихонько прошла к ограде, прячась за деревьями, и остановилась за ближайшим к забору. Сплошная чернота старого елового леса колыхалась. Его верхушки пиками устремлялись в небо и качались на ветру, подобно водорослям в толще воды. Комир казался совсем не таким уверенным, как в отопленных коридорах академии. Трудно было описать, как сильно он боится.

Комир замер перед стеной леса, поклонился до земли кому-то невидимому, и только тогда от одного из деревьев отделилась высокий тонкий силуэт. Сгорбившись, Комир прошел вперед, силуэт последовал за ним. Мгновение – и они оба скрылись в плотном сумраке леса.

Стало понятно, куда пропадал по утрам Комир, забыв про друзей и наплевав на ранние подъемы. Всегда ли он сбегал в лес, или только в последний год, когда неожиданно для всех стал лучшим в академии студентом. Почему он шел за незнакомцем, если боялся его до смерти?

Неприятных холодов дурного предчувствия прошел по спине. Да, ко всем студентам приезжали гости, привозили корзины с едой, уводили своих любимых детей, братьев, же-

нихов на прогулки или даже забирали на время домой, но в этот раз все было иначе. Мой дар видеть чужие эмоции, надолго успокоенный размеренной жизнью и мелкими учебными проблемами, всколыхнулся штормовой волной, предупреждая, что спутник Комира перепачкан черной, тугой, как смола ненавистью, и в его душе нет даже горошинки света.

Предчувствие чего-то необратимо-дурного тяжелым сырым туманом осело в душе, а вверху, над пиками деревьев, плотным облаком кружили непривычно молчаливые вороны. Несмотря на всю неприязнь к Комиру, мне хотелось крикнуть ему в спину: «Беги!» но невидимая связь между ним и незнакомцем из леса почти ощущалась физически, и мои слова уже вряд ли могли что-то исправить.

Сведя брови, я отошла от забора и взялась за меч. Сегодня я тренировалась особенно усердно. Несчастное дерево содрогалось под моими ударами, но в этот раз я думала не о Василике, а о странном чужаке, тенью вышедшем из леса. Сегодня даже Василика не смогла меня отлупить как обычно.

Вечером, едва я вернулась к себе и прислонила тренировочный меч к шкафу в углу, как в комнату постучали. Я сунула пирожок в рот и пошла открывать, на ходу стягивая потную кожаную куртку. На секунду замерев перед дверью я внутренне прислушалась. Это было лучше вопроса «Кто там?», по эмоциям я сама могла догадаться кто и с какими намерениями.

«Сам ко мне пришел, голубчик», – подумала я. Самодовольство и гордыня человека за дверью, с головой выдавали Комира. Они красной нитью вышивали его эмоциональный узор, и только всмотревшись, можно было заметить прозрачную, едва уловимую нить страха, которая никуда не исчезла. Возможно, Комир и сам ее не замечал, такой тоненькой она была, но натяжение, которое создавали ее стежки, неумолимо выдавали себя, стоило только потянуть за ее конец. Я открыла дверь, все еще дожевывая пирожок, но мыслями вернувшись в сырое утро, туда, где высокая тень шла за Комиром в лес.

– Привет, Лиса! – развязно поздоровался мой гость.

– Привет! – серьезно ответила я. Комир немного смутился от моего тона. Он привык, что стоило ему заговорить, как его начинали обожать или бояться. Со мной это не сработало. Мое сердце крепко занял герцог Рональд, добрый и надежный, верный и преданный, великодушный и гордый, затмевающий собой в моих глазах всех других мужчин. Что касалось страха – сейчас я точно смогла бы вытолкать за дверь любого студента. Уверенность мне придавал тяжелый тренировочный меч, и я была не настолько плоха, чтобы промазать.

Не дожидаясь приглашения, Комир бесцеремонно отодвинул меня в сторону и не спеша вошел. Под глазами его красовались синяки, которые он не смог спрятать ни заклинанием, ни пудрой. Магия тяжелого кулака оказалась силь-

нее магии пудры и примочек.

Комир осмотрелся, увидел на столе тарелку с пирожками и, не спросив разрешения, взял три, два спрятал в карманы, а третий не стесняясь стал жевать, глядя мне в глаза. Я подавила стойкое желание вытолкать его за дверь, и, скрестив руки на груди, стала ждать объяснений. Я думала, что Комир заговорит о своих утренних прогулках, о лесе и силуэте, о страхе и опасности, но вместо этого он указал надкушенным пирожком на свои глаза и ляпнул:

– Меня подбили, Лиса!

– Знаю, – равнодушно пожала плечами я. – Это все, или тебе есть, что еще сказать?

Комир стушевался, но, чтобы не потерять лицо продолжил в своей развязной манере:

– У нас, Лиса, сегодня собрание, и мы тебя на него приглашаем.

– Откуда такое великодушие? – сыронизировала я.

– Дело одно есть. Ты нам всегда нравилась, пойдем, познакомлю с ребятами, попьем...кхе... чаю, приятно проведем вечер в хорошей компании.

Я была уверена, что никогда не нравилась Комиру и шайке прихвостней, собравшихся вокруг него, но происходило что-то очень плохое и необходимо было разобраться – что именно. Перед моими глазами не исчезал образ черной тени, которая выходила из леса, надевала Комира подобно кукле-ва-режке на руку, и, прикрываясь им, пробиралась под защит-

ный купол академии магии. Чувство опасности опять остро кольнуло, сведя живот и пройдясь холодной дрожью по кончикам пальцев.

– Пойдем, – решительно и твердо сказала я, поворачивая на пальце кольцо, подаренное мне Рональдом.

С сожалением я бросила взгляд на деревянный меч, расценила что взять его не получится, вздохнула и пошла за Комиром, повторяя в голове все заклинания, которые могли мне пригодиться. Комир перед выходом прихватил с блюда еще два пирожка, и ловко обходя ковер, продолжал жевать.

Идти пришлось не долго, Комир жил этажом выше. Широким жестом он толкнул дверь своей комнаты, и я невольно выдохнула. Комната была битком набита студентами. Они сидели очень плотно, кто на кровати, кто на полу, кто на подоконнике. Некоторые стояли, прислонясь к стене. Одна девушка устроилась у прыщавого паренька на коленях и выглядела очень довольной. Еще одна девица, рыжая, едва мы вошли, обвила шею Комира и чмокнула его в перепачканную крошками щеку. Надменно и вызывающе она посмотрела на меня, желала уловить искорку зависти. По ее мнению, мне такое счастье и не снилось.

Рыжая не одна смотрела с неприязнью. Почти все в комнате испытывали в лучшем случае равнодушие, а некоторые открытую враждебность, но от них не исходила та леденящая душу ненависть и бесконечная необузданная ярость, которые я видела у леса. Того, к кому ходил Комир здесь не было.

Впрочем, я рано обрадовалась. Комир снял руки рыжей подружки со своей шеи и закрыл за собой дверь. Пристальные любопытные взгляды с легкой брезгливостью изучали мою потную после тренировки рубашку, затертые на коленях штаны, растрепанные русые волосы и обломанные ногти на погрубевших от меча пальцах. По спине щекотными мурашками прошло ощущение, что я основательно влипла, в голове непрошено всплыл образ сколотого по всей длине меча, так и оставшегося в комнате у шкафа. Я дернулась к двери, но Комир перегородил мне путь.

– Не торопись, Лиса! Я же сказал, что у нас к тебе дело, – сказал он почти дружески, ощущая свою силу и власть. В его насмешливых глазах читалось злое: «Теперь никуда не денешься!»

– Ты давай, присаживайся, не стесняйся, – Комир поднял за воротник белобрысого паренька, сидевшего на кровати, освобождая место для меня. – Посидим, поговорим, как воспитанные люди. Ты будешь хорошей девочкой и расскажешь нам, чем занимаешься в академии у вояк, а мы тебя за это не станем обижать.

Он все так же перегораживал двери, я прикрыла глаза, пытаюсь считать эмоции каждого. Это было трудно, в крошечной комнате собралось слишком много людей, их подбострастие, насмешка, любопытство, предвкушение, смешивались в густой кисель, из которого трудно было выделить кто именно среди собравшихся испытывает ко мне глубо-

кую симпатию, а она там была, и, если вычислить ее хозяйна, можно было рассчитывать на помощь. Комир не дал мне долго думать. Он неправильно истолковал мою заминку и довольно улыбаясь поторопил:

– Ну, мы ждем!

Тогда я твердо посмотрела на него и громко, так, чтобы все слышали, сказала:

– Если ты хочешь разговора – ты его получишь. Твой план прозрачен, как воды Бирюзового моря. Ты привел меня сюда, чтобы заставить пронести под купол вояк что-то запретное и отомстить за синяки, перепачкав мои руки, а самому остаться чистеньким. Одного я не понимаю, почему глупые драки для тебя важнее, чем тот, к кому ты ходишь в лес? Он куда страшнее всех вояк вместе взятых и хочет убивать. Ты уверен, что он не использует тебя, чтобы пронести под наш купол твоими руками что-нибудь очень плохое и уйти безнаказанным? Расскажи своим друзьям про него, тогда я, если кому-то будет интересно, поведаю о своих скучных тренировках в военной академии.

В комнате повисла тишина, не нарушаемая даже дыханием. Теперь все смотрели на Комира. Кровь отхлынула от его лица, бледные, почти бесцветные губы дрожали, на лбу проступили капельки пота, а страх собрался в густое красное облако с четкими границами. Он оказался кошкой, которую загнала в ловушку уже зажатая в когтях мышшь.

Все ждали от него ответа, какого-то действия, но Комир

никак не мог справиться с оцепенением, так и стоял, замерев, словно статуя. Я спокойно прошла мимо, никто не попытался меня остановить. Уже держась за дверную ручку, я обернулась и еще раз внимательно посмотрела на собравшихся. В этот момент я словила на себе уважительный взгляд Освальда, своего однокурсника, которого не заметила сразу. Его ясные голубые глаза под густой волной вьющихся волос, смотрели немного насмешливо. Сомнений не было – это он был тем единственным человеком, который с самого начала желал мне добра. Больше ждать мне было нечего, я развернулась и пошла прочь, оставив дверь открытой. Комната немедленно ожила гудением, слетевшее вмиг оцепенение сотрясло стены криком Комира:

– Врешь! Я никуда не ходил и ни с кем не встречался! Я отомщу!.. раздался топот, что-то упало, в комнате снова стало тихо, но я уже спускалась по лестнице к себе, под защиту казенного щита, плохонького, но обещающего хотя бы на время покой и безопасность.

Освальд

Чернила коснулись хрустящей бумаги, всякий раз норовящей свернуться в свиток, когда мой локоть переставал прижимать его к столу.

«Здравствуй, Рональд! (зачеркнуто)

Дорогой Рональд! (зачеркнуто)

Любимый мой Рональд!

У меня все хорошо (зачеркнуто, зачеркнуто, зачеркнуто)
все очень, очень плохо!

Я так устаю, что к вечеру едва доплетаюсь до постели, Василика треплет меня, как лен для кудели, лучший студент академии затевает против меня не доброе и угрожает, а за его спиной стоят два десятка студентов и кто-то еще, настолько злой, что страшно даже от его далекого незримого присутствия. Но хуже всего то, что ты не пишешь мне. Это десятое письмо, которое вновь останется без ответа. Если бы Альберт не рассказывал немного про твои дела, я бы умерла от тревоги. Куда ты пропал? Неужели тебе совсем не интересно что со мной происходит? Хоть слово, хоть строчку, хоть самые ужасные новости, только не это невыносимое молчание.

Все еще твоя невеста? (зачеркнуто, скомкано, выброшено в мусор)

На утро будильный камень не простучал. Он был незна-

дежно сломан и горсткой обломков лежал на прикроватной тумбочке. Я ни на секунду не усомнилась в том, кто причастен к этому. Месть была неубедительной, но причинила мне кое-какие неудобства.

Из-за этой маленькой неприятности я пропустила не только утреннюю тренировку, но и два первых урока. Учитель обычно ко мне относился благосклонно, но сегодня, был не в духе, и устроил разнос. Его не интересовали причины, он был равнодушен к тому, что я тяну двойную нагрузку. По его мнению, лучше бы я делала какое-то одно дело хорошо, чем два плохо. В глубине души я с ним согласилась, молча достала учебники и до конца уроков притворялась, будто меня нет.

Освальд наблюдал за мной со своей задней парты, от него легкой волной шло спокойствие и добродушие, будто вчерашний вечер и впрямь обернулся мирным чаепитием. Я села вполоборота и украдкой взглянула на него. Очень худой и высокий, в свободной, просто скроенной рубашке, он сидел, вытянув под столом длинные ноги с узлами больших коленей. Тут я вспомнила одну вещь, которой раньше не придавала значения из-за множества других проблем. Освальда не было на экзамене. Мало этого, за все время, что он учился со мной, учителя ему никогда не делали замечаний и ни о чем не спрашивали, даже если он опаздывал или занимался на уроках чем-то посторонним, а он занимался, причем постоянно, открыто, нахально испытывая их терпение и ничего

не получая за это в наказание.

Что-то было в нем такое, что отличало его от остальных учеников, какая-то уверенность, далекая от наглости самолюбленного Комира. Он оказался старше, чем я думала вначале. Его худоба заставляла верить, что он одного возраста со мной, но, при более внимательном взгляде становилось ясно, что он скорее ровесник Альберта, и ему идет или уже исполнился двадцать пятый год. Кучерявые густые волосы Освальда блестели на солнце. Он был скорее обаятельным, чем красивым.

«Кто же ты такой? – с досадой подумала я. – Неужели просто дружелюбный прихвостень Комира?»

К моему удивлению, после урока тощий Освальд сам подошел ко мне, и непринужденно начал разговор пока я заговаривала учебники в сумку:

– Привет, Лисичка! Как дела?

Мои нервы, натянутые усталостью, недосыпанием и чувством опасности подвели, и я резко выпалила:

– Во-первых, не называй меня Лисичкой, для тебя я Александра. А во-вторых – отстань от меня. Передай своему хозяину, что я не стану ему помогать.

– Вот и умница! – спокойно сказал Освальд, будто я не орала на него только что. – Комира давно надо было поставить на место, но никто не хотел связываться.

– И ты, похоже, тоже, – недовольно буркнула я, быстро остывая, и уже не понимая, почему сорвалась на крик.

– Меня Освальд зовут, – продолжал он.

– Я знаю, как тебя зовут. Я учусь с тобой почти год. Тебе что от меня нужно, Освальд? Дружба за услугу, как Комиру?

– Нет. Мне просто нравится, что ты не боишься его, и я хочу тебе помочь.

– Ты его тоже, похоже, не очень боишься.

– Я? Его? Нет, конечно, – Освальд говорил и легкомысленно вертел на ладони небольшой хрустальный флакончик с зеленоватой мутной жидкостью. Всмотревшись, я узнала в ней сильную кислоту, одной капли которой хватило бы, чтобы прожечь дыру в полу до самого подвала академии. Мои плечи стянуло напряжением, но Освальд подкидывал флакончик так легко и ловко, словно был циркачом и всю жизнь только этим и занимался.

– Что тогда ты делал в комнате Комира вчера? – постаралась я игнорировать кислоту, но мыслями все равно возвращаясь к ней.

– Он позвал – я пришел. Любопытно было посмотреть, чем этот подозрительный тип занимается.

– Рада за тебя, – сказала я без всякого восторга, мне начинало надоедать это натянутое общение. – Мне пора идти.

– Знаю. Тренировка через полчаса.

Я уронила книгу, которую только что взяла со стола.

– Откуда ты знаешь? – чуть не выругалась я. – Ты за мной следишь?

– В каком-то смысле. Я просто наблюдательный. Наблюда-

тельность – это недооцененное оружие. Оно помогает лучше узнать человека и управлять им без магии. Ее нельзя отнять или заблокировать противомагическим ошейником. Хочешь – научу.

Я молча развернулась и пошла к выходу, надеясь, что разговор окончен, но Освальд прицепился ко мне крепко, как клещ, и отставать не собирался. Всю дорогу до дома он шел рядом, болтая и дальше про наблюдательность, ее пользу и как она необходима для хорошего мага. Он не оставил меня, даже когда я дошла до своей комнаты и повернула в замке ключ, уже готовясь соврать что-нибудь вроде: «Было приятно поболтать, увидимся завтра». Но в этот момент он неожиданно отодвинул меня в сторону и потянул на себя дверь, плотно закрывая ее обратно. В комнате что-то взорвалось. Я удивленно уставилась на Освальда.

– Еще один сюрприз от Комира. Он подsunул тебе копилку, – пояснил Освальд.

Что такое копилка, я не знала, пока не заглянула внутрь. Стены, пол, каждая вещь в комнате – все было покрыто сажей. На полу крутилась небольшая картофелина, из которой плотными клубами валил дым. Он расползлся по комнате, оседая на мебели, книгах, стекле, на листьях бедного умирающего лютика. Если бы Освальд не остановил меня и вовремя не закрыл дверь, меня тоже покрыло бы сажей и наверняка зацепило бы побочкой, а она могла быть какой угодно.

– Я убью Комира, – сползая по стенке шепнула я. – Найму

Василику и убью!

Освальд присвистнул, разглядывая изуродованную комнату.

– Нанять Василику будет очень дорого! – сказал он. – Мы и без нее разберемся. Переодевайся и иди на занятия, а я разберусь с беспорядком.

Я удивленно посмотрела на него. Лицо Освальда выражало угрюмое удовлетворение. Всегда до этого безразличный ко мне и к остальным студентам, сейчас он прилип и не хотел отставать. Он влез в мои проблемы и, похоже, собирался влезть еще и в комнату. Это было очень подозрительно и не нравилось мне. Но, как и накануне у Комира, он не испытывал никакой враждебности.

Я еще раз посмотрела на свою несчастную комнатку. Она вся была черной. Сквозь окно от копоти не проникал свет, и я поняла, что меньше всего хочу потратить следующий месяц на уборку. Да пусть Освальд будет хоть сыном демона, если он мне поможет разобраться с копотью, я прощу ему этот недостаток.

Не дожидаясь, пока он передумает, я проскользнула на носочках в комнату, схватила свою форму и затолкала ее в сумку. Одежда за плотными дверцами шкафа осталась чистой, насколько можно было судить в полумраке комнаты, а вот прислоненный к стене меч получил удар копилки в полном объеме. Я попробовала очистить его хоть немного, но только перепачкалась сама.

Времени и дальше возиться не было, я сильно опаздывала. Еще раз бросив недоверчивый взгляд на Освальда, я решила рискнуть и довериться своему странному тощему однокласснику, внезапно проявившему ко мне интерес. Я побежала по коридору, искренне надеясь, что Василику уже поставили в пару с кем-нибудь другим, а Освальд не станет лезть по моим шкафам. В конце коридора я обернулась напоследок. Освальд стоял, засунув руки в карманы и улыбаясь со спокойствием Матери Хранительницы. Он помахал мне и скрылся в моей комнате.

«Хуже он точно не сделает», – решила я и прибавила ходу.

Задышавшись, я добежала до военной академии. Большие часы над ее входом подсказывали, что учитель будет очень зол. Я распахнула дверь раздевалки и столкнулась нос к носу с грязной, черной, растрепанной девицей. «Как можно запустить себя до такого состояния!» – возмущенно подумала я, но тут поняла, что смотрю на свое отражение. Я уткнулась в зеркало лбом. Оно наблюдало за мной с нескрываемым отвращением.

– А что я могу сделать? Это же не моя вина! – попыталась я оправдаться перед ним. Зеркало мне не поверило и продолжило смотреть с укоризной. Кое-как натянув на себя форму и стерев сажу с лица, я побежала на улицу, где уже давно разминались остальные студенты.

Как я и предполагала, там меня ждал очень злой учитель. Он наорал на меня гораздо хуже, чем учитель-маг. Разница

была в том, что маг все-таки выбирал слова, когда отчитывал, а вот вояка, не стесняясь, сказал, что я неуклюжая королева и такой помру, если буду продолжать прогуливать и опаздывать, что я бестолочь безмозглая, раз не могу уследить за временем, и что с таким напарником в разведку не пойдешь, если ты не слабоумный самоубийца. Я вздохнула. Хотелось, как и утром, притвориться, что меня нет, но не получалось – Василика уже помахивала мечом, разминая запястья и ядовито улыбалась. Напарника у нее не было, а взгляд не предвещал ничего хорошего.

Тренировка была болезненной, унижительной, но короткой. Василика лупила меня с удовольствием, украшая все новыми синяками. Каждый пропущенный мной удар она сопровождала кривой ухмылкой и уколом в духе: «да нет, королева и та грациознее» или «тебе самой с собой жить не стыдно?».

Она меня так взбесила этим под конец, что я сделала глубокий выпад, вложив в него всю ярость, и... потерпела фиаско. Василика просто шагнула в сторону, и легонько подтолкнула ладонью в спину, помогая движению повалить меня лицом в землю.

– Учитель, – громко огласила моя соперница, – мне нужен новый напарник. Этот, похоже, вышел из строя.

Она была права. Упав, я вывихнула кисть и меч держать больше не могла. Меня отправили с занятий домой раньше, сказав, что завтра я должна буду отработать пропущенный

сегодня час. На мой вопрос, как я смогу вылечить руку за одну ночь, учитель раздосадовано ответил, что раз я магичка, то что-нибудь придумаю.

Мои оптимизм и боевой дух были сломлены. Я поплелась домой, волоча меч по земле. За ним оставалась неглубокая борозда. В студенческом доме меч пришлось приподнять, чтобы не пачкать его об ковер.

У своей комнаты краем глаза я отметила нечто странное – в противоположном конце коридора мелькнуло несколько спешащих прочь фигур с ведрами и тряпками. Комната была в идеальном порядке, она выглядела даже лучше, чем до взрыва коптилки. На подоконнике бодро раскинул сочные листья лютик, ему было намного лучше. Посреди пугающей чистоты на стуле сидел Освальд, как всегда, вытянув ноги и листая книгу, привезенную мной из замка Рональда. На нем не было ни пятнышка сажи или следа усталости.

«Неужели магией отмыл?» – ужаснулась я. Ужаснулась потому, что побочкой заклинания порядка был кошмарный голод, который нельзя было никак унять несколько дней. Во время его люди порой объедались до смерти. Будто в подтверждение моей догадке Освальд жевал пирожки няни Мэлли, которые, по-видимому, почтальон принес уже после уборки.

– Хорошая книга, в местной библиотеке таких нет, – Освальд поднял на меня глаза, оставил без внимания грязь на лице и одежде, зато сразу же заметил, как я неестественно

держу руку.

– На тренировке вывихнула? – поинтересовался он.

Я кивнула.

– Хочешь подлечу?

От боли, конечно, хотелось избавиться, только вот побочкой к целительному заклинанию могло стать что угодно – оно было непредсказуемо. Даже использование очереди порой имело меньше последствий, несмотря на ее ужасные свойства. Я с сомнением посмотрела на Освальда.

– Не бойся, я это заклинание много раз на себе проверял. Надо просто делать контролируемую безобидную побочку вроде быстро отрастающих ногтей или волос, тогда все срабатывает чисто, – заверил он меня и рассмотрел внимательно поврежденную кисть. Мне стало неловко – остатки грязи и сажи собрались под обломанными ногтями, мозоли выросли от постоянного, хоть и неуклюжего махания мечом, а на запястье все еще оставался шрам, оставленный когда-то черным магом. Вдобавок к этому рука опухла и посинела, что делало ее похожей на мясной обрезок. Освальд деликатно промолчал. Он слегка надавил повыше синяка, и провел своей рукой по моей в сторону кончиков пальцев, будто стирая боль и отек.

– Ну вот и готово! – сказал он бодро.

– Так быстро? – не поверила я. – А как же заклинание?

Я смотрела на руку, с которой Освальд одним движением всего за секунду умудрился стереть все следы постигших ее

несчастий. Не было ни боли, ни отека, ни старого шрама. С трудом верилось, что такое возможно. Учителя нам без устали твердили, как сложно исцелять заклинаниями, не причиняя вреда. Они повторяли это так часто, что у студентов уже через месяц исчезли сомнения по этому поводу. А тут зеленый Освальд одним легким движением разрушает все их наставления и лечит меня, да еще без побочки. Я повертела запястьем, желая убедиться, что глаза меня не обманывают. Не было и отголоска боли, запястье полностью исцелилось. Теперь у меня не осталось сомнений, что Освальд далеко не простой студент.

– Кто ты? – спросила я, прямо глядя ему в глаза.

– Я твой друг, хоть ты в это и не веришь, – улыбаясь ответил он. – И не стоит так удивляться, это очень простое колдовство, если знать маленький секрет. Произносишь про себя базовое заклинание, добавляешь поправку на рост волос или ногтей. Я выбрал ногти, по привычке. Когда я сам себя лечу – всегда выбираю ногти – их проще обрезать. Хочешь и тебя научу. Два-три дня, и будешь делать его лучше меня, – беспечно пообещал он, будто сотворенное им чудо было чем-то заурядным и не стоящим внимания.

– Очень хочу, – честно сказала я.

– Вот и договорились. Завтра после занятий первый урок. У тебя получится. В колдовстве важен не только талант, но еще и усердие. У Комира талант, у тебя – усердие. В итоге вы сможете быть с ним наравне, а если ты проявишь еще и

хитрость – то победишь кого угодно.

– У меня нет органа, отвечающего за хитрость, – все еще находясь под впечатлением, открыла я ему свой секрет. Освальда позабавила моя откровенность.

– Ничего, – успокоил он меня. – Вырастет с возрастом.

Освальд ушел, поставив напоследок небольшой щит во круг моей комнаты, прямо под казенным. Сделал он это с такой легкостью, словно ничем другим в жизни не занимался.

«Заучка!» – попыталась я объяснить его неожиданно открывшиеся способности, хотя в душе понимала, что ни один заучка не может делать то, что учителя даже отказываются объяснять. Мысли об Освальде не давали мне уснуть пол ночи, запросто справляясь с накопленной за день усталостью. Я лежала, завернувшись в одеяло, и глядя на звезды за окном, думала об Освальде, Альберте и Рональде. Раньше меня утешали только письма Альберта, который, несмотря на всю свою занятость, писал часто. Я малодушно жаловалась, как трудно мне приходится, а Альберт предлагал приехать и надавать всем по первое число, особенно тем, кто не проявляет ко мне должного уважения. Это грело, успокаивало и придавало силы. Теперь на мою защиту неожиданно встал Освальд, но куда же пропал ты, Рональд? Полгода ни одного письма. Как бы я хотела поделиться с тобой своей неожиданной радостью. Похоже, у меня появился друг и заступник, и теперь даже Василика не кажется мне такой страшной.

Я вспомнила о мрачном силуэте за спиной Комира, и

неволью сжалась под одеялом. Этот образ все равно оставался жутким вестником приближающихся несчастий. Черная фигура, такая высокая, что ее лица невозможно было рассмотреть, вставала во весь рост посреди моей комнаты, нисколько не заботясь о стенах и преградах. Вокруг нее на пол, подобно черному снегу, опалили вороньи перья, со звоном касаясь земли. Где-то внизу под ним была я, маленькая, как муравей, и такая же беспомощная. Одно перо, особенно большое, падая, рассекло воздух, и открыло провал в бесконечную пустоту. Меня втянуло в нее, и я полетела вниз, и падение это все тянулось, заставляя кричать в ожидании неизбежного удара. Но удара все не было, и я продолжала падать, пока резкий стук нового будильного камня не вернул меня в реальность.

За окном давно было утро, солнце мирно светило, жизне-радостно щебетали птицы, нисколько не заботясь о тенях и бездонных провалах. Меня ждала пробежка, а я после сна чувствовала себя уставшей, будто он не придал силы, а наоборот, отнял их.

Освальд не отставал от меня весь день. Он ходил за мной, как непомерно болтливая тень, никогда не терял меня из виду, и каким-то чудом умудрился не ответить ни на один мой вопрос.

Несмотря на жуткую ночь, день прошел тихо. Новых пакостей никто не устроил, прихвостни Комира, завидев меня, разбегались прочь, не дожидаясь, пока я подойду. Когда бег-

ству предался и их главарь, я очень выразительно посмотрела на Освальда, ожидая разъяснений, но он притворился, что не заметил этого. Я начала подозревать, что попала в сказочный мир, где все дружат и никто никого не обижает. К счастью, после обеда Василика отлупила меня зло и безжалостно, доказывая, что я все еще нахожусь в своей реальности. Ногти к концу занятия выросли вдвое.

Уже выйдя за купол военной академии, я на минуту замешкалась, чтобы поправить сползший сапог, когда на меня накатило уже знакомое чувство опасности. Я резко обернулась к лесу, остро чувствуя стойкую ненависть, желающую рвать на части, давить каблуками, скручивать в узлы, ломать кости. Лес стоял, будто замерев, как замороженный, не колыхаясь под ветром, не шумя травами, и только вороны огромной черной стаей беззвучно кружились над ним. Секунда – и вороны разом осели на ветках, будто кто-то невидимый дернул разом сотни веревочек, держащих их за лапки.

В густой тени под черными стволами появилась из ниоткуда высокая тонкая фигура и двинулась в мою сторону крепкими, уверенными шагами, какими ходят полководцы, ведя за собой войска по сочащейся кровью земле. Таким шагом идут отнимать затравленного зверя из пасти борзой. Я развернулась и бросилась прочь, не глядя под ноги, не думая о разлетающихся в стороны учебниках и оброненном мече, я точно знала, что он мне не поможет. Моей целью был магический купол военной академии, начинавшийся сразу за во-

ротами. Только он мог спасти, и я бежала, пока не ударились грудью в прутья ворот, уже перетянутые цепью с навесным замком. Ворота были надежно заперты.

– Помогите! – в голос закричала я, тряся прутья изо всех сил, но сразу же поняла, что шансов прорваться или докричаться до привратника нет. Я развернулась чтобы бежать и налетела на Освальда. Необычно крепкими руками он взял меня за плечи, обвел цепким взглядом, и посмотрел в сторону леса, при этом оставаясь совершенно спокойным. Лес мирно шумел ветвями, каркали вороны, шуршала прошлогодняя листва под редкими дубками. Лес выглядел невинно, никого постороннего рядом не было.

– Кого так испугалась? – спросил Освальд, изучающе всматриваясь мне в лицо.

– Не знаю, – честно сказала я, пытаюсь отдышаться. – Из леса появился... ко мне пошел, я побежала, а ворота заперты... Это тот же, к которому Комир ходил, я его узнала.

– Хм, – протянул Освальд. – Там никого нет.

– Сама вижу, – сдвинула брови я. Очень хотелось поверить, что мне только привиделась высокая тень, походкой царя направляющаяся ко мне.

Освальд накинул мне на плечи свою куртку, подобрал меч и сумку, и повел в сторону студенческого дома. Мне не было холодно, но его забота снимала страх, как лекарства лучших целителей. Освальд мне очень нравился.

– Освальд, – серьезно попросила я его, – только не влюб-

ляйся в меня.

– Хорошо, не буду, – легко согласился он. – А ты не влюбляйся в меня, иначе проблем у тебя станет еще больше.

Дальше мы пошли молча, я все еще оглядывалась в сторону леса. Он оставался тихим, но чувство тревоги не отступило до тех пор, пока мы не зашли под защитный купол академии магии. Только там я вздохнула свободно и посмотрела на светящиеся слабыми огоньками свечей окна студенческого дома.

В окне второго этажа мелькнуло и тут же исчезло чье-то лицо, а через мгновение в меня полетело кипятящее заклинание. Оно вызывало ожог, зудящие волдыри и сильнейшее расстройство желудка, которое делало и без того ужасное заклинание невыносимым. Это выходило за рамки студенческих шалостей и было караемым выходом за допустимые нормы. Освальд подставил магический щит мгновенно, будто еще у академии вояк знал, что на него нападут. Его брови сурово сошлись на переносице, взгляд исподлобья казался страшным. Заряд кипятящего заклинания срикошетил и рассыпался ярким фейерверком слизи во все стороны. Такой эффект я видела впервые.

– Освальд, кто ты такой? – во второй раз спросила я. – Только не говори мне, что просто студент или друг.

Он улыбнулся ясной и беззаботной улыбкой, но ничего пояснять не стал.

– Я, как и ты, не люблю выставляться напоказ, и у меня

есть свои секреты. Позволь мне пока сохранить свой. Пойдем-ка лучше отыщем этого смельчака, он перешел границы дозволенного.

Переступая растекшиеся лужами слизи остатки заклинания, мы поднялись на второй этаж. Освальд отсчитал пятаю от стены комнату, вежливо постучал. Ему не ответили, тогда он сам открыл дверь, без каких-либо усилий снял казенный магический щит, и сунув руки в карманы, вошел внутрь. Хозяйина комнаты не было видно, он отчаянно боялся под кроватью. Освальд прошелся, осматриваясь.

– Комната женская, – заключил он.

– Почему? – не поняла я.

– Здесь чисто и не пахнет носками! – коротко сказал он, нагнулся и заглянул под кровать. Я последовала его примеру. Злыми глазами на нас смотрела Рыжая, подружка Комира. Либо она была превосходной хозяйкой, либо готовилась прятаться от нас под кроватью, только пол был идеально чистым даже там.

– Чтобы это в последний раз, – строго погрозил ей пальцем Освальд. – Еще что-нибудь такое выкинешь – не прощу.

В его словах было столько убедительности и силы, что послушаться не хотелось. Рыжая тоже поняла, что с Освальдом опасно играть в подобные игры. Она сжалась и оскалилась, едва ли не теряя человеческий облик. Освальд выпрямился и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Теперь ко мне учить заклинание! – сказал он тоном, не

терпящим возражений. – Иначе кто-нибудь до тебя доберется, когда меня не будет рядом.

Он свернул в коридор налево, миновал несколько дверей и остановился у той, что была ровно над моей комнатой.

– Так это ты без конца топаешь, шторы задергиваешь и приводишь к себе девиц?

– Мешаю? – спросил он, нисколько не смутившись. Он отпер дверь и пропустил меня вперед, давая рассмотреть большую уютную комнату. Идеальные стены без единого пятнышка или потека, добротная мебель с искусной резьбой и дорогой аскарский ковер, в котором ноги тонули по щиколотку. Такая комната могла оказаться во дворце короля, спрятанная за старым гобеленом и предназначенная для спокойной работы или беседы с глазу на глаз. От кабинета ее отличала просторная кровать, для переговоров другого уровня. Но мой взгляд приковала не она, а стеллажи, стоявшие вдоль стен и плотно заставленные книгами от пола до потолка. Память выцепила из прошлого такие же стеллажи в библиотеке у Рональда с безупречными рядами выстроенных по алфавиту книг. Складывалось ощущение, что их расставляла одна и та же рука. Я вспомнила длинные пальцы Рональда, переворачивающие страницы, и будто почувствовала их легкое прикосновение на своей щеке. Слезы собрались на глазах, но плакать было стыдно, я заставила себя читать названия на корешках, чтобы прогнать внезапно нахлынувшие эмоции. Освальда, однако, это не обмануло.

– Тебя так расстроила моя книжная полка? – спросил он без насмешки.

– Нет, – печально сказала я, и внезапно для самой себя призналась:

– Просто один очень дорогой мне любитель книг не отвечает на письма.

Освальд деликатно промолчал, удержавшись от расспросов. Он отвернулся, заварил мне и себе чай, выставил на стол сладости и удобно уселся в кресле, предложив последовать его примеру. Чай разливался приятным теплом, пахнущим липовым цветом и розами. От него становилось спокойно и немного сонно. Освальд цепко наблюдал за мной, улавливая перемены настроения, и когда я немного забыла о своей тоске, начал посвящать в план дальнейших действий:

– Сегодня я тебе покажу как ставить магический щит, которым я тебя прикрыл двадцать минут назад. Он куда надежней, чем те, которые вы уже прошли в академии.

Я отметила, что Освальд говорит не «мы прошли», а «вы прошли», отстраняясь тем самым от остальных студентов. Впрочем, обмануть меня уже было нельзя. То, что Освальд не ученик больше не вызывало сомнений.

– Еще я научу тебя залечивать вывихи ушибы и прочую неприятную мелочь. Щит – чтобы ты не стала легкой добычей для Комира и его компании, если эти идиоты попробуют еще раз тебя атаковать. Исцеление – чтобы у тебя наконец сошли с тела все синяки.

– Откуда ты про синяки знаешь? – я все время носила платья с длинными рукавами, и они надежно скрывали синие-желто-зеленые пятна, художественно покрывавшие мои руки.

– Догадался. У новичков всегда так.

Больше он не дал ни времени, ни разъяснений, заставил меня встать и много раз повторить нужные слова, сосредоточив внутренней взгляд на всепоглощающей силе, протекавшей внутри от позвоночника к темени, и прочее, и прочее, на первый взгляд глупое и бессмысленное. Он отработывал со мной щит и целительное заклинание целый вечер.

«У меня не получится!» – говорила я ему раз за разом, но Освальд упорно заставлял меня повторять схему заклинания, пока, наконец, у меня вышло что-то, отдаленно напоминающее щит Освальда. Это было жалкое подобие того, что слету ставил он.

– Прекрасно, – похвалил Освальд просто чтобы подбодрить. Ничего прекрасного в корявых границах щита и дырке в его правом углу быть не могло.

Наконец Освальд сжалился надо мной и отпустил к себе, добавив напоследок, что мне еще пятнадцать страниц надо выучить к завтрашним занятиям и не проспять утреннюю пробежку.

Но утреннюю пробежку пришлось отменить. Прежде, чем успел застучать мой будильный камень, один из студентов военной академии нашел у леса служителя королевской по-

чты. Он лежал раскинув руки и стеклянными глазами смотрел в затянутое тучами небо. По его посиневшему лицу и жилистым кистям стекали слезами на землю капли холодного весеннего дождя, а из судорожно сжатых окостеневших пальцев черным веером торчали вороньи перья.

Ошибка Комира

Обе академии стояли на ушах. Лес обыскивали общими усилиями, но ни единый крохотный след или сломанная ветка не выдали чужого присутствия. За последние пять часов был опрошен каждый из трех сотен обитателей академий. Когда очередь дошла до меня, я много раз твердо и настойчиво повторила, что видела у леса незнакомца, но никто не придавал значения моим словам – слишком невнятным и зыбким было описание. Оно поставило на мне клеймо истеричной и излишне впечатлительной девицы, выдумавшей то, чего не было. Я и сама понимала, как глупо это звучит. «Очень злой силуэт бродит у леса и хочет убивать!» – голосом умственно отсталого прозвучало у меня в голове. Вряд ли это могло хоть кому-то показаться правдой, и желая убедить учителей в своей правоте, я сказала, что Комир знает кто прячется в лесу, и посоветовала тщательно расспросить его.

Привели Комира. Он все отрицал, едва шевеля бледными губами и глядя в пол. Его светлые волосы слиплись в сосульки, и даже дорогой камзол теперь казался старым, заношенным и слишком большим, будто был с чужого плеча. Однако, я точно помнила, как идеально он обтягивал спину Комира всего неделю назад. Именно камзол показывал, как сильно и резко похудел старшекурсник. Он выглядел больным и

усталым, под его глазами все еще оставались следы синяков, и весь он подрагивал от поглощающего его до самого нутра страха.

– Он лжет! – решительно сказала я на его неуверенные отрицания, но любовь учителей к Комиру была так сильна, что они предпочли поверить ему.

Над обеими академиями в тот же день были усилены защитные купола. Полупрозрачные, они висели широкими зонтами, прикрывая темные дорожки парков, дома студентов и учителей, казармы и учебные корпуса. Вдали за ними опасной чернотой нависал лес, над которым без остановки пыльным облаком кружили вороны.

Освальда я не могла найти до самого обеда. Побродив полдня в его поисках я отчаялась и вернулась к себе. К моему удивлению, он, сосредоточенный и непривычно серьезный, поджидал меня у двери, упершись спиной в стену.

– Ты ведь пропадал полдня потому, что ставил купола? – спросила я вместо приветствия.

Он не стал отпираться и кивнул.

– Скажи, хоть ты мне веришь, что Комир во всем этом замешан! – умоляюще посмотрела на него я, отпирая комнату.

Освальд только пожал плечами, он был молчалив, как никогда, взял меня под локоть, ввел в комнату и запер дверь на ключ. Только когда Освальд убедился, что комната защищена надежным щитом, он заговорил:

– Тебе нужно освоить щитовое заклинание сегодня!

– К чему такая спешка? Рональд настоял? – с насмешливой горечью позволила себе спросить я.

– Нет, – спокойно ответил Освальд. – Это мое желание. С этого момента без меня никуда не выходи, даже в коридор. Носи на себе не меньше дюжины булавок и очередку в кармане. Не оставайся с учителями и студентами наедине. На занятия к воякам буду тебя заводить я, а возвращать обратно Василика. Слушайся ее во всем: скажет бежать – беги, скажет нырнуть в болото – ныряй!

– Как же! Эта с радостью меня утопит! – я скрестила руки на груди, и не думая слушаться Освальда. Обида наката приливной волной, внезапно, неожиданно, поднимая со дна души весь накопившийся мусор. Я почувствовала себя дважды преданной – Рональдом, который полгода не писал и подсунул вместо себя охранника, даже не сказав об этом, и новым другом, который оказался простым наемным магом. Обида была почти осязаемой и плотным покрывалом висела в воздухе.

– Я отправил письмо Рональду, – сказал Освальд. – Завтра он приедет и заберет тебя – в городе безопасней.

В этот момент меня не беспокоили ни опасность, ни Комир, ни злые тени.

– А как же наша дружба, Освальд? Сколько Рональд тебе заплатил, чтобы ты ходил за мной, как за ребенком и утирал мне сопли? Во сколько оценил меня Рональд? Во сколько оценил ты дружбу со мной?

Освальд молчал.

– Тебе нужен щит? – чуть не плача спросила я. Злость собралась в тугой комок, и внезапно выстрелила, как пружина. Из выкинутой вперед руки поднялся идеальный щит, не хуже, чем у Освальда. Его края пылали золотом и были готовы обжечь любого, кто окажется слишком близко. Я пошла вперед, оттесняя Освальда к выходу. Он удивленно отступал, переводя растерянный взгляд с моего лица на тонкую канву магической защиты, пока не уперся спиной в дверь.

– Вот твой щит, идеальный, как ты и хотел! Это все? Тогда уходи и передай своему хозяину, что я сама могу о себе позаботиться.

Плечи Освальда опали, он развернулся, отпер дверь и вышел, унося за собой шлейф вины и обиды вперемешку. Мой щит немедленно погас, я подбежала к полке, судорожно вырвала из нее первую попавшуюся книгу и стала читать, чтобы только не дать слезам злости и обиды потечь из глаз. Слова проскальзывали, не цепляясь за сознание, но выполняли свое дело. Постепенно сердце перестало рваться, лицо гореть, а кровь бешено бить в ушах. Чернильные строчки, наконец, сложились в цепь и выстроились в связное предложение, превратив бессмысленный перебор букв в чтение.

Трудно было сказать, сколько оборотов сделала минутная стрелка, сколько страниц было прочитано. За окном было темно и тихо. Академия магии, наконец успокоилась по-

сле безумного дня и спала глубоко и тяжело, не ворочаясь, не шурша, не скрипя половицами. Тишина была неестественная, свет полукругом вырывал из темноты пожелтевшие страницы, испещренные красными буквами. В этой тишине стук в дверь прозвучал подобно глухому барабану, вернув меня из мира книжных грез в тесноту комнатки.

Если бы я не была так поглощена своими переживаниями и обратила внимание, что уже давно за полночь, если бы я уловила трусливый след того, кто стучал или просто спала и ничего не слышала, то все могло бы быть иначе, но увы.

Когда я открыла дверь за ней уже никого не было. На полу лежал сложенный белым треугольником листок. Красной розой на нем раскрывалась герцогская печать, а россыпь аккуратных вытянутых букв знакомого почерка снова заставили вспомнить длинные пальцы Рональда, сжимающие перо. Сердце, недавно сдавливаемое тоской, зашло от радости. Я схватила письмо и сломала печать, забыв остекленевшие глаза убитого почтальона.

Меня отбросило ударной волной обратно в комнату, впечатало, едва не ломая позвоночник, в перевернутый и отлетевший к окну стол. Ступня застряла между разлетающимися в щепки остатками шкафчика и книжной полки, хрустнула в рывке и боль горячей пульсацией хлынула вверх, добираясь до бедра. Я закричала, глядя на то, что было теперь на месте конверта. В полу, вместо клока гербовой бумаги, разверзалась зияющая дыра. Чернота ее провала уходила не

на нижние этажи или в подвал, а в плотную пустоту бездны. Из нее медленно потянулись тонкие длинные лапки, коленчатые, многосуставные, как у жуков. Они оканчивались почти человеческими пиявками-пальцами.

Непропорционально тонкие и длинные, лапки были не способны выдерживать собственный вес, и потому тянулись по полу, перебирая пальцами, нащупывали все, что были способны оторвать, и тянули в пасть бездны. Они неумолимо подбирались ко мне. Я выбросила вперед руку, ставя щит. Через собственную панику я смогла заметить, что щит получился отлично, но никакой преграды для лапок не создал. Они с противным шуршанием прорывались сквозь него и неотступно подтягивались ко мне.

Вот уже первая лапка нашарила мою сломанную лодыжку, за ней почти сразу ко мне прилипли вторая и третья. Я не давала себе отчет, что снова кричу. Руки, не дожидаясь команды, сами намертво ухватились за ножки кровати. Едва не задыхаясь от боли, я с силой пинала лапки здоровой ногой, стараясь отцепить их от себя, но они держали крепко, и на помощь к ним спешили все новые. Лапки судорожно сжимали коленца и рывками сдвигали меня вместе с кроватью, медленно, но решительно приближая к колодцу.

На миг за дверью мелькнуло перепуганное лицо Комира. Он едва не терял сознание от страха. Несколько рук-щупалец дернулись и поползли в его сторону.

– Я не хотел! – закричал Комир, хватаясь в отчаянии за

голову. – Не хотел! Не хотел! На помощь! – кричал он уже убегая. Одна из лапок почти ухватила его за ногу, промахнувшись всего на ладонь, и в разочаровании принялась ловить воздух в том месте, где он только что стоял.

Лапки не обращали никакого внимания на суету, поднимающуюся вокруг, на выглядывающих из комнат заспанных студентов. Они делали свое дело упрямо до тупости, толчками подволакивая меня к колодцу.

Одна из лапок, тянувшихся за Комиром, нашарила ужасный академический ковер, ухватила его и с натугой дернула. Ковер, будто нехотя, отлепился от пола, подняв воздух облако пыли и рассыпав вокруг панцири личинок моли, выевшей из него всю шерсть еще столетие назад. Истлевшие от времени волокна расходились, ковер едва не распался на куски, пока лапка тянула его к колодцу. Но один рывок, и он все-таки скрылся в провале, оставив на месте себя вековой слой пыли. Только существо, напрочь лишенное зрения и обоняния, могло заинтересоваться такой отвратительной вещью.

Мне предстояло последовать за ковром всего через три локтя. Смердный жар, поднимающийся из колодца, оплавлял кожу туфель на ногах. Провал дышал ядовитым зловонием, напоминая о неизбежности смерти. Теперь надежда на то, что помощь успеет подойти таяла в душном угаре неумолимо приближающегося колодца.

– Освальд! – в отчаянии закричала я, в очередной раз делая попытку столкнуть с себя лапки. Они теперь почти все

держали меня и в едином порыве увлекали к зеву колодца. – Освальд, помоги!!!

Все звуки слились в упругий гул, сверкнул серебряный проблеск, перерезая все жучьи лапки разом, чернота схлопнулась и исчезла, меч в руках Освальда пылал синим. От его света отрубленные конечности рассыпались пылью. Передо мной вместо колодца, снова лежало безобидное на вид письмо, лишь пара лапок, все еще сгибающихся в конвульсиях, напоминали о пережитом кошмаре.

– Больше никогда не буду читать письма! – сказала я, отцепила от ноги один из уцелевших обрубков и, тяжело дыша откинулась на пол.

Освальд резко выпрямился и огляделся, стирая капающий на глаза пот. Он выцепил взглядом трясущегося Комира, ухватил его за шиворот и рывком прижал к стенке, хорошо приложив об нее затылком. Было видно, что у Комира нет ни малейшего шанса вырваться. Трудно было поверить, что тихий, дружелюбный, тонкий, как трость Освальд может проявить такие напор и силу. Освальд поднес к лицу Комира одну из отрубленных лапок, и того затрясло еще сильнее.

– Говори, идиот, откуда у тебя взялось это заклинание! – рявкнул Освальд. Комир был на грани обморока, заикался, дрожал и не мог выдавить из себя ни единого слова.

– Хозяин... хозяин дал мне, – лепетал, спотыкаясь на каждом слогe, загнанный в угол отличник.

– Какой хозяин? – ревел, нависая над ним Освальд, но вы-

трясти что-либо из Комира было уже нельзя, его ноги подкашивались, а язык отказывался подчиняться и собирать звуки в слова.

– Безмозглый болван! – Освальд с отвращением отшвырнул его прочь от себя, как грязную тряпку. – Убирайся с моих глаз, я позже с тобой разберусь.

Тут к моей комнате подоспели помятые и кое как одетые учителя, Освальд коротко отдал им команду следить за Комиром, и они немедленно его послушались, отправив несколько человек за старшекурсником. Однако, когда маги заметили корчащиеся на полу обрубки лапок, они немедленно позабыли обо всем на свете. Хоть их ждали серьезные неприятности из-за случившегося, они радовались, как дети. Шутка ли, многим из них за всю жизнь не довелось увидеть артефакты настоящей черной магии. Учителя не могли больше ни о чем думать, все их внимание перешло к черным обрубкам, дрыгавшимся на полу. Маги бережно, как детей, принялись собирать их и переносить в учебный корпус, где намеревались залить прозрачной смолой, и увековечить редчайший образец черной магии для потомков.

Освальд был даже рад этому, ему не нужны были сейчас расспросы. Он быстро залечил мне ногу, схватил за руку и потащил к себе. Едва заперев дверь, Освальд указал на меня пальцем, сказал незнакомое слово, и комната стремительно стала расширяться. В отражении растущего на стене зеркала я увидела, как осело на пол мое платье, а в его складках

вместо человека оказался маленький белый зверек с огромными ушами.

– Что ты со мной сделал, предатель? – заорала я, звук получился тоненьким и незнакомым. Я попробовала карабкаться по одежным холмам, пища проклятья и призывая Хранительницу отомстить за меня противному Освальду. Огромные руки поймали и подняли меня вверх. Лицо Освальда было таким огромным, что он смог бы меня съесть за один укус. Я вывернулась и цапнула его за палец, горячая кровь брызнула мне в рот, но Освальд ждал этого и даже не дрогнул. Я опустила глаза вниз, на белой шерстке четырехпалых лапок атели пятнышки крови. Челюсти невольно разжались сами, я заскулила и лизнула раненый палец мага.

– Я твой друг, Лисичка, – погладил он меня пальцем по костлявому хребту. – Рональд попросил приглядывать за тобой, но я не удержался и влез в твою жизнь, оправдавшись тем, что тебя надо немного подучить на случай, если тебе придется отбиваться самой. Первый курс магии в Освии, как видишь, ничему путному не учит, сплошная теория, никакой практики. Прости, что не рассказал. Переночуешь у меня на подушке, так будет надежнее, только Василике ни слова! – почему-то вспомнил он. Так и знала, что Василика тоже в это втянута. Я сразу заподозрила в ней зло.

– Я что, мышь? – спросила я, почти придя в себя после происшедшего. Чудовищно большой рот Освальда расплылся в улыбке. К моему удивлению, он меня понял.

– Не совсеммышь. Кое-кто поинтересней. Не бойся, это мое личное заклинание. Несмотря на кажущуюся сложность превращения, побочка минимальная. У тебя всего лишь будут всю жизнь расти волосы на спине.

– Что?! – задохнулась от возмущения я.

Он рассмеялся.

– Успокойся, я пошутил. Не волосы, а бородавки.

Освальд действительно уступил целую подушку. Она была для меня как самый большой матрас в мире.

– Никогда тебе этого не прощу! – пропищала я, обиженно сворачиваясь калачиком и накрывая нос пушистым хвостом.

– Подучись немного, может, еще и отомстить получится, – подбодрил он и, так же улыбаясь, поставил сложнейший купол над своей комнатой. Потом, мгновение подумав, выплел отдельный маленький купол еще и над моей подушкой. Прямо в одежде он растянулся на кровати, скрестив руки на груди и глядя в потолок. Пряди волос падали на мою подушку и щекотали лапки. От них пахло терпкими травами и металлом. Освальд перестал обращать на меня внимание, и погрузился в тяжелые мысли.

Я решила все-таки обидеться, отвернулась от него и громко засопела. Обижаться не получалось, Освальд вызывал восхищение. Умение превращать людей в животных было исключительным, редким и требовало высокого мастерства и знаний. Только самые сильные маги прибегали к таким превращениям. Я надеялась, что Освальд вернет мне насто-

ящий облик не менее ловко, и для этого не придется есть какую-нибудь дрянь вроде слизняков или вареного лука. И желательно, чтобы без бородавок.

Шепот из каждого уголка академии сливался в общий гул, отражаясь от высоких стен светлых коридоров. Происшествие с колодцем и лапками видела половина учеников академии. Те, кому не повезло понаблюдать за этим своими глазами, не отставали от остальных и распускали совсем уж дикие слухи обо мне, Освальде и Комире. Последний, к слову, не стал дожидаться, когда суматоха уляжется и о нем вспомнят. Комир обошел жалкую охрану, приставленную впопыхах, и бесследно исчез.

Освальд сидел у меня за спиной, вытянув ноги и читая книжку, беззастенчиво отобранную у меня. Утром он принес меня в мою комнату, оставил там, закрыл дверь, снял сначала свой щит, а потом и вчерашнее заклинание. Я снова стала девушкой, бородавок, к счастью, на спине не было. Он терпеливо ждал, пока я приведу себя в порядок и оденусь, молча вел под локоть в директорский кабинет, и сам отвечал на многочисленные вопросы, которые сыпали учителя и директор. Я молча смотрела в окно, на выющую у леса дорогу и на ясное голубое небо, непривычно пустое, не испачканное ни единым пятном пролетающей птицы.

Потраченные за год усилия были перечеркнуты мрачными событиями последних дней. Об учебе теперь не могло

быть и речи. Директор в спешке убежал готовить академию к приезду герцога. Он то обещал освободить студентов от всех экзаменов за их старания в уборке, то угрожал вышвырнуть из академии навсегда, если они не успеют закончить. Студенты не верили ни в первое, ни во второе, дрались за спинами у магов и кидались тряпками. Зато учителя очень старались, и академия все-таки приняла приличный вид, разом скинув с себя несколько десятилетий пыли.

Мы с Освальдом остались в пустом директорском кабинете. Ожидание было тяжелым и безрадостным. От скуки я следила за большими напольными часами, отсчитывающими секунды ленивыми колебаниями маятника. Часы были искусно расписаны. Художник постарался и изобразил под циферблатом сцену поединка двух магов. Они стояли друг напротив друга, скрючив пальцы и с нескрываемой неприязнью глядя друг на друга. Маги были лысыми, как и полагалось в Освии. По негласной традиции все маги здесь должны были бриться налысо, чтобы показать блеск своих голов. Зато бороды они растили на славу, некоторые, самые предприимчивые маги даже заговаривали несколько волосков, вплетая в них сложные боевые заклинания. В случае опасности можно было просто вырвать нужный волос, высвободить энергию заклинания, не тратя на это ни сил, ни времени, и использовать против врага. Заговоренные волосы помечали лентами, бусинами, или просто связывались в пучок, чтобы их можно было отличить от остальных. Маги на часах швыряли друг

в друга волосы, их бороды развевало несуществующим ветром, бусины блестели.

Минутная стрелка нехотя сползла вниз на одно деление, указав точно в нос одному из магов. Я скосила взгляд на Освальда, свободно развалившегося в кресле. Что он был за маг, раз носил свои кудри и нисколько не заботился о чужом мнении? Что он был за маг, если мог потратить полгода наблюдая за скучными первокурсниками, проходящими азы, а сам при этом с легкостью делая такое, от чего местные учителя открывали рты. Одно было несомненно – Рональд потруился найти для меня лучшего охранника, какого можно представить.

Стрелка часов снова скользнула на одно деление, а по коридору прошелся шепот, подкрепленный волной жгучего любопытства. Это был знак, что ждать осталось совсем чуть-чуть. Я повернула голову к двери, за секунду до того, как мой родной, любимый Рональд дернул ручку и встал в дверном проеме, загораживая плечами бьющий из окон коридора свет. Был виден только его силуэт в ареоле лучей, но его радость я могла распознать и так.

За ним появилась еще одна фигура с гладкой, как колесо головой, и обрывки фраз прорвались через размеренный шум коридора.

– ... письмо оказалось не совсем безопасным и вызвало некоторые колебания пространства, повлекшие массовые галлюцинации. Ничего серьезного, пара пустяков...– лепе-

тал директор, сам не веря в свои слова. В его голове пронеслись мысли о том, что академию закроют, а всех учителей отправят в сырые подвалы королевских тюрем. Теперь секрет моей связи с семейством герцогов был раскрыт, и учителя осознали, что неприятность ситуации куда глубже, чем им казалось вначале.

Рональд не мог сердиться. Он шагнул вперед, выходя из пучка солнечных лучей, и я увидела его улыбку. В эту секунду я смогла бы простить ему все, не только бесконечное ожидание письма, затянувшееся на полгода. Я, не двигаясь сидела в директорском кресле и смотрела на него, не в силах оторвать взгляд.

Освальд подошел к Рональду, крепко пожал руку и обнял, не оставляя сомнений, что их связывали не деньги и заказы, а нечто куда более прочное. Дверь закрылась, отрезав любопытные взгляды многих глаз, но я все еще не хотела говорить. Я не хотела делить разговор с Рональдом ни с одними посторонними ушами. Сплетникам и так хватит пищи для творчества на ближайший месяц. Я была уверена, что уже к вечеру слухи обо мне, Рональде и Освальде разлетятся по всей академии, переплетутся с затейливыми домыслами и создадут невероятную картину, вряд ли имеющую хоть какое-то отношение к реальности.

Директор еще что-то пытался объяснить, потом сник, махнул рукой и поплелся прочь, уступая нам свой кабинет. Едва он вышел, Освальд непринужденным жестом поставил про-

тивошпионскую защиту и маленький купол.

После этого Рональд подошел ко мне, взял за руку, ту самую, на которой было его кольцо, и посмотрел в глаза долгим взглядом.

– Почему ты не писал? – шепнула я мучавший меня так долго вопрос.

– Я писал тебе каждый день, – так же шепотом ответил он, перевернул мою руку ладонью вверх и поцеловал в переплетение линий. Я ему сразу поверила.

Освальд кашлянул, напоминая о себе.

– Давайте вы, голубки, потом поворкуете, без меня, – влез он. – Сейчас есть вопрос поважнее.

Я покраснела. Мне стало стыдно, Рональд отпустил мою руку и шагнул в сторону.

– Рассказывай, – обратился он к Освальду, и маг стал по порядку выкладывать все, что произошло со мной от момента нашей встречи в комнате Комира и кончая ссорой и лапками.

– Вчера Лисичке под двери подложили конверт. На письме было очень непростое заклинание. Я видел такое только однажды, когда Фермес в последний раз воевал с Аскаророй.

Про названные Освальдом королевства я слышала много раз. Их история была излюбленной у всех учителей, которым нужно было на примере объяснить, на какую изобретательность способны люди в своем непримиримости и жажде наживы. Фермес был богатым и сильным королевством. Жи-

тели поклонялись Солнцу, считая, что оно старше и сильнее Матери Хранительницы, а сила – это то, чему они всегда отдавали предпочтение. Все мужчины там носили длинные до пола платья, преимущественно черного цвета, считая, что он помогает закалить характер и выдержку в ужасной жаре Фермеса. Женщины тоже носили платья, правда, другого покроя, и любого цвета, кроме черного. Маги Фермеса не стригли волосы, как в Освии, а наоборот, отращивали, чтобы выделяться на фоне остальных жителей.

Богатство и могущество Фермеса были известны далеко за его пределами. Люди в нем привыкли к достатку или даже к роскоши. Ценою этого были постоянные войны с соседними королевствами и использование труда рабов, в которых Фермес превращал жителей завоеванных им земель.

Древняя династия ее правителей славилась на весь мир умом, хитростью и воинственностью. С их подачи Фермес поглощал все новые территории. Освию спасало от такого опасного соседства только море. Флот в Фермесе был, к счастью, слабым, трудно построить корабли, если у тебя не растет ничего, крупнее яблонь. Поэтому высокие звонкие леса Аскары были так притягательны для Фермеса. Королевство не оставляло попыток покорить неподатливый клочок земли, окруженный с одной стороны покатыми хребтами холмов, за которые цеплялись грозовые тучи, а с другой теплыми водами Бирюзового моря. Воины Аскары были храбры и могучи, они ни за что не желали отдать свой маленький рай посреди

пустынь, и не жалели жизней, защищая своих женщин, детей и белокаменные города, лежащие посреди высоких лесов.

Даже это не помогло бы им выдержать натиск огромного и могущественного Фермеса, но им помогало одно древнее заклинание. Давно, когда магии, рассыпанной Хранительницей, было еще очень много, а народы уже воевали между собой, один вдохновленный чародей, желая защитить родное королевство, смастерил из глины и пучка перьев волшебную птицу. Маленькая, красная, она казалась невзрачной и бесполезной, никто не придал значения этой новой игрушке, вышедшей из-под рук очередного мастера. Однако уже совсем скоро птичку стали считать самым важным изобретением в королевстве. Маг выпустил ее в небо, повелев ей облетать земли Аскары и охранять ее покой. Стоило вражескому войску подойти к границам непоклонного королевства, как маленькая, всего с кулачок птица, поднимала такой крик, что в озерах, реках, ручьях, колодцах и даже чашках на столе по всей Аскаре, начинала дрожать вода. Жители мгновенно узнавали об опасности, неважно, как далеко от нее находились. Напасть на Аскару внезапно стало невозможно.

Правящий в те времена король приказал магу смастерить еще три сотни птиц и не жалея отмерял ему денег. Маг успел выполнить королевский заказ, но внезапно умер, не успев передать свое мастерство.

Птицы не требовали ни сна, ни отдыха, маги и воины самоотверженно несли караулы, но воинственный Фермес не

переставал время от времени нападать на Аскару, будто выжидая тот момент, когда последняя волшебная птица сломается, а бдительность аскарцев иссякнет.

Последняя война между Аскаррой и Фермесом случилась не так давно. Она была кровавой и жестокой как ни одна прежде. Много воинов пало, и Аскара одержала верх с такими потерями, которых не знала раньше. В Фермес из похода тоже возвращались жалкие крохи тех людей, которые вышли в него. Говорят, что в последнем бою Фермес применил нечто ужасное, какое-то неведомое заклинание, вышедшее из-под контроля, и с которым пришлось бороться магам обоих королевств, позабыв о том, на чьей они стороне.

– Там были такие же колодцы, – сказ Освальд так буднично, будто ему каждый день приходилось иметь дело с бешеной чужеродной и отвратительной магией. Он безмятежно, тоном учителя истории продолжал:

– Война кончилась из-за них, а последствия мы устраняли еще несколько лет. Твой колодец был крошечный и всего один, почти пустяк. Там таких были сотни. Земля походила на решето, из которого лезла устойчивая к магии и оружию дрянь. Она вырывала с корнями деревья, дерн, хватала людей, лошадей, оружие, все, что попадалось, утаскивала к себе и тут же возвращалась вновь. Ни насытиться, ни устать она не хотела. Щупы не волновало, кто их призвал, они были третьей, равнодушной силой, защищающей только свои интересы.

Я был среди магов, оставшихся убирать колодцы, когда войска отступили. Несколько месяцев я занимался поиском способа закрыть их, но тщетно. Колодцы разрастались, множились и казалось, мы эту войну не выиграем. Много магов сгнуло, прежде чем оставшиеся выяснили, что обитатели колодцев ничего не способны поделаться с серебром. Освальд достал на свет и повертел серебряный меч, которым вчера отсек чудовищные лапки. – Слишком мягкий и тяжелый, бесполезный против оружия, зато безотказный и верный инструмент в борьбе с обитателями колодцев.

Я рассказываю вам это, чтобы вы поняли, насколько все серьезно. Это не детская шалость, не розыгрыш, не глупая школьная вражда, – это сложная, дикая и необузданная магия, которой не побоится пользоваться разве что сумасшедший.

Кроме того, чтобы создать колодец, нужен доступ к неисчерпаемому источнику магии прямо в волшебном мире Хранительницы. У Комира его, конечно же, нет. Теперь вы вдвоем хорошо подумайте и скажите мне сами, кто мог захотеть убить Лисичку руками послушного дурака, не боясь риска, случайных жертв или разоблачения.

– Дядя-маг! – не задумываясь, решила я.

– Не может быть... – упавшим голосом, сомневаясь и не веря в собственную догадку, проговорил Рональд. – Это так похоже на Черного Геральта.

– На кого? – я непонимающе посмотрела на него.

– Рассказывай, – теперь скомандовал Освальд.

Рональд опустился в кресло и потер лоб. Он вспомнил что-то очень неприятное, тягучую тревогу вперемешку с глубоким отвращением. Он вздохнул и стал рассказывать.

Рассказ Рональда

Мне было четырнадцать и к тому времени лучшие учителя Освии уже научили меня всему, что умели сами. Тогда я искренне и наивно хотел быть полезным для своего королевства и сделать жизнь в нем лучше, а для этого нужны были знания. Я стал просить родителей отправить меня туда, где мне было чему поучиться.

Мать сильно плакала, и все же сама, своими руками писала письма за море, выбирала академии и учителей. Переписка длилась немало времени, но в конце концов решение было принято – я должен был плыть в Аскару, а оттуда с караваном добираться до Фермеса. Вместе с Киром – верным слугой моих родителей, я пересек Бирюзовое море на торговом судне. Мы месяц качались на волнах, не видя ничего кроме воды и неба, потом еще долго плелись по пескам. За дорогу Кир перестал быть слугой и стал моим единственным собеседником и другом, даже больше, он стал родным, как старший брат. Он помогал по прибытию найти и купить дом, менял деньги, договаривался с торговцами, нанимал необходимых слуг, учил со мной язык, объяснял, чего не стоит делать или говорить в Фермесе, как себя вести, чтобы вернуться домой невредимым.

Когда покидаешь надолго родную страну, тебя, будто дерево, вырывают с корнями из привычного места и сажают в

только что вскопанный грунт. Ты снова в земле и хорошо полит, но корни повреждены, рыхлая поверхность не хочет тебя держать, и чтобы прижиться и пустить мелкие корни нужно много времени. Год прошел прежде, чем меня приняла чужая земля, стали появляться друзья, приходиться гости, улыбаться девушки, понимать учителя и торговцы.

Кир пустил корни куда быстрее. К концу года черноглазая дочь королевского лучника была его невестой, и он готовил свадьбу. К тому времени мне его помощь и компания уже не были нужны, как раньше. В академии со мной учились блестящие целители, алхимики, маги, воители, советники – свет будущего королевства.

Геральт учился на мага. Он сидел всегда на первых рядах, засыпал учителей вопросами, блестяще отвечал, если что-либо спрашивали у него и всякому, кто смел над ним смеяться или проявлять неуважение, так мастерски закрывал рот, что желания попробовать снова ни у кого не возникало. Он был гордостью академии, ее надеждой на прославление имени, золотым среди меди. Геральт тянулся к любым знаниям, и никогда не выпускал книги из рук. Однажды он увидел на моем столе редкую книгу, привезенную мной из Осваии. В Фермесе такую было не достать. Голос Геральта дрожал от волнения, когда он просил взять ее на время. Едва он ее получил – стал перелистывать, выхватывать фразы, с жадностью голодного, увидевшего хлеб и старающегося затолкать его в рот целиком. Скоро Геральт стал частым гостем в мо-

ем доме, и незаметно для меня самого, превратился в друга. Каждый день после уроков мы шли ко мне, обсуждали прочитанное, спорили.

– Как бы ты поступил, Рональд, если бы перед тобой над обрывом были подвешены пять человек, и спасти их можно было только столкнув проходящего мимо дряхлого старика в пропасть? – спрашивал он.

– Как бы ты поступил, Рональд, если бы у тебя была возможность сохранить жизнь либо одному другу, либо сотне незнакомцев?

– Как бы ты поступил, Рональд, если бы знал, как привести к процветанию целое королевство, но на пути к нему должен был пойти на жертвы?

В пятнадцать лет у меня было в голове много строчек из книг, но не было ответов на вопросы Геральта. Я стал его слушателем и почитателем, а он главным моим учителем. В свои неполные восемнадцать Геральт уже успел получить степень магистра магии, прибиться к королевскому двору и написать пару очень читаемых магических трактатов. Он делал поправки в чужих заклинаниях, заранее мог предсказать, как будет работать новое зелье, глядя на его состав. Коллеги-маги пророчили ему великое будущее, придворные дамы изнемогали от любви, чуя в нем незаурядный талант и будущее богатство, а я его боготворил. Наша дружба продолжалась почти год, пока не произошло нечто, изменившее мое отношение к Геральту раз и навсегда.

Он прибежал в воодушевлении, скорее похожем на безумие и едва ли не силой потянул меня к себе, даже не дав затянуть ремни на сапогах. Геральт увлекал меня к своему дому, бросая на ходу обрывки фраз, из которых трудно было что-то понять. Он бормотал про великую цель, про долгие поиски и невыносимое ожидание. Его нетерпение и возбуждение били наружу с такой силой, что хватило бы на троих людей в наивысшей степени счастья.

Я знал, что в богатых семьях Фермеса был обычай дарить детям на совершеннолетие первых рабов. В тот день Геральту исполнилось восемнадцать. Его раб висел вниз головой, привязанный за ноги к потолочной балке. На вид он был ровесником Грельта. Связанный, беспомощный, униженный, он был раздет догола и тело его покрывали сложные магические узоры.

– Ты мой лучший друг, Рональд! – сказал Геральт. – Поэтому я привел тебя сюда. Ты единственный сможешь меня понять, потому что ты такой же, как и я.

Ты знаешь, как мало осталось магии в нашем мире. Нам приходится собирать жалкие крохи и применять их по большей части для глупых бесполезных фокусов, смиряясь с побочными действиями даже от них. Магия утратила силу и гордость, стала достоянием циркачей, корчащихся перед публикой. Я все изменю! Я верну силу магии и магам, завоюю весь мир и поведу его под своими знаменами в эпоху вечного счастья и процветания. Магия даст нам силы под-

чинить всех, кто не захочет сам идти с нами. Мы уничтожим непросвещенность и ограниченность и дадим образование даже последнему водовозу. Мы сами, своими руками выстроим мир мечты.

Если бы ты знал, как долго я искал заклинание, способное проложить дорожку к вечному, неиссякаемому источнику магии! Я потратил годы, чтобы сложить нужные слова воедино и получить заветную строчку. Теперь я всего в шаге от цели. Я бы не просил тебя, но для обряда нужен еще один человек. Ты нужен мне, Рональд! Вместе мы сможем все изменить. Одна жертва – и мы с тобой властители мира навсегда! – закончил он, вопросительно и выжидающе глядя на меня. Бесчувственное тело раба раскачивалось, чертя пальцами по полу.

– Ты и так самый сильный маг Фермеса, неужели тебе этого мало? – спросил я.

Тогда я будто впервые увидел Геральта. За его умом и талантом не было ничего кроме равнодушия, холода и неудержимой жажды власти. Ум и отсутствие совести – страшное сочетание. Человек, обладающий двумя этими качествами одновременно, способен добиться многого, но ценой этого будут многие отнятые жизни, искалеченные судьбы и нарушенная справедливость. Такие люди идут к цели, уничтожая по пути всех и все. Каждый из них начинается с того, что мучает котят, а кончает тем, что бездумно стирает целые города.

Геральт между тем спокойно и равнодушно рассказывал,

как правильно проводить обряд, детально поясняя, что станет делать с жертвой, чтобы потом с легкостью богов творить свое колдовство. Для него уже тогда убить человека было так же легко, как сорвать с ветки яблоко.

В Фермесе, как и во всем мире, считалось величайшим преступлением отбирать жизнь, дарованную Солнцем и Хранительницей Весов. В тот момент у меня разом появились ответы на все его вопросы. Нельзя через зло прийти к добру. Зло порождает только еще большее зло. Каким чудовищем стал бы я в двадцать восемь лет, если бы в пятнадцать убил человека? Как бы я мог судить людей, если бы сам был преступником, бесконечно сильным, но лишенным сострадания?

– Ты не прав! – я стал его отговаривать, но проще было убедить камень в том, что он птица, чем Геральта в неправоте.

– Я думал, ты поймешь, – сказал он разочарованно и с полнейшим безразличием выпустил в меня заклинание. Для него не существовало дружбы. Для него не существовало чести. Существовали только его цель и мое предательство. Заклинание Геральта попало, но мне повезло – предусмотрительный Кир прикрепил на всю мою одежду заговоренные булавки, именно на такой случай. Булавка сработала, заклинание – нет. Из-за этого самый талантливый маг королевства растерялся – он никогда не давал осечки. Геральт занервничал, и промахнулся следующим ударом опять.

Мне хватило этого, чтобы перерубить веревку, на которой висел раб, подхватить его на плечо и побежать прочь. Геральт попал мне в спину еще два раза. Вернее, один раз в спину мне, приведя в негодность последнюю булавку, а один раз в безвольное тело на моем плече. Второе заклинание убило несчастного раба.

Пятое заклинание Геральта попало в меня, когда я был уже на улице. На этот раз он не промахнулся, а булавок больше не осталось. Я упал на булыжники мостовой, пропахал носом землю, сломал три ребра, одно из них пробило легкое. Вокруг меня собралась толпа, многие видели, что произошло, за Геральтом немедленно пришли стражи-маги и утащили его в тюрьму, застегнув на шее противомагический ошейник. Проходя над моим изломанным и едва живым телом, он в бессильной ярости кричал:

– Я вернусь и отниму у тебя все, что ты любишь! Я разрушу твою жизнь по кирпичику, не оставив даже фундамента! Я заставлю тебя завидовать мертвым и каждый твой день превращу в пытку! – он ненавидел меня всем сердцем и искренне верил в то, что говорил.

Если бы маги Фермеса не старались изо всех сил поставить меня на ноги, я умер бы еще тогда, но Кир постарался и убедил всех, что моя смерть окончится войной для Фермеса. Он щедро рассыпал родительское золото перед магами и лекарями, и меня каким-то чудом выходили.

Когда совет магов и король узнали о планах Геральта, они

остались так же недовольны, как и я. Преступного мага и раньше побаивались, а с неограниченной властью его не хотел видеть никто. Король постарался, чтобы Геральт затерялся в тюрьмах Фермеса навсегда, стремясь придать забвению его опасные идеи.

Я слышал, что во время последней войны между Фермесом и Аскаррой король тайно даровал свободу многим арестованным магам взамен на их помощь. Вот только кто в здравом уме мог выпустить Геральта?

— Тот, кто так же, как и он, хочет власти любой ценой, — подвел итог Освальд.

Дело оказалось куда хуже, чем можно было подумать вначале. Прощай, моя размеренная жизнь. Чем мне не нравились мирные месяцы, проведенные в академиях? Было трудно, зато тихо и спокойно. Разобраться с зелеными одногодками, куда проще, чем со зрелым, опытным магом, прошедшим войну и, возможно, запустившим руки в неисчерпаемый источник магической энергии.

И почему людям не сидится спокойно дома? Потратить столько сил, времени, денег, чтобы спустя много лет найти человека, живущего за морем, разузнать все о его родных и близких, начать строить против них козни, подкупить студента, перехватить и заговорить письмо. На такое мог пойти только очень целеустремленный человек. Никогда не понимала, что движет злодеями. Как они принимают решение

пойти по пути зла? Подходит к отцу какой-нибудь маленький мальчик со светлыми волосами, как у Комира, и спрашивает тоненьким невинным голоском:

– Папа, а почему все говорят, что мы злодеи?

– Потому, что мы – злодеи, сынок, – серьезно отвечает отец.

– Но я не хочу быть злодеем, – говорит расстроенный сын.

Тогда отец берет его за руку, ведет по длинному коридору, увешанному портретами разной давности, и рассказывает:

– Взгляни на эти лица, сынок. Я всю жизнь был злодеем, твой дед, прадед, прапрадед и даже прапрапрадед – все были злодеями и гордились этим. Нас боялись так, как никого и никогда. Мы наполняли сердца людей страхом, а жизни смыслом. Мы заставляли героев идти на подвиги и убивать нас, мы делали так, что ленивый народ начинал двигаться, желать и идти к цели! Если бы не злодеи – человечество пало бы жертвой собственной скуки, лени и меланхолии. Я горжусь своими предками и великим делом, которому они отдавались всей душой. Надеюсь, ты тоже когда-нибудь поймешь всю важность нашего ремесла и пойдешь по нашим стопам.

– Теперь понятно, – говорит сын патетически. – Я и не знал, что весь мир держится на наших жестоких плечах. Конечно, я пойду по стопам своих предков и стану таким же, как они.

Отец, прослезившись, гладит сына по голове и говорит:

– Постарайся, сынок, стать злее, чем они.

Рональд, погруженный в свои мысли, смотрел в сторону. Тревога за близких страшнее, чем тревога за себя.

– Не переживай, прорвемся, – попробовала я успокоить своего жениха. Возможно, сработало бы лучше, если бы голос был поувереннее и не дал петуха на последнем слове.

– Мы едем домой немедленно, – принял решение Рональд, пропустив мимо ушей мои слова.

– А как же экзамены? – попробовала спорить я. Хоть Освальд и предупреждал накануне, что Рональд заберет меня, я до последнего момента не верила и даже не попыталась собрать вещи. Мне жаль было прекращать учебу, когда столько было уже пройдено и пережито.

– От экзаменов тебя освободили, – вмешался Освальд.

– Это из-за того, что все теперь знают, что я невеста Рональда? – я скисла, предвкушая каким натянутым теперь станет мое общение с учителями и студентами.

– Нет, это потому, что ты повлияла на исчезновение ковра! – заверил меня Освальд.

Рональд встал и решительно направился к входу.

– Я отправлю кого-нибудь собрать твои вещи, – сказал он уже у двери. – А ты оставайся здесь и от Освальда ни на шаг.

Я представила, как кто-то перебирает мою одежду, выкладывает белье ровными стопочками, и умоляюще посмотрела на Рональда. Он понял.

– Ты не того боишься, – попробовал вразумить меня он, – Геральт никого не станет жалеть. Я многое переосмыслил после нашей последней с ним встречи, и знаю наверняка, что он просочится через любой купол, обманет охрану, вымостит дорожку трупами и пойдет по ней к своей цели без сомнений или сожалений. Ты опять попала в неприятности из-за меня, и, если с тобой что-нибудь случится, я не смогу жить из-за чувства вины. У меня уже и так накопилось слишком много вещей, о которых я жалею и не хочу вспоминать, но не вспоминать не получается. Они всегда со мной, сами решают, когда появиться, и когда это происходит – моя жизнь превращается в пытку без всякого вмешательства Геральта. И знаешь что? Со временем лучше не становится. Где-то там, в моей памяти, уже есть маленькое кладбище, выросшее моими стараниями. Я не хочу, чтобы на нем оказалась еще и ты.

Мы с Освальдом молчали. Подобное кладбище в душе у каждого человека устраивала его собственная совесть. Если, конечно, она у него была. На моем личном кладбище покоились слова, брошенные в гневе, подлость, совершенная хоть и в детстве, но от этого не переставшая ею быть, несправедливость, допущенная к другим людям по моей вине, и много чего другого. На кладбище у Рональда могли оказаться и мертвецы. Я боялась об этом думать и спрашивать.

Он вышел. Мы остались сидеть с Освальдом все еще под защитой его щита. Освальд был очень озадачен. Ему не нравилось происходящее.

– Насколько все плохо, Освальд? – спросила я.

Он немного подумал, а потом нехотя ответил:

– Хуже некуда. Вероятнее всего, Рональд не ошибается.

Характер и особенность заклинания не местные, не освийские. Все дорожки ведут к фермесским мастерам колдовского дела. Легко угадать умельца по книгам, из которых он черпает заклинания.

– А из каких книг черпаешь заклинания ты? – поинтересовалась я.

Освальд бросил на меня быстрый внимательный взгляд.

– Ты, похоже, догадалась, – сказал он. – Да, я не из Освии. Я родился и вырос в Аскаре. Моя мать была освийкой, поэтому я с самого детства умел чисто говорить на двух языках. Потом к ним добавились еще два. Колдовать я начал в три года, а курс своего университета прошел за два, окончив его со званием магистра. Дальше я путешествовал по странам и городам, в которых были хоть мало-мальски приличные школы магии, вбирая в себя все, что могло пригодиться. Я даже умудрился окончить университет в Фермесе, чтобы узнать магию врага изнутри.

Потом случилась война. Когда я вместе с другими магами убирал колодцы с оскверненного поля сражения, меня оглушил подкравшийся сзади солдат. Жажда наживы победила в нем страх и здравый смысл. Вместо того чтобы бежать со всеми с проклятого поля, он остался мародерствовать, ничего стоящего не нашел, лапки постарались, тогда он решил

прихватить меня. Человека тоже можно хорошо продать. Пока я был без сознания, он надел на меня противомагический ошейник и надежно связал.

Негодяй забрал мой серебряный меч и продал его сразу же по возвращению в город. В Фермесе меня никто не купил, так как я был слишком уж худой. Мой вид никого не впечатлял, вряд ли я мог справляться с тяжелой работой, а как мага меня использовать против воли было невозможно. В конце концов предприимчивый фермесец продал-таки меня торговцам, идущим караваном в Аскару за полупустой кошель серебра. Те меня перепродали на корабль. Боцман, купивший меня за один золотой, прекрасно видел мой ошейник и знал, что тот обозначает. Он, не колеблясь выкинул ключ от него в море. Я плавал на этом корабле два года, пока он не пришел в очередной раз к берегам Освии.

Рональд заметил меня, проезжая мимо порта, где я таскал мешки с мелом. Он тоже обратил внимание на ошейник и выкупил меня. Рональд долго разговаривал со мной, выясняя, как я оказался в таком плачевном для мага положении. Ошейниками награждают преступных магов, ловить их не так-то просто, и надо быть совершенно уверенным в порядочности человека, прежде чем его освободить. Он поверил мне, нашел мастера, который сумел подобрать ключ и пригласил меня остаться у него, как гостя. Год я прожил в его доме прежде, чем решил вернуться домой.

Я обязан Рональду своей свободой. Поэтому, когда он по-

просил присмотреть за тобой – я, конечно же, согласился. Это мелочь по сравнению с той услугой, которую он оказал мне.

Пока вы учили скучные базовые заклинания – я наблюдал за способами преподавания в Освии, и писал сравнительный трактат. Потом, когда Комир влез в твою спокойную жизнь, я попытался объяснить ему, что тебя нельзя трогать, но он оказался твердолобым дураком и не послушал.

Освальд хотел еще что-то сказать, но тут дверь открылась, и вошел человек, которого я меньше всего ожидала увидеть. Коричневая кожа тренировочного костюма плотно обтягивала узкие бедра и крепкую грудь Василики. Из десятка карманов торчали рукоятки мелкого, но наверняка хорошо наточенного оружия, а из одного выглядывало горлышко флакончика с очередкой. Через ее плечи, крест на крест были перекинуты два ремня – один от арбалета, другой от большой, тяжелой на вид сумки. Несмотря на это Василика шла легко и плавно, напоминая дикую кошку, вышедшую на прогулку, но неизменно готовую к охоте. Подтянутая, тонкая, сильная и очень красивая, Василика недовольно посмотрела на меня, ее глаза блеснули, а неприязнь и ревность стали очень хорошо заметны.

Василика небрежно бросила сумку на пол, подошла к Освальду, и не стесняясь меня, поцеловала его в губы. От удивления у меня пропали слова, осталось только неловкость. Я встала, чтобы уйти, но Освальд заметил мой порыв,

отлепил от себя Василику и остановил меня:

– Тебе нельзя уходить, помнишь?

Я повернулась и уселась обратно, стараясь не смотреть, как Василика, стоя рядом с Освальдом, перебирает его блестящие кудри огрубевшими пальцами.

– Василика – моя жена и мастер военной академии Аскары. Она тоже присматривала за тобой. Ей надо было как-то коротать время, пока я сидел здесь, так что она взялась провести курс у вояк и заодно подтянуть тебя в бое на мечях.

Василика ядовито улыбнулась, а мое недоумение начинало сменяться возмущением. Присматривала?! Да она меня сама своими руками чуть на тот свет не отправила. Это из-за нее у меня не прекращало все болеть. Я подозревала, что даже получила несколько сотрясений ее стараниями, а мысль, что я никак не могу одолеть такую же, как и я студентку, неуклонно заставляла терять уверенность в себе. Мне бы сильно помогло знание, что она мастер, а не ученик.

– Что теперь, Освальд? – недовольно спросила Василика. – Мы должны тащиться куда-то за этой неумехой?

– Мы не должны, но проводим ее и Рональда. Им нужна будет хорошая магическая защита. Кроме того, если выяснится, что маг, ввязавший нас в эту переделку виновен и в том, что творилось на полях Аскары, мы получим щедрую королевскую награду.

Упоминание о награде приободрило Василику. В ней проснулся азарт ловца, умелого охотника, страстно жажду-

щего выследить жертву и увидеть цвет ее крови. Хорошо, что ее внимание наконец-то переключилось с меня на кого-то еще.

В эту минуту вернулся Рональд. Он несколько не удивился Василике, которая немедленно шагнула в сторону и вытянула пальцы из волос Освальда.

– Это, должно быть, твоя прекрасная жена? – слегка поклонился Рональд. Василика сделала в ответ мужской поклон, не отрывая внимательный взгляд от моего жениха. Рональд ей явно нравился, она ему тоже.

– Карета готова, вещи собраны. Мы можем ехать, – сказал Рональд, подставляя мне локоть.

Сквозь плотное напряжение проступил лучик радости. Мы снова будем вместе, мы едем домой, тепло стен замка, будто уже защищало меня от всех бед этого мира.

Дом

Хоть Освальд отпирался как мог, Рональд пообещал хорошо заплатить и ему, и Василике за охрану всех обитателей замка. Освальд должен был создать новый магический купол. Рональд прекрасно без него обходился с тех пор, как сломался прежний и до самого этого момента, но теперь все изменилось. Освальд пообещал лучшую защиту в королевстве, и я с легкостью ему верила.

«А почему, интересно, Геральт именно Черный? – задумалась я, в полудреме уронив голову на плечо Рональда. – Может быть, он в детстве не мылся, ходил грязным и мать наказала его таким прозвищем? Или это его настоящая фамилия, которой он гордится? А может быть это состояние души и мыслей? Ему бы подошли все три варианта.»

Всю дорогу Освальд ждал неприятностей, но обошлось. К белым стенам замка мы подъехали только вечером. В окошке первого этажа, наполовину ушедшего в землю, теплился свет. Где-то там няня Мэлли готовила ужин и дожидалась возвращения воспитанника, которого любила, как сына.

Привычным звуком отдалась плитка подъездной площадки, бесшумно открылась дверь, и я вошла внутрь, вдыхая знакомый запах дома. Здесь все осталось как прежде, и это было прекрасно. Няня выглянула из бокового коридора, и увидев меня, с радостным возгласом поспешила навстречу.

Она едва не задушила меня в объятьях, не забывая причитывать, что ей никто не потрудился сообщить о приезде гостей. Тем не менее через полчаса стол был накрыт так, будто няня готовилась к приему по крайней мере маленькой армии.

Быстро переодевшись и умывшись, я спустилась к столу, ловя носом сказочные запахи. Все уже собрались и ждали только меня. Я уселась и заметила, что напротив, на стуле из синего дерева сидит прекрасная незнакомка. Я выронила ложку, когда всмотрелась внимательнее и узнала в ней Василику. Жена мага успела сменить кожаный костюм на атласное платье с широким кружевным воротником, уложить короткие волосы и подвести помадой тонкие губы. Сейчас Василика казалась воплощением очарования и женственности. Она шутила, смеялась и вела себя как благовоспитанная дама, изящно накалывая кусочки салата на вилку. Рональд улыбался ее ненавязчивому кокетству, а я закипала от ревности.

«Меня ты не обманешь! – думала про себя я. – Я-то знаю, что ты с еще большим изяществом и удовольствием нашинковала бы меня вместо овощей!»

К концу ужина я почувствовала, что платье мне давит в животе. Тепло разлилось по телу, захотелось спать. Наверное, сонливость после еды – это защитное свойство организма, который боится, чтобы человек не лопнул от обжорства. Пусть уж лучше спит, чем ест. Одно было точно – так обедаясь, я уподоблюсь формой дяде Коллопу, и Рональд

передумает на мне жениться. Может, он оставил два года ожидания для себя, а не для меня, чтобы хорошенько подумать, нужна ли ему такая жена?

Я не хотела больше слушать, как они с Василикой ведут светскую беседу, встала и пошла к себе. Никто меня не задерживал.

С удовольствием, прямо в платье я упала на кровать и сразу уснула. Мне приснилась Василика. Она сидела на крыше, свесив ноги. Из одежды на ней были только кружевной воротничок и арбалет, перекинутый через плечо. Василика грозила мне кулаком и кричала, что теперь это ее дом, чтобы я убиралась прочь и не приходила, пока не научусь есть салат так, как полагается даме. Она так злилась, что начала стучать по крыше пятками. На землю полетела черепица.

Я проснулась и поняла, что кто-то в самом деле стучит. Была уже глубокая ночь, окна смотрели непроглядной темнотой, замок тонул в тишине. Я решила, что стук мне приснился и снова закрыла глаза, но в дверь снова негромко постучали. Едва я открыла, Рональд крепко обнял меня.

– Как я скучал, – сказал он, не выпуская меня, – без тебя замок стал таким пустым. Мне все время приходилось нагружать себя работой, чтобы возвращаться поздно ночью и не думать, как мне тебя не хватает.

Все мои обиды и глупая ревность прошли. Мы так и стояли, обнявшись, казалось, целую вечность, но все равно недостаточно долго. Потом мы сидели чуть ли не до утра. Я рас-

сказывала, как и что происходило со мной, он про себя, про то, как изменилась его жизнь после событий годовой давности, про бесконечные совещания с Альбертом и приближающуюся церемонию проверки, из-за которой сейчас все стояли на ушах.

За окном начинало светать, я неожиданно вспомнила, что Рональд, в отличие от меня, совсем не спал. С сожалением я прогнала его, и сама тоже легла, обняв мягкую подушку, пахнущую кошачьей шерстью.

Когда я проснулась был уже полдень. Проходя мимо тайной комнаты, где раньше был генератор купола, я увидела спину Освальда. Он стоял полусогнувшись, добавляя по капельке жидкости в большой стеклянный сосуд. Я не удержалась и подошла поближе. От сосуда уже поднимался в потолок столб света, расходясь кверху зонтом. Прекрасный новый купол был почти готов. На мой взгляд он был уже идеален, но Освальд продолжал что-то подмешивать, совершенствуя то, что было недоступно моему глазу. В сосуде вращалась прозрачная, как вода, жидкость, то там, то тут вспыхивавшая цветными искорками. Я залюбовалась.

– Нравится? – спросил Освальд, повернув голову.

Я кивнула. Он тоже явно получал удовольствие от того, что делал. Настоящий маг должен наслаждаться своим волшебством.

– Как ты меня заметил? Я же так тихо подошла?

– Я имею свою личную защиту. Она оповещает меня о

чем-либо приближении за два метра. Благодаря этому меня невозможно застать врасплох. Кроме того, я всегда точно знаю, кто ко мне идет, так что могу даже не отвлекаться от работы, чтобы посмотреть.

Он капнул из последней бутылочки, закрутил ее и сунул в сумку на плече.

– Пойдем посмотрим, что получилось, – пригласил он, явно довольный собой, – пришло время хвастаться.

Мы вышли на белые мраморные ступеньки парадного входа, и... ничего. Не было видно ничего! Даже легкого преломления воздуха.

– Это совершенная магическая защита, лучше никто не может сделать, – спокойно сказал он, без гордости, без желания покрасоваться. Я прониклась к Освальду еще большим уважением. Над королевским дворцом был почти прозрачный купол – мощнейший из всех, которые когда-либо знала столица. Вернее, он был мощнейшим до сегодняшнего дня, пока Освальд не сотворил защитное чудо над замком герцога.

– Надо отрабатывать неплохое жалование, которое платит мне твой жених, – пошутил он.

Но я четко видела, что Освальд делает это не из-за жалования.

– Теперь можно пойти посмотреть, как там Василика и Альберт, – развернулся он обратно к двери.

– Что? – не поняла я.

– Они с Альбертом поспорили. Он сказал, что победит любую женщину в честном (или даже не очень честном) поединке. Василика терпеть не может, когда кто-то сомневается в ее способностях, тем более ссылаясь на то, что она женщина. Мы как раз успеем посмотреть, чем закончится этот спор. Они начали минут десять назад.

– Альберт здесь?!!

– Да. Он приехал еще утром. Рональд вчера перед сном отправил ему письмо. Он надежный и предусмотрительный, правда? – спросил Освальд, изучающе глядя на меня.

Я не ответила. Для меня Рональд был лучше всех, но говорить об этом я стеснялась. Мы пошли в сад за дом. Альберт и Василика махали мечами, и оба были уже мокрыми от пота.

Альберт был точно таким же, каким я его видела в последний раз. Разве что лицо стало немного серьезней. Я чуть не запрыгала от радости при виде его, и при виде того, как он легко и уверенно отбивает все атаки Василики. Раздражение, которое испытывала Василика, даже приобрело цвет – синий и пульсирующий, с бурыми прожилками. Она невероятно бесилась. Мне редко доводилось такое видеть.

В итоге Василика вышла из себя настолько, что попробовала применить запрещенный прием и пнуть Альберта ногой в болевую точку. Она сильно ошиблась. Свободная рука Альберта ловко ухватила Василику за почти лягнувшую его пятку. Он держал, не отпуская. Василика запрыгала, по-

теряла равновесие и упала на спину. Альберт безжалостно приставил меч к ее шее, чтобы окончательно закрепить свою победу.

– Сдавайся, – потребовал он.

– Еще чего, – прошипела Василика, – а то что? Ты меня прирежешь?

– Нет, конечно. Просто всем разболтаю, что победил тебя в честном, с моей стороны, бою, в тот момент, когда ты попробовала смухлевать.

Цвет ярости Василики стал опасно зеленеть.

– Сдаюсь! – крикнула она с раздражением, оттолкнула его меч голой рукой и встала.

– Враг повержен! – возвестило его королевское величество. Альберт повернулся ко мне с довольной улыбкой. – Ну что, Лисичка, ты не пропустила самое интересное? Я только тебя и ждал, чтобы расправиться с этой нахалкой.

Еще и это унижение Василика вытерпеть уже не могла. Ее самолюбие было глубоко задето, она даже забыла, что была гостьей в этом доме. Василика с силой пнула растущее рядом деревце. Оно покосилось, на землю полетели прошлогодние листочки, чудом уцелевшие до весны. Василику это несколько не успокоило, она зашагала прочь, вкладывая злость в каждый шаг. Зеленая пульсация царапала стены, мимо которых она проходила, но ни капли сочувствия у меня к ней не было. Я кинулась обнимать Альберта. С ним я могла себе это позволить, он был как старший брат, которому можно

доверить все на свете. Между нами не было тех стеснения и неловкости, которые были между мной и Рональдом.

– Лисичка, – орал он, поднимая меня на вытянутых руках, будто я была маленькой девочкой и ничего не весила. – Я думал уже сам ехать тебя навещать! Противный Рональд сослал тебя так далеко, что полдня надо трястись в карете! Он любит заставлять людей учиться. Меня чуть не сгноил в своей библиотеке, я, может, для того королем и стал, чтобы избавиться от его братского гнета! Так он теперь за тебя взялся.

– Зато благодаря тому, что я тебя «чуть не сгноил в библиотеке», у королевства достойный, образованный правитель, за которого не стыдно, а не дурак в короне. – Рональд появился у него за спиной. Я сразу же застеснялась. Он немного ревновал. Альберт передал меня ему на руки, а Рональд аккуратно поставил обратно на землю.

– Что ты с Василикой сделал? – спросил Рональд. – Она меня чуть не сбила с ног, когда бежала к себе в комнату.

– Брат, я ей мстил за твою невесту. Она мне в каждом письме жаловалась, что Василика относится к ней без должного уважения и оставляет слишком много синяков. Нечего обижать подругу короля.

– Василика теперь наш союзник, вам всем нужно будет как-то продолжать работать. Так что это было не лучшее начало вашего знакомства.

– Я извиняться не пойду. Я все-таки король, бой был чест-

ным, и я выиграл.

Тут все повернулись к Освальду. Освальд стоял с довольной улыбкой.

– А ты не пойдешь с ней поговорить? – после неловкой паузы поинтересовалась я.

– Нет, конечно! – спокойно ответил Освальд. – Ее нельзя трогать, пока сама не успокоится. Она терпеть не может проигрывать. Потом ходит, вещи разбрасывает, дуется. Еще на мне может попытаться выместить злость. Я, конечно, терпеливый, но могу и заклинание в ход пустить, потом скандалы, семейные сцены. Мне это нужно? Успокоится – сама придет, не в первый раз. Я вообще считаю, что ей полезно иногда проигрывать.

Герцоги, у которых не было опыта семейной жизни, слушали Освальда с неподдельным интересом.

«Учатся», – поняла я.

– Я когда только женился, – продолжил Освальд, – пробовал ее успокаивать, но становилось только хуже. Она гордая, терпеть не может, когда ее жалеют. А если проигрывает – выпадает из рабочего состояния на полдня. Если бы не это, давно уже была бы капитаном. Особенно не любит, когда мужчины напоминают ей, что она женщина. Все из-за Гельмута Кривого.

Я вспомнила этого автора. Ему принадлежала та часть книги дяди Коллопа, которая относилась к ведению хозяйства через использование рабского труда женщин. Какая-то

польза от его идей, оказывается, была – без них Василика не стала бы опытным бойцом-наемником. Книга Гельмута Кривого вдохновила ее на то, чтобы убивать. Желательно мужчин. И меня просто потому, что я ей не нравлюсь.

– Как получилось, что вы поженились? – задал Рональд мучивший всех вопрос. – В прошлый раз, когда я тебя видел, помнится мне, ты был холостым.

– Ты меня в прошлый раз когда видел? После этого я вернулся на родину, в Аскару, и стал читать там лекции по противостоянию боевой магии в военном колледже, как один из немногих уцелевших магов, участвовавших в последней войне. Василика была там студенткой – единственной девушкой на курсе. Вокруг нее, естественно, крутились все парни, даже кое-кто из преподавателей, хоть она и стриглась коротко, одевалась по-военному, бегала и махала мечом наравне со всеми. Она отшивала всех без исключения, даже меня пару раз. Потом один преподаватель, после очередной провалившейся попытки добиться ее расположения, неудачно пошутил. Он при всех сказал, что какие бы баба штаны не надевала, все равно рожать придется в юбке.

Василика очень разозлилась. Она нашла его дом и стала ждать. Ночью обидчик объявился. Он был один и пьяный. В неравном поединке (горе-войка был почти беспомощен перед ее гневом) она скрутила его, стянула штаны и хорошенечко выпорола, приговаривая, что нехорошо взрослому дяде глупости про женщин говорить.

Бедолага на утро не вернулся в колледж, скорее всего, от стыда, но, может, и потому что болело то место, которое пострадало накануне. Вся кафедра, когда узнала, что произошло, очень долго смеялась, но для порядка Василику решили исключить. Я за нее вступился. Отчасти потому, что она мне нравилась, отчасти потому, что посчитал ее хорошей ученицей, раз она сама смогла скрутить учителя по рукопашному бою. Коллежская верхушка выслушала меня, покивала головами, посоветовалась и решила дать ей возможность доучиться, согласившись с тем, что она блестящая ученица. Ну и еще всем хотелось посмотреть, как дальше будут развиваться события.

С тех пор к Василике больше никто не приставал, все старались выбирать слова в ее присутствии, чтобы случайно не разозлить вспыльчивую ученицу. Особенно старался уже столкнувшийся с ней специалист по рукопашному бою. Василика тоже держалась изо всех сил, понимая, что на кону ее мечта поступить на военную службу в королевскую армию, и она может рухнуть в один момент. Василика скрипела зубами, кусала кулаки, давила проклятья, но больше никого не трогала. Зато, когда наконец ее учеба подошла к концу и рекомендательный свиток плотно уместился в кармане ее куртки, Василику прорвало. Она навестила каждого своего учителя, и высказала все, что, по ее мнению, ему не следовало делать. Несогласным она доказывала свою правоту силой.

Когда дошла очередь до меня, получилась заминка. Ма-

гический щит не позволил ей открыть дверь пинком ноги и вывихнул пальцы. Ей пришлось вежливо стучать и просить помощи. Потом она все равно решила сделать то, зачем пришла, и уже открыла рот, чтобы сказать что-то вроде: «Я подачки от тебя не просила, и без твоего жалкого заступничества обошлась бы, щетка ты каминная!», но тут заметила, что моя комната заставлена чемоданами, и подавилась собственными словами.

– Уезжаешь? – спросила она.

– Да, за море, в Освию, – поделился я.

И тут ее прорвало. Василика, неумная, грубая, мужиковатая, внезапно превратилась в простого человека, и стала спокойно, с радостью выплескивать свои мечты. Она так хотела проплыть по морю, увидеть, как светятся рыбы в толще ночной воды, как живут в чужих краях люди, побывать в военной академии Освии, купить особый двухзарядный арбалет на ее столичном рынке, и много чего еще.

Через несколько дней мы встретились на корабле, отплывающем в Освию. Мы поселились в одном доме, вместе ходили по городу. Она подмечала особенности в оружии, я в магии, оказалось, что нам есть чему друг у друга поучиться. Потом в одной из темных подворотен Альмагарда нас попытался ограбить воришка, он влип в оберег на моем кармане. Василика скрутила его двумя движениями, мы сдали его городской страже, получили небольшое вознаграждение и разделили его пополам. Тогда у нас и возникла впервые

мысль работать в паре – маг-наемница. Дело пошло хорошо, нас стали часто нанимать, прилично платили, и вскоре мы приобрели репутацию лучшего боевого дуэта. Заказы стали сыпаться пачками, деньги – звонкими кошельками.

Однажды Василика пришла ко мне злая до предела. Оказалось, к ней подошел заказчик и по глупости и неведению, попросил передать хозяину, то есть мне, что у него есть дело.

– Я хорошо заплачу твоему хозяину, – наивно пообещал он, видя, что Василика синее от злости. Василика затолкала бедняге в рот его же кошель и пинком отправила в канаву.

– Хозяин! – кричала она на меня. – Ты мой хозяин? Только мужчина мог до такого додуматься! Я всем покажу сейчас, кто из нас хозяин!

Она замахнулась и хотела ударить, но именно тогда ей пришлось узнать, что я лучший маг Аскары. Ее заморозило на два часа, все, что она могла делать – моргать, и очень внимательно слушать, что я ей говорил. Я пообещал, что если она еще раз поднимет на меня руку, то рискует остаться без нее. Когда заморозка спала, Василика ушла, ничего не сказав. Я думал, что на этом наша совместная работа закончится и мы едва ли когда-нибудь еще встретимся, но я ошибся. Василика пришла той же ночью. Растрепанная, красная, с опущенной головой.

– Прости, – выдавила она. Это слово далось ей сложнее, чем годы изнурительных тренировок или чем прыжок в пропасть. Никогда раньше Василика не извинялась.

– Ты единственный мужчина, которого мне не хочется убить, – сказала она. Это было равносильно признанию в любви.

В ту ночь она осталась со мной и никогда больше не уезжала. Иногда мне, конечно, ее убить хочется за упрямство и вредность, но ей меня, я думаю, даже чаще. Я хоть и маг высшей категории, а все равно не подарок.

В комнате Василики что-то упало и со звоном разбилось.
– Вычтешь из моего жалования, – сказал Освальд Рональду, ничуть не расстраиваясь.

В замке разбилась еще пара вещей. Злость Василики не перекрывали даже толстые стены. Освальд не обращал внимания. Рональд с грустью посматривал в сторону звука, а вот Альберт радовался больше, чем кто-либо другой. Он с удовольствием отдыхал от своих обязанностей и проводил время с нами.

Василика бушевала еще полдня, как и предсказывал Освальд. Потом как ни в чем не бывало вышла ко всем в своем обычном расположении духа, то есть злая и самодовольная. Кроме того, она продолжала беззастенчиво кокетничать с моим женихом и вела себя так, будто ничего не произошло. Все тактично сделали вид, что так и было.

Василика действительно оказалась полезной. В тот же день, отработывая свое жалование, она провозгласила себя капитаном замковой стражи и взяла под командование тридцать солдат Рональда. Она провела построение, проверку бо-

своей готовности, состояние оружия и отчитала их прежнего командира за халатность и содержание отряда в отвратительном, разболтанном состоянии. Она наняла трех шпионов и отправила их с заданием в город, после чего вернулась в замок повеселевшая и бодрая. Ей нравилось командовать и отчитывать. Возможно, она могла бы стать автором книги, в которой в противовес идеям Гельмута Кривого рассуждала бы о пользе мужчин в домашнем хозяйстве. В ней она бы наверняка отнесла только женщин к категории людей. Причем не всех, а способных дать отпор кому угодно, чтобы исключить из этого списка меня.

Впрочем, для Освальда и Рональда она делала исключение. Василика рычала, как дикая кошка, на всех, кроме них. Своего мужа она слушалась беспрекословно, с Альбертом старалась не говорить вообще. Я для нее была чем-то вроде уборки – противным, но неизбежным.

– Не хотел бы я себе такую жену, – тихо шепнул Альберт брату. – Такая молчать не будет, если я что-нибудь сделаю не так. А я ведь точно сделаю что-нибудь не так!

Зато две следующие ночи дежурство вокруг замка было идеальным. Никто из выставленных на вахту солдат даже не попытался уснуть. Не знаю, что Василика с ними делала, но после того, как она начала ими заправлять, – глаза их погрузнели, плечи ссутулились, а послушание достигло возможного максимума.

Альберт проводил с нами столько времени, сколько мог.

Из замка к нему постоянно приходили слуги, посыльные, советники, министры, начальники больниц, академий, градоправители, просители из народа. Они выстраивались в длинную очередь перед куполом, ожидая проверки и разрешения увидеть короля. Их поток не иссякал, и заставлял нервничать Василику и Рональда, но не впускать их было нельзя – Альберт был все-таки королем. Уезжать он отказывался, сославшись на то, что здесь безопаснее. На самом деле он хотел провести время с нами, подурачиться, вспомнить прошлые приключения и просто отдохнуть.

Тогда Василика сама стала у ворот, как хранитель входа в царство мертвых. Она начала лично досматривать всех желающих увидеть короля. Поток просителей резко ослабел, но все равно даже его хватало, чтобы к вечеру Альберт начинал вести себя недостойно и прятаться по углам замка.

Один раз в конце дня я нашла его сидящим в подземном хранилище замка с погашенным светом. Думаю, он выбрал это место еще и потому, что там был потайной ход, по которому можно было сбежать, в случае необходимости. Альберт еще час назад отправил Василике сообщение, что больше сегодня не принимает, но та продолжала впускать людей, припоминая ему свое поражение.

Я вошла в хранилище, чтобы поискать его, и, хоть никого и не увидела, знала наверняка, что Альберт здесь. Наверху по комнатам блуждали в его поисках озадаченные министры, у них не было шансов найти короля. Никто не смог бы

предположить, где он сейчас находится.

– Альберт, какое недостойное поведение для правителя нашего славного королевства! – давя смех, сказала я.

Он обиженно высунулся из-за кресла.

– Я тоже живой человек, и мне нужен отдых. Я еще поговорю с Василикой об этом. Ведьма, как только Освальд с ней живет?

Я тоже задавалась этим вопросом. Хотя Освальду, похоже, нравилось. Кто-то любит мороженое, а кто-то жгучий перчик.

– Хорошо, что это ты, а то я уже боялся, что меня и здесь нашли, – Альберт уселся в кресло, у него в руках оказалась бутылка вина.

– Бокалов нет, – пожаловался он, – есть чашка. Одна. Под креслом валялась. – Он открыл бутылку, налил в чайную чашку пару капель и пригубил. – Хочешь? – протянул мне. Вино выглядело мутным и неаппетитным. В нем плавал мусор вперемешку с чайинками и дохлыми мошками. Чашка явно провалялась под креслом несколько лет.

– После тебя, – сказала я, возвращая ему обратно импровизированный бокал сомнительной чистоты.

Альберт допил вино с мошками и налил еще. Я взглянула на красную жидкость. Мошек в ней стало поменьше. Я решила, раз уж сам король не побрезговал, то и мне можно, набралась мужества, зажмурилась и хлебнула.

– Фу, – вырвалось у меня, как только я сумела проглотить

отвратительную жидкость. Дело было не только в примесях. Я пробовала вино впервые. Ожидания чего-то вкусенького были жестоко обмануты. Я вернула терпкую кислятину обратно Альберту со словами:

– Сам такое пей!

– Что, не понравилось лучшее герцогское вино? – насмешливо поинтересовался он.

– Нет, – честно сказала я.

– Ну и правильно. Мне тоже не очень. Валялась тут у Рональда, решил взять попробовать, что он у себя на полках хранит.

– Ты, похоже, не очень-то рад, что стал королем, раз прячешься по углам.

– Что ты, мне очень нравится, – честно возразил он. – Меня все уважают, любят и боятся, я управляю тысячами людей, от одного моего слова зависит, будут строиться или разрушаться дороги, мосты, города. Власть – упоительная штука. Но есть и недостатки – приходится решать не только важные вопросы, но и откровенные глупости. Придет кто-нибудь с вопросом, почему бы не засеять вместо зерна петрушку, а ты должен отвечать, обосновывать, хоть самым правильным было бы выпороть дурака, чтобы сам подумал.

Сейчас так и совсем времени ни на что не хватает. Ты помнишь, Лисичка, уже почти год, как ты нас спасла. Знаешь, что это значит?

– Королевская проверка, – поняла я.

– Именно, – подтвердил Альберт. – Министрам нужно мое решение по поводу каждой мелочи: строить помосты или нет, какого цвета шить костюм, делать торт или пирожные, проводить церемонию на центральной площади или на балконе дворца, сколько народа допускать, сколько охраны выставить, кому рассылать приглашения и так далее. Я им говорил – займитесь этим сами, у меня много других, более важных вопросов, но твердолобые дураки прямо из шкуры лезут, чтобы показать мне, как хорошо они работают, и все равно приходят со всякими мелочами. Еще требуют выбрать человека, который прочтет заклинание, а это совсем не просто. Ты сама знаешь, тот, кто произносит заклинание попадает под его действие. Провел церемонию проверки короля – считай раскрыл тайны всем на потеху. Вот никто и не хочет.

Альберт хлебнул еще вина и снова протянул чашку мне. Я отпила. Волшебства не случилось – вкус лучше не стал.

– А не хочешь, Лисичка, и в этом году тоже произнести заклинание? – Альберту пришла в голову эта мысль не сегодня, он ждал момента, чтобы попросить. – Получится такая традиция, начатая тобою. Мне будет приятно. Я знаю, что Рональд боится какого-то мага из своего прошлого, но вряд ли тот рискнет похитить тебя с королевского балкона, окруженного толпой и моей стражей. Что ты мне на это скажешь?

– Альберт, для тебя – что угодно, – легко согласилась я.

– Вот и хорошо, – повеселел он. – Я прикажу подготовить специальное церемониальное платье. Хочу посмотреть на те-

бя в синем. Кроме того, по секрету, это любимый цвет Рональда.

Мы просидели допоздна, пока в замке не стихли чужие голоса и шаги. Он рассказал мне о некоторых неожиданных сложностях, с которыми ему пришлось как королю столкнуться.

– Никогда не знаешь, откуда ждать проблем. Вот, например, было одно королевство, где процветали подпольные петушинные бои. Казалось бы, не так уж и страшно, но на самом деле куда хуже, чем можно было подумать. Многие горожане теряли все свои деньги за один вечер, закладывали коров, дома, семейные драгоценности, припасенное на черный день.

Проигравшие обвиняли всех, кого можно, в том, что бои проходили нечестно, с нарушениями правил. Заканчивалось все массовым мордобоем. Азарт населения был так высок, что призвать его к благоразумию и соблюдению порядка оказалось невозможным. Тогда король ввел запрет на петушинные бои и любые другие сомнительные игры. Он заставил стражу строго следить за соблюдением этого закона.

Результат оказался неожиданным. Население вместо того, чтобы смириться и начать вести спокойную жизнь, стало разъезжаться, забирая все накопленное имущество. Королевство почти разорилось и опустело. Королю в срочном порядке пришлось отменять собственный указ, чтобы вернуть людей и их деньги обратно.

В итоге король придумал взять под контроль петушинные бои, организовал для них помещения, где постоянно дежурила стража, и стал собирать процент от ставок. Людей это устроило, стражники следили не только за порядком, но и за соблюдением правил. Так и получилось, что благополучие королевства держалось на петушиных крылышках, и один, казалось бы, такой невинный указ чуть его не разрушил. А ведь король хотел как лучше, – закончил с некоторой горечью Альберт. Он остро сочувствовал брату по короне.

Мы вдоволь наболтались, допили бутылку мерзкой кислоты и разошлись по комнатам. Дорога оказалась не простой, моя походка неожиданно потеряла привычную уверенность, ватные ноги спотыкались и заплетались, коридор странно извивался, почему-то хотелось петь.

У дверей в комнату меня ждал... ой, нет, ждала! Василика! Руки ее были сердито скрещены на груди.

– Где ты была? – прошипела она сквозь зубы.

– А, Василика, – заулыбалась я. – Как хорошо, что ты пришла. А что такое? Ты снова сердиться?

– Я полдня убила на то, чтобы тебя найти! Я отвечаю за твою безопасность, а ты шляешься непонятно где!

– Я все время была в замке и даже не пыталась сбежать. Ты просто плохо искала, – сейчас Василика не вызывала у меня ни страха, ни неприязни.

– С завтрашнего дня возобновляем тренировки, – опять прошипела она.

– А может, не надо? – заскулила я.

– Это приказ Рональда, – сухо обронила Василика и ушла.

– Рональда? – непонимающе повторила я. Даже сквозь туман в голове я вспомнила, что тренировки с Василикой – это очень, очень, очень плохо.

«Надо разобраться», – приняла я не самое трезвое решение.

Я ввалилась в спальню Рональда без стука. Дверь с чудовищным грохотом врезалась в стену и чуть не слетела с петель. До этого момента герцог спал, даже не подозревая, какое пробуждение его ждет. От звука он рывком скатился с кровати и встал за ней с мечом, а в мою сторону уже летел кинжал. Рональд в самый последний момент успел поменять направление броска, отведя в сторону от моей головы на полдюйма. Кинжал воткнулся в дверь чуть правее моего уха. Я не придавала этому большого значения. Сейчас это было не главное. Дверь жалобно скрипнула, с ней так никто раньше не обращался.

– Лисичка, чтоб тебя! – вырвалось у Рональда. Я впервые слышала, чтобы он ругался, но меня это не остановило.

– Рональд, я не буду тренироваться с Василикой! – заявила я с порога возмущенным голосом, даже не заметив, что была на волосок от смерти. Зато я заметила, что ноги меня не держат, ввалилась внутрь, захлопнула несчастную дверь и плюхнулась к нему на кровать.

– Она меня обижалаааааа! – протяжно завывала я. – Она

мне наставила за год столько синяков, что хватило бы на всю академию, а ты меня к ней на растерзание хочешь опять отправить! Безжалостный властолюбец!

Вид у Рональда был совершенно ошалелый. Больше аргументов у меня не нашлось. Я икнула и уснула, где была.

Утром я нашла себя в своей кровати. Было очень стыдно. «Больше никогда! – подумала я. – Ни очереди, ни вина! Придумал же кто-то эту отвратительную гадость, а потом такие дураки, как мы с Альбертом, ее распивают. Как Рональду теперь в глаза смотреть?»

Я решила хоть как-то загладить свою вину, натянула тренировочный костюм, взяла деревянный меч со свинцом вместо сердца и обреченно поплелась получать синяки. Буду надеяться, что Василика хотя бы специально меня не станет унижать.

Но Мать Хранительница услышала мои молитвы – Василики на площадке за домом не было. У нее появились срочные дела в казарме: кто-то из солдат решил уйти со службы, и она отправилась проводить его «в последний путь». Бедолагу наверняка ждали разъяснительные работы в духе: «От меня еще никто не уходил! (живым)». Я мысленно поблагодарила опрометчивость солдата, посочувствовала ему и порадовалась за себя.

Радость длилась ровно до тех пор, пока я не увидела Рональда. Он держал, положив на плечо такой же деревянный

меч, как был у меня. Прятаться было поздно.

– Голова не болит? – заботливо поинтересовался он с иронией в голосе.

Я почувствовала, что краснею. Голова не болела. Похоже, мой молодой здоровый организм мог переварить что угодно без особых последствий, и пыль вперемешку с остатками чая, и мошек, и даже вино.

– Это не я, это все Альберт! – предательски свалила я всю вину на короля. Ему все равно никогда перед Рональдом стыдно не бывает, в отличие от меня.

– Ну-ну, – доверия в его тоне не было ни на грамм. – Могу я попросить тебя, как свою невесту, больше так не напиваться. Ну или в крайнем случае – входить в мою комнату со стуком и осторожностью, особенно когда я сплю. Хвала Хранительнице, вчера я успел вовремя понять, кто чуть не выломал мою дверь. Еще бы полсекунды, и кинжал полетел бы в тебя. Я промахиваюсь редко.

Мне стало жутко. Только сейчас, на трезвую голову, я поняла, как вчера рисковала. Рональд научился ждать покушения на свою жизнь каждую секунду, и хоть за последний год на него ни разу не напали – старые привычки все равно остались, срабатывая подобно отпущенной тетиве. Оправдываться было незачем, он лучше меня знал, что я сейчас чувствую, и смягчился.

– Становись в стойку, – скомандовал он уже немного добрее.

– С тобой? – мне не хотелось, чтобы он знал, насколько я в этом плоха.

– Ну, ты же вчера почти выломала мою дверь, чтобы сказать, что с Василикой заниматься не будешь. Я сегодня час потратил, чтобы найти эту деревяшку, – он приподнял меч, – чтобы ты случайно не поранилась, пытаясь меня атаковать.

Оказывается, Рональд умел поддеть не хуже Альберта, просто раньше этим при мне не занимался. Низверженная в пучину стыда, я послушно встала напротив него в красивую стойку. Хоть это у меня получалось.

На удивление, тренировка мне даже понравилась. Рональд задавал направление ударов, терпеливо подставлял свой меч, отражая атаки. Потом скомандовал мне ставить блоки, и принялся бить по моему мечу, четко следуя ритму: левое бедро-голова-правое бедро. В конце этого занятия на мне не осталось ни одного синяка, что само по себе было удивительно и непривычно.

«А что, так можно было?» – недоумевало все мое существо.

Тренировка подняла мне настроение. Довольная, я побежала на кухню к няне Мэлли. Хотелось поделиться своим хорошим настроением и стянуть до завтрака что-нибудь вкусненькое.

Няня была в курсе моих вчерашних приключений, и долго смеялась. Оказалось, что она слышала, как Рональд отчитывал Альберта за то, что он напоил меня. Альберт, как я

и ожидала, ничуть не смутился и сказал, что будь Рональд поумнее – он бы сразу на мне женился, а то вдруг я пойму, какой он зануда, и передумаю.

– Ты же не передумаешь? – закончила няня свой рассказ настороженным вопросом.

– Пока не собираюсь. В смысле передумывать.

– Вот и хорошо, а я уж боялась.

День прошел превосходно. Василика застряла в казарме до вечера. Неприятности, случившиеся со мной в академии, казались далекими и не такими уж серьезными. В конце концов, может письмо действительно было чьей-то плохой шуткой, а почтальон просто упал и сломал себе шею. Но это было не так. Людям свойственно думать, что проблема решится без их участия, только сама она никогда не решается. На следующее утро зыбкая вера в то, что все наладилось, растаяла.

Еще одно письмо и поисковое заклинание первого тапа

Никто из солдат Рональда не мог сказать, как и в какой момент один из них был убит. На теле бедолаги, охранявшего этой ночью ворота замка, не было ни одного ранения, ни капельки крови, но сомнений в том, что он умер не своей смертью, ни у кого не оставалось. Что-то неестественное в позе, в выражении лица, говорило, что солдат готовился отражать атаку, и понимал, что не сумеет. Единственным оружием, которым убивали, не оставляя следов – была магия.

Это было так непонятно и неправильно, что сердца остальных стражей Рональда наполнились страхом, который не внушил бы им вид любой другой смерти. Стражники не были трусами или дураками и знали, что их служба опасна. Они знали, что враг может сразить их мечом, стрелой, кинжалом, чем-то понятным, что можно потрогать или отразить. Но смерть их друга дала ясно понять, что нет оружия против врага, который убивает без него.

Будто в насмешку, на груди несчастного убийца оставил черный конверт, скрепленный герцогской печатью Рональда. Письмо предназначалось ему. Рональд читал, маяча по комнате и мрачней все больше. Исписанная круглым четким почерком бумага вызывала у Рональда едва сдерживаемые

отвращение и гнев. Закончив, Рональд швырнул письмо на стол и в спешке ушел, никому ничего не сказав.

Альберт, не стесняясь, взял письмо и прочитал громко и выразительно, особо выделяя понравившиеся фразы. По его словам, он читал письма брата для собственной безопасности, но это вряд ли было правдой, скорее, им правило любопытство.

«Наш глупый и наивный Рональд! (Альберт хохотнул)

Твои счастливые спокойные деньки закончились. Мы готовы насладиться нашей мстостью за предательство. Твои попытки защитить себя и друзей смешны и неубедительны. Ты не сможешь от нас спрятаться в своем убогом замке. Мы оставили тебе доказательство, что солдаты ничего не смогут противопоставить нам. И не надейся, что магический купол сможет защитить от нас, мы уже прошли через него. Мы были в твоём доме, и если ты зайдешь в библиотеку, то найдешь подарок, который мы для тебя там оставили.

Мы готовы превратить твою жизнь в страдания, как и обещали. Ты пожалеешь, что родился, и будешь молить нас о смерти, но она наступит только после того, как мы убьем у тебя на глазах твою невесту. Ждем встречи с нетерпением».

– «Ждем»? Кто-то еще ждет, кроме Геральта? И почему он хочет убить именно меня? – возмутилась я. – У Рональда еще и ты есть, тоже хороший вариант.

– Меня не так жалко, – угрюмо ответил Альберт.

Василика рвала и метала. Она устроила разнос всем, осо-

бенно тем несчастным, которые опоздали на свою смену прошлой ночью, пришли на пару минут позже и обнаружили уже остывшее тело товарища. И хоть было понятно, что эти пару минут ничего бы уже не изменили, к тому времени солдат был давно и основательно мертв, ее это не волновало.

«Дисциплина однажды спасет вам жизни!» – орала Василика из-за купола так громко, что ее слышал весь город. Только после этого она отправила увесистый кошель золота вдове убитого и наняла еще тридцать солдат из королевской стражи для охраны замка. Теперь на дежурство они выходили группами и сменяли друг друга каждые три часа. Сама наемница проверяла, как они работают непрерывно.

Рональд на своем любимом столе в библиотеке под завалами книг нашел одну, которой там не должно было быть. Ее автором значился Геральт.

– Автограф автора есть? – поинтересовался Альберт. – Как пошло подсовывать свои собственные книги читателям против их воли.

После убийства стража настроение у всех обитателей замка резко упало. Особенно переживал Рональд, его угнетало собственное бессилие против врага. А вот Альберту было плевать и на пугающее письмо, и на угрозы мага.

– Мой жизненный опыт подсказывает, что люди, которые слишком много о себе думают, на деле оказываются далеко не так хороши. А у этого самомнение так и вовсе до предела раздулось.

Что касается Освальда, он проявлял благоразумие, не делая поспешных выводов. Он был крайне недоволен подарком Геральта. Освальд считал свой купол безупречным и был оскорблен тем, что маг проник под него. Он решительно настроился узнать, как это могло произойти, и что сделать, чтобы это больше не повторилось.

– Может, книгу подложил кто-нибудь подосланный, у нас тут ходит много всяких людей, – предположила я.

Василика зло посмотрела на меня, ей не понравилось, что я бросила тень сомнения на ее капитанские способности.

– Книгу под купол не проносили, будь уверена, – сказала она, испепеляя меня взглядом.

– Возможно, – задумчиво протянул Освальд, – книгу пронесли в замок до того, как я поставил купол.

– В любом случае, нам стоит усилить защиту, – решили в один голос маг и наемница.

Освальд после обеда установил второй купол, прямо над первым, потом зашел ко мне и дал небольшую коробочку, доверху набитую булавками.

– Это тебе. Без них чтобы не было ни одной вещи. Носи круглосуточно, на платье, на носках, в волосах, на пижаме, мне все равно где, но носи не снимая.

Я смотрела не на коробочку, а на него. Освальд выглядел весьма странно. На ноги он натянул высокие сапоги с небольшим каблуком, какие носили рыбаки и фермеры. Куртка была кожаная, приталенная и старая. Она очень походила на

те, которые носила Василика. Но все это притягивало взгляд меньше, чем, о ужас!.. шляпа! В целом Освальд выглядел, как деревенский дурачок.

– Ты куда в таком виде? – не смогла удержаться я.

– Шпионы Василики не сумели выследить Геральта. Теперь его пойду искать я. С письма он все магические следы стер, но я нашел кое-какие их фрагменты на книге. С их помощью я запущу поисковое заклинание первого типа и найду мерзавца.

– Что еще за поисковое заклинание первого типа?

– Ну, всего есть два типа поисковых заклинаний, – принялся тоном учителя пояснять Освальд. – Первое – материальное и малоэффективное, зато почти безболезненное. Его побочка всего-навсего – зуд в носу следующие два часа.

– Материальное? – не поняла я. – А так бывает?

– Бывает, хотя и не часто. Поисковое заклинание второго типа – очень сильное, но к нему маги прибегают только в крайних случаях. Его побочка – глубокое уныние, плохое мнение о себе и сильная апатия. Настолько сильная, что после использования заклинания маги даже не хотят идти по следу и искать то, ради чего его запускали. Состояние держится две недели. Для мага – это катастрофа, он фактически становится беспомощным на это время. Так что я буду использовать первое. Проверим, так ли Геральт самонадеян, как предполагал Альберт.

– Возьми меня с собой, – любопытство опять стало побуж-

дать во мне здравый смысл. – Я тебе помогать буду. Видел, как я уже твой щит ставить научилась? Одной левой!

Освальд укоризненно посмотрел на меня.

– Ты что? Мы тут из шкуры лезем, чтобы тебя уберечь от встречи с этим сумасшедшим убийцей, а ты просишься пойти со мной искать его.

– Ну возьми, пожалуйста. А то я Василике расскажу, что спала на твоей кровати, помнишь, когда ты меня в мышь превратил.

– Не в мышь, а в лису, – недовольно поморщился он.

– В кого? – не поверила я, – разве лисы бывают такими мелкими?

– В Аскаре бывают. У нас есть один вид таких белых лисичек. Они охотятся на бабочек ночью, и уши у них большие и смешные. Вот я и решил, раз ты Лиса...

– Понятно. Значит, у меня большие и смешные уши.

– Да нет же, нормальные у тебя уши.

– Тогда возьми меня с собой. Хорошие уши кому угодно пригодятся. Можешь снова меня превратить во что-нибудь эдакое, если хочешь.

– Рональд меня убьет.

– А так тебя убьет Василика.

– Ты же невеста герцога, а опускаешься до простого шантажа! – возмутился он.

– Да, – я самодовольно улыбнулась. Похоже, на мне сказывалось дурное влияние Альберта. – Прости, очень хочу пой-

ти с тобой, а без шантажа ты меня никуда не возьмешь.

– Я и так не возьму.

– Освальд, если ты не возьмешь, я сама пойду и тогда уж точно влипну в неприятности, которые окончатся плохо, обещаю тебе. А так со мной будешь ты – сильнейший маг мира. Ты сможешь меня защитить от кого угодно, и я буду тебе помогать.

– Ладно, – сдался Освальд. Он выглянул в коридор, убедился, что никто не идет. Я забарахталась в осевшем на пол платье. Освальд быстро выловил меня из него, посадил к себе на плечо, собрал мою одежду и забросил под кровать, тщательно прикрыл дверь, еще раз огляделся и пошел к выходу.

Рональд стоял на парадных ступеньках, что-то обсуждая с настырной Василикой. Оба они странно поглядели на Освальда и на меня. Я опять была мелкой и белой.

– Что это у тебя на плече? – с подозрением и отвращением спросила Василика.

– Ничего. Простая Аскарская лиса, – почти даже не соврал Освальд и пошел дальше, чтобы избежать дальнейших расспросов. Рональд и Василика молча и с подозрением смотрели нам вслед. Они чувствовали подвох, но понять, что именно не так, не могли.

– Сработало, – шепнула я, когда мы вышли из-под купола.

– Это мы проверим по возвращении, – осторожно заметил Освальд.

Он вышел за ворота, порылся в сумке, достал оттуда свер-

ток тряпок и стал его разматывать. Мой лисий нюх уловил приятный незнакомый запах, я сглотнула. Освальд долго возился, развязывая многочисленные узелки, пока, наконец, не вытряхнул на дорогу что-то вроде мячика, размером с один кулак Рональда, то есть примерно с два моих.

– Что это? – поинтересовалась я, продолжая вдыхать чудный аромат.

Освальд чихнул и отчаянно почесал нос.

– Это – материальное поисковое заклинание первого типа. Только что испек. Заклинание и цель поиска вплетаются в структуру теста при замешивании. Потом тесто запекают в кожаном мешочке, чтобы придать ему обтекаемую форму. Мешочек сгорает, когда заклинание уже затвердевает, и поэтому оно получается почти круглым. Работает, пока горячее, когда остынет – придется подогреть.

– И кто до такого додумался?

– Хозяйки, конечно. Готовка тоже по-своему магия. Каждая кухарка немного ведьма.

Поисковое заклинание первого типа быстро покатилося по дороге, на зависть дворовым мальчишкам. Освальд надвинул шляпу на глаза и пошел широким шагом за ним, стараясь не отстать.

– Впервые такое вижу, – зашептала я ему на ухо, крепко цепляясь за куртку коготками, чтобы не свалиться.

– Да, к нему тоже нечасто прибегают. Его полное название – КОМбинированный ЛОкализатор Близких Объектов и их

Координат, или КОЛОБОК по-простому.

– Что? – не поняла я. – Все эти слова что-то значат?

– Возможно, в каком-нибудь другом мире, но не в нашем. В нашем – это просто набор слов заклинания, которые вплетаются в тесто. Их трудно запомнить, вот в учебниках и предлагают называть его всегда полностью, чтобы проще было выучить. Колобком редко пользуются, потому что он часто теряется. Сложно идти сквозь толпу за небольшим мячиком и не упустить его из виду, когда он куда-нибудь в очередной раз свернет.

– Мы не потеряем, – сказала я, опять сглатывая слюну. – Я его по запаху найду.

Освальд снова чихнул и почесал нос, который сильно покраснел, дополнив его образ. Колобок покатался по городу, пару раз мы теряли его из вида, но я, как и обещала, безошибочно находила его по запаху.

По какому принципу поисковое заклинание первого типа выбирало дорогу – было загадкой, которую могла разгадать только великая богиня. Я такой не была и недоумевала на плече Освальда, зачем Колобок делал подряд четыре левых поворота и выходил в то же место, с которого только что пришел. Было ясно, что ему вообще не важно, как долго он нас будет вести к цели и сможем ли мы пройти за ним. Порой он выбирал такую узкую дорогу между домами, что Освальд протиснуться не мог и бежал в обход, пугая прохожих.

– Да чтоб тебя! Он издевается надо мной! – выругался

Освальд, когда ему в очередной раз пришлось полусогнувшись пролазить под помостом на центральной площади, который возвели по случаю приближающейся церемонии королевской проверки.

Мы пробегали полдня. Освальд устал и начинал сердиться. Когда Колобок в очередной раз юркнул в узкий проулок, Освальд остановился и сказал:

– Я дальше не пойду, он нас водит по кругу.

Я спрыгнула с его плеча и побежала по проулку за укатывающимся Колобком.

– Лиса, вернись, – строго скомандовал Освальд.

Я его не послушала. Запах поискового заклинания первого типа манил меня так сильно, что удержаться было невозможно. Выбежав наконец из узкого прохода, я уперлась в большое здание. Колобок лежал под его дверями и пел. Откуда-то сбоку уже подбегал Освальд.

– Я нашел, я нашел, хорошо, что я нашел, – мелодично пищал Колобок.

– Я от мага ушел, от лисы ушел и нашел, и нашел, что искал, то и нашел.

Мы стояли под книгопечатным магическим цехом. Следы магии на книге, к сожалению, не принадлежали Геральту.

Освальд разочарованно выдохнул, а я подошла к запыленному материальному заклинанию, поющему свою слишком уж незатейливую песенку, и укусила его за бок.

Заклинание пискнуло и умолкло. Освальд громогласно

чихнул в последний раз.

– Я тебя породил, я тебя и убью. Терпеть этот зуд в носу больше нет моих сил, – с этими словами он применил заклинание исчезновения, не дав мне откусить еще хотя бы кусочек.

Я разочарованно вздохнула и укоризненно посмотрела на мага.

– Не смотри на меня так, он вообще для человека был несъедобен. Видно, что-то в его составе приманивает лис, для меня его запах попросту неприятен. Скорее всего, стружки бродячего дерева придают ему такие свойства. Бродячее дерево еще называют «Лисичкина радость», лисы в период брачных игр приходят потереться об него спинами, если найдут. Дерево имеет свойство блуждать с места на место, в зависимости от своего настроения.

Так мы и вернулись домой ни с чем, кроме усталости, опухшего носа Освальда и сомнений, пройдет ли для меня безболезненно дегустация материального заклинания. У ворот нас ждали озабоченный Рональд и крайне раздраженная Василика.

– Не сработало, – тихо объявил мне Освальд.

Впереди нас ждал чудный вечер, полный упреков, взываний к разуму и скучных советов на будущее. К слову, Освальд меня защищал, взяв половину вины на себя и заслужив гнев со стороны Василики.

На следующий день, потихоньку оглядываясь, чтобы не

попасться случайно Рональду на глаза, я шла с кухни с парой яблок в карманах. Дежуривший в коридоре солдат показался мне смутно знакомым.

– Мартин?! – на этот раз я первая заметила и узнала своего огромного, плечистого двоюродного брата. Год назад он и его пять братьев сбежали от жестокой матери, морившей их голодом, и осели где-то в столице, пристроившись подмастерьями по разным мастерским.

– Лисичка, – обрадовался он, хотел меня обнять, но побоялся сойти со своего поста. Я поняла, кого он боится.

– Василики здесь нет. Можешь присесть отдохнуть и рассказать, как вы. Я так по вам соскучилась!

Мартин садиться не стал, но предложенное мной яблоко взял и, с хрустом пережевывая, стал рассказывать.

Мартин с братьями хорошо устроились в Альмагарде. Он почти сразу по приезду попал в королевскую стражу, где и пребывал до тех пор, пока Василика не наняла его на временную службу. Заочно он проходил обучение в той самой военной академии, что и я, приезжая туда каждый месяц сдавать экзамены. Я очень удивилась, услышав это. Как получилось, что мы с ним ни разу за год не встретились, – непонятно.

Его жалования хватало, чтобы содержать всю семью, но остальные братья тоже не привыкли сидеть без дела. Каждый из них нашел себе достойное занятие. Погодки Джон и Артур пошли работать на королевскую почту. Теперь и у них были синие рубашки с вышитыми на рукавах белыми коня-

ми и сверхпреданность делу в придачу.

Викар и Сим отправились в подмастерья, один к сапожнику, другой к пекарю. Только Дэвид, самый младший, не мог нигде пристроиться. Он тоже пробовал работать у разных мастеров, но не находил занятие, которое бы ему нравилось. Так он и блуждал от одного мастера к другому.

Их матушка, тетка Котлета, совсем тронулась умом и больше никого не подпускала к своему дому, бросая в прохожих объедки и поленья. Люди совсем перестали к ней заходить, хоть и раньше не горели желанием это делать. Только почтальон, обреченный приносить ей каждый месяц деньги, которые отправляли для нее сыновья, волей-неволей навещал ее. На эти деньги она и жила, продолжая всех ненавидеть и проклинять. Я хоть и не любила тетку Котлету, но все равно пожалела ее.

– Как-нибудь зайду вас навестить, – пообещала я. – Или вы сами приходите.

Мартин засмутился. Иногда случается, что человек, очень большой и сильный, который может одним ударом свалить лошадь средних размеров, в душе оказывается добрым, сочувствующим и стеснительным. Наш разговор прервал слуга, доложив, что Рональд хочет меня видеть.

– Плохо, – сказала я.

– Он тебя обижает? – спросил меня Мартин, как когда-то уже делал, искренне переживая и желая помочь.

– Хуже. Он обо мне слишком уж заботится, – мрачно от-

ветила я и виновато поплелась в библиотеку, а где же еще ему быть? Неужели он вчера еще не все сказал, что думает о нашей с Освальдом прогулке?

– Тебе нельзя идти на церемонию королевской проверки, это слишком опасно, – начал он без предисловий. – Геральт – сильнейший маг, будет толпа народа, он растворится в ней и сможет сделать с тобой все что захочет. Он сможет тебя украсть даже с королевского балкона, не говоря уже о карете, в которой придется туда ехать.

– Рональд, я уже пообещала Альберту. Как я ему скажу, что передумала? Да и кого он найдет вместо меня? У него времени почти не осталось, всего неделя.

Альберт будто почувствовал, что речь зашла о нем. Дверь открылась, он просунул в комнату рыжую голову.

– А что такие кислые? – поинтересовался он.

Мы рассказали.

– Брось, Рональд, – Альберт развалился в кресле. – Там будет столько стражи, что муха не пролетит незамеченной. Если ты волнуешься – можем Освальда с собой взять – пусть рядом стоит.

Рональд послал за Освальдом, чтобы услышать и его мнение, надеясь, что он поможет ему нас переубедить. Его ожидания не оправдались, Освальд принял нашу сторону. Он попытался успокоить Рональда, сказав, что вряд ли Геральт захочет безобразничать у всех на виду. Альберт подтвердил, добавив, что, скорее всего, Геральт подберет другой день и

время, чтобы прикончить его невесту. Рональда это заверение почему-то не успокоило.

– Вы собираетесь рисковать жизнью из-за простой прихоти! – снова попытался переубедить нас он. – Было бы хорошо вообще перенести эту проверку на другое время, ведь под ударом может оказаться и сам Альберт, и кто угодно в толпе.

– Второй раз я подготовки к церемонии не перенесу! – наотрез отказался Альберт. Он вообще не воспринимал ситуацию всерьез. В конце он вспылил, обвинил Рональда в том, что тот все привык за всех решать и что заботится обо мне и о нем, как папочка, а от него этого никто не ждет и не просит. Мы так ни до чего и не договорились.

Спор продолжался бы и дальше, но в этот момент вошла Василика, привлеченная шумом. Настроение наемницы было непривычно мечтательным и романтичным. В руках она держала букет пестрых дорогих на вид цветов, завернутых в шуршащую бумагу. Сочетание было таким диким, что все на минуту замолчали. Это было все равно, как если бы Рональд вошел в гостиную, с гордостью держа перепачканную землей лопату.

– И кто это моей старушке подарил цветы? – шутливо поинтересовался Освальд даже без тени ревности.

– Как ты меня назвал?

Никто не ожидал, что невинная фраза Освальда может разозлить кого-либо, но Василика вспыхнула от нее с жаром доменной печи.

– Я не ошибаюсь, что ты – безродный самоучка, ставишь мне в укор мой возраст? – прошипела она сквозь зубы.

– Ты старше на четыре года, смирись с этим, – все так же спокойно ответил Освальд.

– Не указывай мне, что делать, – Василика повысила голос. – Вы, мужчины, всегда считаете себя в праве командовать. Гельмут Кривой надежно вдолбил в ваши головы идею, что женщиной можно распоряжаться, как вам вздумается! Вы искренне считаете свой пол достойным, сильным, благородным, а хочешь я расскажу тебе правду? Мужчины отвратительны в каждом своем проявлении и выжили до сих пор только потому, что за ними присматривают самонадеянные дуры, верящие в чудо, такие, как эта, – она ткнула пальцем в мою сторону. – Настоящий мужчина, если бы такой где-нибудь нашелся, никогда не опустился бы до намеков о возрасте! – она перешла на крик, отшвыривая букет и доставая из ножен на поясе меч.

– Хотел бы я увидеть такого! – поддержал Освальд ее слова с энтузиазмом, так и стоя, скрестив руки на груди. Его спокойствие разозлило Василику еще больше.

– Ты бездарь, сморчок безвольный, баран кучерявый, тощий глист с руками-веревочками, не способный даже меч в руках удержать. Будь проклят день, когда я вышла за тебя! – Василика в ярости замахнулась, целя в Освальда точно и четко, даже не пытаясь сделать выпад ложным. Освальд был к этому готов. В Василику полетело замораживающее заклинание.

вание, и она, совершенно обездвиженная, застыла на месте с занесенным мечом. Освальд шагнул к ней, вынул оружие из ее рук, отбросил в сторону и приобнял жену за талию:

– Ну ты же знаешь, что я пошутил. Ты у меня молодая и прекрасная. Не обижайся. Тебе надо тренировать выдержку, иначе ты дальше простой наемницы не пойдешь, а ты ведь очень хочешь и заслуживаешь больше любого мужчины, – примиряюще сказал он и разморозил Василику, чмокнув ее в нос.

Но она не унялась, власть Освальда над ней лишала ее ума и заставляла забыть обо всех приличиях. Едва снова обретя возможность двигаться, Василика зарычала и ядовито процедила:

– Все твои старания с куполами, толстыми томами по сравнительной магии, бесконечным обучением в академиях – это просто попытка как-то прикрыть свою неполноценность, которую я, как твоя жена, каждую ночь наблюдаю в постели! Я никогда тебя не любила, и никто не любил! Разве что мамочка, наивно спутавшая твои кудряшки с мозгами.

Тут Василика сама поняла, что перегнула, но гордость просить прощения не позволила. Тогда она все еще зло, но уже немного и виновато подняла букет и меч, и пошла в свою комнату.

Сказать, что мы чувствовали себя неловко – ничего не сказать. Мои уши пылали, Рональд смотрел в пол, тактично делая вид, будто ничего не произошло, Альберт откинул-

ся на диване и притворился спящим. Освальд старался не показывать, но ему было больно, обидно и стыдно. Знал ли он, что от нас с Рональдом бесполезно прятать свои чувства? Вряд ли, потому что он все равно попытался. Вояки и вправду думают, что любой спор можно решить силой и напором, и добиваются того, что ранят тех, кто пришел к ним без оружия.

– Надеюсь, Рональд, у тебя есть еще одна гостевая спальня? – будто невзначай спросил Освальд. – В одной мы сегодня спать точно не будем.

Немного о красоте

Было очень обидно за Освальда. Мне и до этого Василика не нравилась, а теперь я хотела сказать ей все, что о ней думаю, и душевно оттаскать за волосы.

Василика была красивой и знала об этом. Красивые люди часто позволяют себе то, что другие просто не могут. И ей, и Комиру многое сходило с рук, им все давалось проще. Вот тебе Комир высший балл, ничего, что не доучил, ты ведь обязательно доучишь, я вижу это в твоих прекрасных синих глазах! Вот тебе Василика прощение за публичное унижение, оставайся и дальше в колледже, и ходи на занятия к избитому тобой учителю! Конечно же мы верим тебе, Комир, мало ли что болтает это сумасшедшая! Вот вам обоим прощение за несправедливость, за измену, за предательство! За что еще? Что еще можно простить человеку, который ничего не сделал, кроме как родился с правильными ровными чертами лица и стройным телом. Почти все!

Новая спальня Освальда была в соседней комнате. Я постучала ему в стену.

– Не спится? – поинтересовался он. Слышно было очень хорошо. Каменные стены не пропустили бы звук так четко, Освальд явно приколдовал.

– Почему ты на ней женился? – зло спросила я.

– Потому что люблю, конечно же...

– Просто за красоту? Уж точно не за характер.

– Ты видишь только одну ее сторону, но у нее есть и другие. Каждый человек сложнее, чем кажется вначале. Люди многосторонние, как магия. Чтобы понять человека, нужно узнать его цели, причины поведения и побочку, которую оставило в нем прошлое, и даже тогда не получишь полного представления о нем. Я хороший маг, потому что вижу каждое заклинание изнутри, будто в разрезе. С пониманием людей то же самое. Надо стараться не делать поспешных выводов и смотреть на мир их глазами. Василика не такая плохая, как хочет казаться. Она, когда никто не видит, страдает, любит, признает свои ошибки и даже плачет. Синяки, которые причинили тебе столько боли, на самом деле должны были научить, как в бою не потерять руки.

Кроме того, по мне Василика не самая красивая женщина в мире. Я когда ее впервые увидел – она меня вообще не понравилась. Все вокруг были в восторге, а я недоумевал, что другие находят в ее худых ногах, стриженных волосах и потертом кожаном костюме.

Я не верила ушам. Было ли возможно, что Василика желала мне добра, а ее красота могла кому-то не понравиться.

– Но ты говорил, что любишь ее.

– Люблю. Уже позже я рассмотрел в ней то, чего не видел раньше. Она мне, кстати, много раз говорила, что очень бы хотела поменьше нравиться мужчинам. Ей это приносит больше неприятностей, чем пользы. Просила изменить ее

внешность, но я отказался.

Я выдам тебе один ее секрет: она кроме оружия за собой всегда таскает бабушкину книгу «Сборник историй из жизни», берет ее во все поездки. Эта книга скрывает ответ на вопрос, почему Василика тяготится своей красотой.

Там есть одна история об очень красивом человеке. О мужчине, правда. Его звали Фромель. Он родился в семье кожевника. Когда Фромель подрос достаточно, чтобы местные девушки смогли рассмотреть его красоту, кончилась его спокойная жизнь.

Он поначалу пользовался преимуществом, которое досталось ему даром, провожал на сеновал то одну местную красотку, то другую. Когда очередная девушка ему надоедала – он с легкостью бросал ее. Женские слезы лились вокруг него рекой, рев стоял невообразимый. На этом, как правило, проблемы кончались.

Но однажды все пошло не так. Дочь сельского старосты полюбила его по-настоящему. Когда Фромель сказал, что она ему надоела, девушка не стала плакать или умолять. Она спокойно сказала, что если он оставит ее – она умрет от тоски. Он не поверил, посмеялся и бросил ее, как бросал до этого всех остальных.

Дочь старосты сдержала свое слово и умерла. Тихо, спокойно, просто не проснулась на утро, и все. Отец бедняжки знал, по кому она вздыхала, знал, что дочь была абсолютно здоровой и помирать не собиралась. Кроме того, он не мог

не заметить, что она в последний месяц возвращается домой очень уж поздно, а порой не возвращается совсем. Он был не дурак, любил свою дочь, и хоть ему и хотелось придушить смазливого мерзавца голыми руками еще тогда, не вмешивался.

Когда дочери не стало, староста сопоставил факты, сделал выводы и больше себя в своих желаниях сдерживать не стал. Фромель, увидев его в окно, понял, что надо бежать. Староста шел к его дому со здоровущей секирой и таким лицом, что сомнений не оставалось – пощады не будет.

Фромель выбрался из дома через заднюю дверь и бежал. Бежал очень далеко, так, чтобы его не смогли найти. Дорога обратно в родные края была закрыта для него навсегда. Это оказалось неприятно, потому что он любил своих родителей и комфортную жизнь под их опекой. Кроме того, ему было жаль бедную девушку. Он любил женщин и смерти им никогда не желал, просто не думал о последствиях. Фромель решил, что с этого дня будет осмотрительней.

Теперь ему самому надо было себя обеспечивать, и он устроился на работу в конюшню к местному князю. Князь был женат. Жене его было лет тридцать, по сравнению с юным Фромелем, она была старуха.

Первое время Фромель служил на конюшне без всяких происшествий и не позволял себе даже улыбаться девушкам, которые довольно быстро нашли, что юный конюх очень симпатичный.

Когда он подводил и придерживал коня для княгини перед ее очередной верховой прогулкой, на его несчастье, она тоже успела рассмотреть его красоту. С этого дня ее верховые прогулки стали ежедневными. Она подолгу болтала с Фромелем каждый раз, прежде чем наконец отбыть. Фромель понял, что надо бежать, пока князь не догадался, что происходит. Когда княгиня уехала кататься в очередной раз, он пошел к князю, попросил расчет, и ушел со своим жалованием, прежде чем она вернулась.

Потом он сменил еще немало городов и деревень, но везде случалось одно и то же. Все женщины влюблялись в него, и ему приходилось скрываться, бросая едва насиженные места, которые даже не успевали стать для него домом. После своего восьмого побега он не выдержал и решил стать отшельником. Фромель прожил четыре года далеко от городов и сел. С людьми теперь его связывала только дорога, проходившая недалеко от дома. Он выращивал овощи, разводил кур и коз, а в свободное время мастерил что-нибудь из дерева. Он привык к своей одинокой жизни, хоть и скучал по людям.

Однажды Фромель заболел. Его била лихорадка, перед глазами плыло, а ноги подкашивались. Помочь ему было некому. Он понял, что умрет, если останется один, и на нетвердых ногах побрел к дороге. На его счастье, ему хватило сил до нее дойти, и к еще большей удаче – мимо проезжали торговцы и подобрали умирающего отшельника.

Когда он пришел в себя в лазарете и увидел вокруг людей – сначала очень обрадовался, но потом испугался: по большой палате ходили только женщины. Лазарет был при храме Матери Хранительницы. Фромель впал в отчаяние и долгое время не поднимал глаз на ходящих туда-сюда женщин, девушек и даже бабушек, на всякий случай. Но потом, к своему великому удивлению, понял, что на него обращают не больше внимания, чем на других больных. Это открытие поразило его и обрадовало. Он попросил у одной из монахинь зеркало, а когда его получил – пришел в невероятный восторг от увиденного. Он был страшен. Волосы и борода отросли и превратили его в старика. Лицо от работы под солнцем пошло пятнами, кожа огрубела и покрылась морщинами.

Теперь Фромель мог жить, как остальные люди. Он очень быстро выздоровел, поблагодарил монахинь и совершенно счастливый отправился гулять по улицам города. Там он и остался жить до конца своих дней, перевез в свой новый дом родителей, женился на толстой некрасивой дочери мельника, которая родила ему троих мальчиков и девочку. Фромель придирчиво осматривал каждого ребенка сразу после рождения, и оставался очень довольным, не заметив ни малейших признаков безупречной красоты на младенческих лицах.

Так вот, как я и говорил, секрет нелюбви Василики к собственной красоте кроется в этой книге. Только сказка про Фромеля не имеет к нему никакого отношения. Когда Василика подросла и начала приносить домой подарки от воз-

дыхателей, бабушка брала эту книгу, лупила ее по голове, приговаривая нецензурные слова, которые, если перевести на человеческий язык, означали бы что-то вроде: «женская красота подобна летним цветам – раскрывается пышно и ярко, а увядает быстро и безнадежно, уносимая ветром времени, а зависеть от этих кобелей проклятых – последнее дело».

К слову, эта книжка была единственной в доме ее бабушки, и я подозреваю, что она не читала даже ее.

Глава, в которой мне приходится проявить все свои способности, в том числе и хитрость

Следующий день начался плохо. Дворцовые посыльные все испортили. Они принесли срочное письмо. На этот раз Альберту пришлось ехать во дворец, хоть он и не хотел. Его присутствие, по словам министров, было необходимо.

– Вот и кончился мой отдых, – обреченно сказал он и стал лениво собираться, оттягивая момент отъезда насколько возможно.

Освальд решил пойти с ним.

– Надо подправить королевский купол, – он все еще обижался на Василику и решил воспользоваться возможностью уйти из замка.

Они уехали. Я заскучала сразу, и чтобы как-то развлечься, переделалась в свою тренировочную форму. Я выбрала коричневый с карманами тренировочный костюм, почти как у Василики. Он был утыкан булавками по настоятельным советам Освальда, впрочем, как и вся остальная одежда. За голенище сапога я засунула флакончик очередки, выполнив все настояния своих надсмотрщиков, как очень хорошая девочка. Потом взяла меч, и пошла искать Рональда, чтобы попросить его позаниматься со мной еще.

Я побродила немного по опустевшему замку, осторожно открывая двери, но так и не нашла, где Рональд умудрился спрятаться. Когда не надо – он тут как тут, а когда я его ищу – попробуй найди. Чтобы хоть как-то побороть скуку, я решила проведать няню Мэлли, не к злоущей же Василике идти, да еще в таком виде!

Няня Мэлли плакала. Глаза у нее покраснели и опухли, пара больших капель стекала по щекам. Это было так неожиданно. Иногда за своими проблемами забываешь, что у других людей они тоже есть. Няня всегда была очень жизнерадостной. Она никогда раньше при мне не плакала. Я завидовала ее умению сохранять хорошее настроение, но, похоже, даже у нее это получалось не всегда.

– Что случилось, няня Мэлли? – спросила я. – Если это ведьма Василика тебя обидела, я не посмотрю на то, что она начальница стражи, и накажу ее хорошенечко.

Я преувеличила свои возможности. Если бы мне и в самом деле пришлось идти ее наказывать, то наказали бы в итоге меня, позорно и безжалостно.

– Что? – не поняла няня. – А, нет, она тут ни при чем.

– А что же тогда? Кто-то умер? – в ужасе спросила я.

Мэлли на секунду даже перестала плакать.

– Нет, что ты, деточка, все живы-здоровы.

Что тогда могло так расстроить няню, я не имела понятия, но спрашивать больше не стала, если бы она хотела, то рассказала бы сама. Няня повздыхала еще немножко, нарезая

соломкой морковку.

– Фермесские пирожки не получились, – всхлипывая, сказала она, решив все-таки поделиться своим горем, и снова зарыдала.

– Пирожки? – не поняла я. – Разве можно так плакать из-за пирожков?

– Я их целый месяц готовила. Сначала травы заготавливала, потом их перебирала и взвешивала, потом настаивала, потом на настое замешивала тесто. Оно подходило еще неделю, чтобы в нем образовалась специальная флора. А потом... я их... спалилаааа!!! – ее рыдания перешли на высокую ноту.

В моей голове никак не укладывалось, что можно плакать навзрыд из-за пирожков. Никогда не пойму этих взрослых, даже когда сама стану взрослой. Я неловко попыталась ее подбодрить, сказав, что еще и не такое мы портили, из-за чего няня заплакала только громче.

– Наверное, лучше я пойду, – тихо сказала я и выскользнула из кухни, оставив няню наедине со своими переживаниями, чтобы случайно не сделать еще хуже. Я подумала, что принцип Освальда – «не трогай, пока не успокоится» – может работать не только с Василикой.

Я еще побродила по замку, зашла в библиотеку. На столе лежала та самая книга, которую непонятно как подложил Геральт, пересмотренная и перепроверенная много раз. Я села за стол, прислонив к нему меч, и стала перелистывать

страницы. Может, мне удастся найти что-нибудь, что пропустили остальные, какую-нибудь подсказку, которая поможет нам всем освободиться от гнетущего чувства опасности. Книга как книга, ничего необычного. Читая ее, никогда бы не заподозрил, что ее писал сумасшедший с манией величия и большим воображением. Выдать в авторе перечисленные проблемы могла только глава, посвященная подготовке материального заклинания преследования жертвы в картинках.

Быстрым шагом, очень расстроенный и взволнованный, вошел Рональд.

– У тебя тоже пирожки сгорели? – ляпнула я.

Он непонимающе на меня посмотрел. Я смутилась и спросила уже серьезно:

– Что произошло?

– Ничего опасного для жизни, но мне надо уехать прямо сейчас.

– Если это из-за фразы про пирожки, то проще меня выслать из замка, чем уезжать самому.

– Я ненадолго, к вечеру вернусь. Оставайся под куполом, что бы ни случилось.

– Возьми меня с собой, пожалуйста, – умоляюще посмотрела на него я.

– Не раньше, чем победишь Василику в честном бою.

Он поцеловал меня в лоб и постарался успокоить:

– Не переживай, со мной все будет в порядке. Главное, чтобы с тобой ничего не случилось. Василика, присмотри за

ней, – сказал он через плечо непонятно откуда взявшейся начальнице стражи.

Мне не повезло. Василика так не вовремя выбралась из комнаты и вспомнила о своих обязанностях. Она-то мне точно сбежать не даст.

– Из замка – ни ногой! – еще раз сказал Рональд и ушел.

Я видела в окно, как он за куполом отдает распоряжения бывшему капитану стражи. Ему вывели лошадь, он сел верхом и уехал. Спустя пять минут следом за ним отправился небольшой отряд. Неясная тревога стала противно холодить живот.

«Он очень сильный и умный, он справится», – пыталась я себя успокоить. Василика устроилась в кресле и собралась присматривать за мной основательно и с удобствами.

– Куда это он, интересно? – тоже любопытствовала она. – И где все остальные?

Выглядела наемница плохо: глаза были красными, вокруг них залегли тени, и говорила она еле-еле, будто ей с трудом давалось каждое слово.

– Ты что, плакала? – опрометчиво заподозрила я в Василике человечность.

– Еще чего! Не дожدهшься! Просто голова болит и глаза слезятся. Аллергия.

Для убедительности она чихнула. Получилось натурально.

– Освальд с Альбертом уехали готовить дворец к церемо-

нии. А насчет Рональда – сама хотела бы знать.

И в этот самый момент я увидела, как в той стороне, куда ускакал Рональд, далеко, за краем города, поднимается дым.

– Поле... – поняла я. – Наше с Рональдом поле горит!

– И всего-то, – хмыкнула Василика. Ее не впечатлило. – Погасит, в следующем году урожай лучше будет, и все. Твоему герцогу хватит денег пережить эту потерю.

Она не понимала, а объяснять мне не хотелось. Единственное в Освии, а может, и во всем мире поле лунных лилий сейчас исчезало в языках пламени. Но даже это было не самым страшным. Я бросила взгляд на книгу Геральта, мирно лежащую на столе. Страницы раскрылись веером, их золоченые края поблескивали.

– Это ловушка, – сказала я, и резко повернулась к Василике. – Бери своих людей, всех до одного, зови Освальда и скачите за ним!

– Ну уж нет! – лениво перекинула Василика ногу на ногу. – Приказ был четкий и ясный: «Из замка ни ногой». И я с тебя глаз не спущу.

– Надо ехать во дворец к Альберту за помощью! Надо отправить к ним Освальда. Если там их поджидает Геральт – сами они против него ничего не сделают! Он убьет их всех!

– Ну, хорошо, отправь слугу с письмом к Освальду, этого будет достаточно.

Я покачала головой.

– Слуге понадобится час, чтобы добраться до дворца, и

еще три, чтобы пройти все проверки. Мы поедем сами.

– За пределы купола – никуда, – упрямо повторила Василика, теряя промелькнувшее было добродушие. Она была непреклонна.

Я глубоко вздохнула, успокаиваясь, чтобы не сорваться на крик. Сейчас нужно было еще раз попробовать договориться, а не портить и без того натянутые отношения.

– Василика, – упавшим голосом сказала я, – ты обязана защищать не только меня, но и Рональда. Сейчас он в куда большей опасности, чем я. Или мы едем вместе, или я еду одна.

Василика покачала головой. Я вздохнула еще раз, подняла свой деревянный меч и направила на нее. Раз Рональду так необходимо, чтобы я победила Василику перед тем, как ехать за помощью, я это сделаю.

– Ты что, серьезно? – громко и обидно расхохоталась наемница. Она долго еще смеялась, прежде чем поверила, что я не шучу.

– Прямо здесь, в библиотеке? В святыне твоего жениха?

Я кивнула. У Василики тренировочного меча не было, она достала настоящий. Ее, похоже, в отличие от Рональда, не волновало, что я могу об него пораниться.

Василика не атаковала, ей хватало пока ума и выдержки не нападать на меня. Как назло, у нее было хорошее настроение. Это надо было менять. Я сделала пару жалких выпадов и стала добавлять к своим неубедительным ударам еще и

долго копившиеся слова. Они шли искренне, от души, слишком свежими были воспоминания о том, как она обошлась с Освальдом.

– Какая же ты дрянь! – прорвало меня. – Поначалу я думала, что ты просто жестокая баба, которую в детстве не любили родители, но потом я узнала тебя ближе и поняла, что ты еще хуже. Ты злая, несправедливая, циничная, грубая и самовлюбленная. Ты ничего не видишь кроме себя и своих желаний, вытираешь ноги обо всех, до кого можешь дотянуться, даже об собственного мужа, доброго, честного и талантливого. Ты даже со своей работой не справляешься – от тебя солдаты бегут, потому что никто не хочет подчиняться такой, как ты. И дело не в том, что ты женщина, даже не пытайся себя этим утешить! Ты, как Гельмут Кривой, считаешь, что людьми можно распоряжаться как угодно, не заботясь об их интересах!

Настроение Василики резко упало. Глаза ее недобро блеснули, я била ее по больному месту. Все еще осмотрительно, но уже горячо, она сделала выпад, четко целясь в мой меч. Я старательно поставила блок. Мне надо было разозлить ее еще больше, чтобы Василика потеряла самообладание и ударила в полную силу. Острое лезвие ее меча блеснуло, ловя солнечный блик и напоминая, какая смерть ждет меня, если я ошибусь.

Максимально сосредоточившись, я продолжила дрожащим от волнения голосом:

– Я не удивлюсь, если узнаю, что ты заплатила магам, чтобы приворожить Освальда, потому что ни один мужчина в здравом уме не станет жить с такой стервой по своей воле, – Брови Василики сошлись на переносице. Она атаковала еще дважды, на этот раз вложив в удары куда больше души. Каким-то чудом у меня получалось пока от нее отбиваться. До момента, когда Василика забудет обо всем, о своей обязанности меня защищать, о том, что у нее настоящий меч, а у меня тренировочный, оставался всего один шаг, и я уже знала, что надо сказать. Я набрала воздуха побольше и закончила громко и четко:

– Я спала с Освальдом, и он сказал, что у меня красивые уши!

Эта фраза поставила точку. Мысленно я попросила прощения у Освальда и убедила себя, что это было необходимо. После этих слов Василике будет не жалко меня убить.

Как я и ожидала, она потеряла над собой контроль, сорвалась и, дико зарывчав, широко замахнулась мечом. Василика наконец ударила, вкладывая всю силу и ярость, не думая о последствиях, о том, как потом будет жить с моей невинной кровью на руках и кто будет отмывать пол.

В последний момент я выставила магический щит, как и хвасталась перед Освальдом, – одной левой. Ее меч врезался в прозрачное защитное поле в ладони от моего лба. Вибрация прошла по щиту, по мечу в руке противницы, по полу, по всему замку. Книжные полки зашатались. Лезвие ме-

ча разлетелось на осколки, в руках Василики осталась только рукоять. Отдача была такой сильной, что Василика упала на колени, зажимая левой рукой правую, в которой по-прежнему оставался обломок меча. Я, не дожидаясь, пока она придет в себя, вышла и закрыла дверь, не забыв подпереть ее тумбочкой для надежности. Вряд ли это остановит неуравновешенную наемницу, но времени мне немного добавит.

Руки дрожали, ноги подкашивались, а душу заполняло чувство радости победы. Победы не над кем-нибудь, а над изводившей меня Василикой. Я выбежала за ворота, вскочила на первую попавшуюся лошадь в конюшне и направила ее к королевскому дворцу. Надо было спешить.

Во мне росла вера, что усилия, потраченные на двойное обучение в этом году, были не напрасны и дали свои результаты. Непосильные тренировки, насмешки Василики, прекрасный щит Освальда, чтение книг до рассвета, все это помогло мне сейчас победить. Забыть о приличиях и сыграть не совсем честно.

Дворец становился все ближе. Купола над ним не было видно. Чувствовалось, что Освальд уже приложил к нему свою руку. Но доехать до него у меня не получилось. Будто в насмешку, прямо перед дворцом, нагло и открыто, меня ждал тот, кого мы все так боялись.

Ловушка

Он был высокий и худой, со смуглой кожей и прямыми черными волосами, спускавшимися до пояса. Волосы были густо украшены россыпью бусин разного размера и формы. Они касались золотой пряжки на ремне, подпоясывавшем платье из плотной дорогой ткани. Он будто сошел с картинок книг о Фермесе, настолько эталонно его внешность совпадала с образами магов далекого королевства. Он стоял, заложив руки в широкие рукава, и улыбался тонкими бесцветными губами. Обмануть меня этой улыбкой было нельзя. Знакомый ореол ненависти и необузданной ярости плотным клубком смыкался вокруг него. Я еще успела удивиться, что его никто не сумел найти, он был как черное пятно смолы на белой рубашке, которое невозможно не заметить. Выкинутый в спешке щит не сработал. Булавки, спрятанные в складках одежды, больно обожгли тело, сгорев мгновенно. Свет померк, и я провалилась в бездну.

Пришла в себя я от того, что мне на лицо щедро лили воду. Она противно щекотала кожу, попадала в нос и рот, пропитывала насквозь одежду. Я закашлялась и нагнулась вперед. Вода потекла за шиворот. Наконец ее поток иссяк, я проморгалась и рассмотрела перед собой фермесца. К его прежнему образу добавились еще огромные желтые бусы,

побрякивающие при движении. Маг мягким жестом протянул кому-то опустевший кувшин, я проследила за его движением и с досадой, но без удивления увидела Комира. Он услужливо принял от мага посудину и скрылся за дверью.

– Ах ты, предатель! – вырвалось у меня.

– Ну вот, наша гостя и пришла в себя, – сказал фермесец приятным бархатным голосом с легким, едва ощутимым акцентом. Фермесский выговор сильно отличался от аскарского. Если Василика картавила и не проговаривала как следует окончания, то мой похититель растягивал гласные и излишне выделял «ш» и «с».

Он был бы красив, если бы от него не веяло такой жутью. Мой похититель повернулся, бусинки в его волосах тихо зазвенели. Я впервые видела такого странного человека. Его манера говорить, изящество движений – были одновременно завораживающими и пугающими. Повадками он напоминал огромную змею, одним взглядом заставлявшую жертву самому лезть ей в пасть, что я и сделала. От этого образа к жути добавилось еще и отвращение.

Я огляделась. Комната, была обставлена с роскошью, человеком, не знавшим слово «сдержанность». Стол из черного дуба с витыми ножками был щедро украшен золотом и перламутром, кресло обито шелком самого высокого качества, кровать украшал балдахин невероятной расцветки. Такие ткали только в северных королевствах дальних земель. Его цвета спутывались и расходились, создавая невероятный

узор, от которого сложно было отвести глаза.

Посередине стены, напротив меня, висело огромное зеркало в резной раме из дорогого камня, украшенной змеями, цветами и головами животных. Глянув в него, я увидела себя, привязанную к грубо сколоченному стулу, входную дверь слева, и только потом – огромный, во всю стену рисунок внутреннего строения человека с надписями над каждым позвонком и органом. Меня затошнило, сизые и ярко красные пятна на рисунке были, будто настоящие. Я зажмурилась и наклонилась вперед, чтобы удержать подкативший к горлу ком. Под ноги мне натекла лужа воды, и тогда впервые я почувствовала, как мне холодно, и как затекли связанные за спинкой стула руки.

– Александра, невеста герцога Рональда Бенедикта, – растягивая буквы, будто в запасе у него была вечность, прошипел фермесец. – Ни красоты, ни ума, ни знаний.

Он неспешно прошелся, стуча каблуками по доскам пола, и сел в широкое низкое кресло с витыми, как у стола, ножками. Его тусклые, почти бесцветные глаза смотрели на меня не отрываясь и почти не моргая. Холеные руки с длинными ногтями покойно легли на подлокотники.

– Ты знаешь, кто мы? – спросил он.

У меня с самого начала не было сомнений в том, кто передо мной, но сказать об этом вслух, значило признать, что все это время я знала, какая опасность мне грозит, и все равно так глупо попала в ловушку.

– Неужели этот напыщенный дурак даже не рассказал, от кого тебя прячет? – Геральт был до боли разочарован. – Мир полнится кретинами! Мы были о нем лучшего мнения и даже не ожидали, что сможем выманить его и тебя из замка так просто. Одно письмо, поджигающее заклинание, и вся ваша осторожность сошла на нет. Вы охотно разбежались решать мелкие проблемы, позабыв о настоящей опасности. Как просто управлять глупцами. Можно ли подумать, что когда-то Рональд был нашим другом? – задумчиво процедил он.

– Почему ты думаешь о нашей глупости, а не о собственной бессовестности? – не выдержала я. – Мама тебе не говорила, что похищать девушек грязно, отвратительно и не достойно мага!

Спокойствие Геральта схлынуло, сменившись мгновенной вспышкой ярости. Он в два шага пересек комнату, и ударил меня наотмашь по щеке.

– Называй нас господин Геральт и на вы, дрянь! – он опасно навис надо мной, черные волосы касались коленей. Я почувствовала его пряное тяжелое дыхание. – Еще раз заговоришь так и сильно пожалеешь об этом, поверь нам на слово. Нам будет жаль не дожидаться прихода Рональда и убить тебя раньше! Впрочем, не так уж и важно, насколько ты будешь цела, когда он придет.

Его гнев мгновенно пропал, так же, как и появился. Он выпрямился, спокойно убрал волосы назад, и вернулся в свое кресло. Устроившись удобно, он щелкнул пальцами, и под

моими связанными ногами разверзся уже знакомый мне колодец. Он оказался меньше предыдущего, всего в локоть. Из него немедленно полезли цепкие лапки, шаря пиявками пальцев по полу. Я уже знала, что это значит. Черная бездна под самыми ногами дышала жаром и ждала, когда ей попадет любая добыча. Я брыкнула связанными ногами, но это было бесполезно, лапок оказалось слишком много. В секунду они нащупали мои дергающиеся лодыжки, крепко вцепились, лишая возможности и дальше брыкаться. Они не смогли бы затащить меня к себе – слишком узким был проход, но отпускать тоже не спешили. Из пальцев выдвинулись острые полупрозрачные коготки и начали с тупым упорством рвать кожу сапог.

– Как ты думаешь, что будет дальше? – насмешливо улыбаясь спросил Геральд, а первый, самый настойчивый коготь уже справился с сапогом и полоснул по ноге.

– Они разделяют быка до костей за час! – смакуя слова протянул Геральт.

Я до крови прикусила губу, чтобы не закричать. Из колодца доносилось сиплое частое дыхание. В глубине провала шевелилось что-то большое, и, всмотревшись, можно было заметить два десятка мелких черных глаз. Их обладатель жаждал добычи и в нетерпении выбрасывал наружу все новые лапки. Им уже не хватало места у лодыжек, и они принялись ползти вверх, цепляясь друг за друга и за складки штанов. Добираясь до свободного места, они приклеивались,

выдвигали когти и начинали рвать ткань. Меня полоснуло еще и еще, ноги обожгло нестерпимой болью. Я не выдержала и закричала, а Геральт будто этого и ждал. Он снова щелкнул пальцами, и алчное ненасытное чудовище, скрывающееся в бездне колодца, недовольно ворча, потянуло жучьи лапки обратно. В последний раз меня обдало жаром, колодец схлопнулся, и в комнате повисла короткая тишина, нарушаемая только моим прерывистым дыханием. На продранных во многих местах штанах расцветали темные пятна крови.

– Будешь себя плохо вести – она тебя разорвет на куски и сожрет в один присест, а Рональд найдет только ошметки твоей одежды, в лучшем случае, – сказал маг, равнодушно пожимая плечами. – Так тоже можно, он все равно будет умирать от горя. Просто убить Рональда можно было давно, без лишнего шума, никто даже не заподозрил бы нас в преступлении, но мы так не хотели. Нам нужно было, чтобы Рональд сам пришел, по своей воле. Чтобы он сожалел, боялся, мучался, как мы мучались когда-то. Мы не злодей, мы просто восстанавливаем справедливость. Рональд заслужил наказание. Из-за него мы, самый талантливый маг в мире, провели шесть лет в тюрьме.

Геральт оттянул в сторону яркие бусы и ворот платья, открывая след от ошейника, впечатавшийся в его кожу навсегда. Он говорил так, будто ничего не произошло, неспешно растягивая буквы и поглаживая смуглыми пальцами дорогую ткань платья.

– Мы даже не подозревали, что столкнемся с трудностями уже в самом начале. Нам пришлось постараться, чтобы Рональд понял, кто хочет взять с него плату за прошлое. Мы трижды пробирались в его дом, стояли над кроватью, крали письма, оставляли следы, подсовывали книги на столы, но Рональд был настолько слеп, что не видел ничего. Его глупость была такой отвратительной! Дошло до того, что нам пришлось писать ему и разжевывать все, как младенцу. Дурак! – протянул он. – Каково это, быть невестой дурака?

– Рональд не дурак! – еле слышно прошептала я.

Геральт понимающе кивнул.

– Видим, что быть невестой дурака очень унижительно. Настолько, что даже не хочется признавать очевидное. Хочешь узнать, что будет дальше?

Я молчала. Мне не хотелось, но правила диктовал Геральт.

– Он будет тебя искать. Усердно, старательно, без сна и еды, ведь он думает, что любовь чего-то стоит. Он перевернет весь город, но тебя не найдет и впадет в отчаяние. Он будет корить себя, представлять самое худшее и страх разъест остатки его ума. Когда нам надоест наблюдать за ним – мы дадим Рональду подсказку, и он примчится тебя спасти сломя голову, не подготовившись, даже не вооружившись как следует. Тогда мы убьем тебя и всех, кого он притащит с собой, а потом возьмемся за него самого. Мы еще пока не придумали, сколько лет станем держать его в подвале прежде,

чем убьем. Куда торопиться, у нас будет много времени, чтобы увидеть его боль.

На последней фразе в нем внезапно опять поднялась ярость, и он сорвался на крик. Пальцы на подлокотниках побелели и сжались. Я впервые почувствовала чужую эмоцию с такой силой. Она отдалась в голове болью и пульсацией. Я не выдержала и скривилась от дурноты. Геральт это заметил, его гнев опять улегся, и он кивнул, будто наконец понял, что-то.

– Вот что вас объединяет с Рональдом, кроме глупости! – Вы оба видите эмоции. Это хоть немного объясняет выбор Рональда, жалкий даже для него. Встретились два ничтожества, не знающие, как толком применить свой дар, и поют друг другу в уши: «Ах, как я тебя люблю!» Нас едва не рвало каждый раз, когда мы читали ваши письма.

Мне было холодно, больно и страшно. Мокрая рубашка прилипала к телу, раны хоть и не были сильно глубокими, но их было много, они не переставали кровоточить, цеплялись за разодранную ткань штанов, постоянно причиняя боль. Запястья за спиной были стерты от попыток высвободиться из веревок, а Геральт открыто наслаждался моим отчаянием.

Он еще немного посидел, любуясь тем, что со мной сделал, потом поднялся и неспешно прошел к двери балкона, заложив руки за спину и побрякивая своими бусинами.

– Нам хочется посмотреть, что делают сейчас Рональд и его маг, – протянул он. – Мы когда вернемся – все тебе рас-

скажем.

Полы его черного платья всколыхнулись, и в одно мгновение он перестал быть человеком, превратившись в большую черную птицу с огромным острым клювом. Из всего множества птиц, созданных богиней, Геральт выбрал именно эту. Я вспомнила стаю ворон, кружащуюся над лесом за академиями, и сразу стало ясно, почему Геральта никто не сумел найти. Птица презрительно скосила блестящий глаз, подпрыгнула, и тяжело хлопая крыльями, улетела.

Первый час я потратила в безуспешных попытках высвободиться из веревок. Он кончился тем, что веревка пропиталась кровью и разбухла. Я оставила попытки, откинулась на жесткую спинку и постаралась больше не двигать руками. Потянулось давящее одиночество и монотонность, в которой оставалось только неисполнимое желание сменить позу. Рисунок разобранного человека за спиной, капающая с одежды на пол вода, смешанная с кровью, воспоминание о чудовищных когтях, ожидание, что маг вернется и пытка начнется сначала, – все это прижимало, как мельничный жернов.

Время тянулось бесконечно долго. Не знаю, сколько я просидела так, прежде чем за дверью прозвучали неуверенные тихие шаги. Ручку робко повернули и в отражении зеркала я увидела перекошенное лицо Комира. Он облегченно выдохнул, зашел в комнату и пискнул:

– Хвала Богине, ты жива!

– Комир, – выдохнула я. Голос был слабым, но после раз-

говора с Геральтом и долгого одиночества, я была рада и его компании

– Прихвостень сумасшедшего мага. Как тебя угораздило связаться с Геральтом?

Язык слушался неохотно, жалея силы на каждое слово. Комиру было неловко, стыдно и страшно. Страшно едва ли не больше, чем мне. Он не выдержал, сполз на пол и расплакался истерически, без слез, выплескивая наружу то, что копилось в нем долгое время.

Геральт подошел к нему на дороге, когда Комир после праздника сбора урожая направлялся в академию, чтобы спокойно окончить последний год и выйти хоть не очень хорошим, но все-таки магом. Геральт пообещал, что всего за месяц превратит его в лучшего студента, и сделает так, что по окончании академии Комиру дадут такую рекомендательную грамоту, с которой можно будет служить в самых богатых домах столицы. Его слова ослепили Комира. Он был седьмым ребенком в семье простого горшечника и не всегда мог рассчитывать даже на сытный ужин, не то что на богатство или власть.

Геральт рисовал перед ним картины сказочного будущего, достойного короля, Комир не утерпел и поддался. Сначала все шло хорошо. Маг и вправду всего за месяц обучил его всему, что требовалось для получения отметок в академии. Комир выполнял мелкие заказы, сумел заработать на дорогой камзол и безделушки, стал тратить деньги на подружек и

даже подкармливал своих прихвостней, желая задобрить их. К хорошему привыкают быстро.

Комиру никогда не нравился Геральт, но страх и уважение заставляли его продолжать ходить к нему снова и снова. Вскоре Геральт предложил Комиру подшутить над одним почтальоном и показать, как на практике работает заклинание ответственности, накладываемое на всех служителей почты. Они вместе поймали беднягу, сломали колдовство королевских магов и поставили свое. Даже тогда Комир ничего не заподозрил. Ему показалось забавным, что теперь почтальон перед тем, как понести письма в академию, сначала сворачивает в лес, и с остекленевшим взглядом вытряхивает содержимое мешка перед его хозяином.

Так было до тех пор, пока Геральт не убил несчастного почтальона. Комир не видел и не знал, почему это произошло, но понял, что его учитель ему не нравился не зря. Комир стал прятаться и отсиживаться под куполом, решив больше никогда не видеться с ним, однако Геральт не отстал. Комир сам не понял, как вышел за ограду. Он очнулся, когда уже стоял у леса напротив Геральта. Маг сумел подчинить его себе так же легко, как сумел подчинить почтальона. Геральт насмешливо пообещал, что, если Комир не выполнит его последний приказ, он переложит вину за убийство почтальона на него, и никто не сумеет доказать обратное. Комир ему безоговорочно поверил. Дело показалось ему не трудным и безобидным – нужно было просто подложить письмо

под мою дверь, и Комир согласился, даже не взглянув на гербовую печать на нем. Это последнее дело поставило жирную точку на его привычной жизни, превратив в преступника и беглеца.

– Я не знал! Я не знал! – повторял он, будто пытаюсь убедить самого себя. – Я бы никогда, веришь, никогда! Мне так жаль...

– У тебя еще есть шанс все исправить, – я ему даже немного сочувствовала. Если быть полностью честным с собой, придется признать, что вряд ли сумел бы поступить умнее или лучше, чем другой человек в такой же ситуации.

– Если тебе и вправду жаль – развяжи меня, – просто сказала я. Комир замотал головой, из его глаз ручьями потекли слезы.

– Не могу! Он убьет меня, а ты выйти все равно не сумеешь. Купол настроен так, что это невозможно без разрешения Геральта – тебя рассеет в пыль. Он когда меня сюда притащил – показывал. Палку бросил, она до границы долетела и – пф! только морось на клумбу осела. Я уже месяц пробую купол снять, но никак! Геральт мне никогда не учил этому, заранее знал, что этим кончится. Я такой же пленник, как и ты.

– Нет, не такой же. У тебя развязаны руки и тобой не кормили жука из колодца. Ты все равно можешь помочь. Сначала залечи мне раны. У тебя есть очередь?

Комир мотнул головой и спрятал лицо в колени.

– Моя должна быть на месте, за голенищем правого сапога.

Комир не двигался.

– Ну! – прикрикнула я на него. – Если то, что ты сказал – правда – помоги! Считай, что это мое последнее желание.

Комир покосился опухшими глазами на пятна крови, чернеющие на моих разодранных штанах, на мокрую перепачканную рубашку, липшую к телу, на ошметки кожи, оставшиеся от сапог, на кружева сползшего разодранного чулка, казавшегося здесь таким неуместным. Комир сглотнул и перевел взгляд на дверь. В нем боролись страх и искреннее желание хоть как-то загладить свою вину.

– Хорошо, – наконец решил он. – Хозяин ничего не заметит, если не трогать одежду.

Он опустился передо мной на колени, взялся обеими руками за мой правый сапог, подержал его секунду, а потом закатив глаза неожиданно обмяк, откинулся на спину и растянулся на досках пола.

На мгновение я испугалась, подумав, что Геральт заговорил свой купол так, что он убивал любого, шедшего против воли хозяина. Это было возможно, прежний купол Рональда, например, превращал в кота всякого, кто осмелился покушаться на его жизнь. Присмотревшись к неподвижному телу Комира я заметила, что он дышит, и немного успокоилась. Комир пролежал несколько минут прежде, чем стал приходить в себя. Он перевернулся на бок и сел.

– Я что, потерял сознание? – спросил он, пытаясь вспомнить, что произошло. Я молча кивнула. Комир залился краской и стал поспешно объяснять:

– Я вообще-то крови не боюсь, просто иногда, когда вижу ее – отключаюсь. Такое бывает, у меня много друзей точно так отключаются. Это все из-за особых испарений крови, они снотворно действуют на мозг...

Комир сам понимал, как необидительно это звучит. Он сдался, беспомощно опустил голову и признался:

– До смерти боюсь крови.

Я снова кивнула. Поднимать Комира на смех сейчас уж точно было незачем. К тому же у каждого человека был свой страх. Для Комира это кровь, для остальных тоже находились варианты – темнота, высота, злые менестрели, крысы, змеи, пауки, жуки... На последнем образе, по спине пробежали мурашки, живот стянуло холодом. Многоногие плотоядные твари с длинными коленчатыми лапками, живущие в мрачных колодцах... По телу прошла дрожь, что угодно, только не это. Я протянула вперед связанные ноги. Комир снова взялся за сапог, и, стараясь не смотреть, стал ощупью искать припрятанную бутылочку. Он грубо цеплял едва подсохшие порезы, я терпела, стиснув зубы, но тут он задел особенно глубокую рану, я не сдержалась и лягнула его, заорав:

– Больно!

Комир обиженно засопел, но стал осторожнее. Подцепив сапог за каблук, он сумел стянуть его вместе со сползшими

обрывками чулка. По полу покатила матовая коричневая бутылочка.

Комир подобрал ее, предусмотрительно открыл двери балкона настежь, посмотрел на меня сочувственно и открыл крышечку. Комнату мгновенно заполнило вонюю. Я еще видела, на какие раны он капал первые капли и старалась не кричать, но потом сознание отключилось и все провалилось в темноту. Что было потом – я, как и следовало ожидать, забыла. Зато горожане, живущие рядом, надолго запомнили, как мы с Комиром в два нестройных голоса фальшивили старую погребальную песню про черную птицу, кружащую над умирающим воином, в ожидании его смерти.

Потом был тяжелый сон, в котором я старая, сморщенная и сгорбленная сидела привязанной к тому же стулу в доме Геральта, а из-под земли на меня снизу вверх смотрели серые мертвые лица и шептали:

– Некому идти тебя спасать. Все давно мертвы, и ты останешься здесь навсегда.

Под лицами показались паучьи тела с множеством коленчатых лапок, они тянулись, хватали, резали, утаскивали за собой в нерпоглядную пустоту, лишённую времени.

Пробуждение было неприятным, голова болела, тело ломало от сидения в одной позе, едкие назойливые мурашки бегали по затекшим ногам, зато одежда была сухой, и хоть продранные штаны все еще чернели уродливыми пятнами, раны под ними схватились молодой розовой кожей и больше

не болели.

Комната была в идеальном порядке. Запах очереди выветрился, остатки моего правого сапога вернулись на место. В камине уютно горел огонь, стол украшала скатерть с золотыми кистями, а на нем по всем правилам сервировки были разложены приборы. Комир предусмотрительно замел следы нашего маленького хулиганства до прихода хозяина, и затаился где-то в глубине дома, ожидая его возвращения. Он хорошо знал привычки Геральта, и вбежал в комнату еще до того, как занавески на окнах всколыхнулись, будто хозяин позвонил в беззвучный колокольчик, подзывая своего слугу. Комир согнувшись в поклоне придержал двери балкона, и большая черная птица неспешно и грузно простучала когтями по полу. Без видимых усилий она превратилась в человека, стук когтей перешел в стук каблуков, а шелест перьев в позвякивание бусин.

Геральт растягивал широкий рот в жабьей улыбке. Ему было хорошо и радостно, словно он достиг цели, к которой стремился годами. Так оно и было. Сейчас он был ближе к своей мечте, чем когда-либо раньше.

Комир суетился, прислуживая ему. Сначала он снял и начистил сапоги хозяина, потом подбросил дрова в камин, и, уронив одно полено схлопотал пинок под зад. Принесенный Комиром чай был немедленно выплеснут ему в лицо, по причине недостаточной температуры, а когда он вытирал остатки напитка, маг одарил его оскорбительным званием поло-

тера. От ужина, с которым ученик мага провозился три часа, Геральт отказался. Комир едва не плакал от унижения. Его кулинарное чудо «рыба в яблочном соусе» уныло тарасилось на меня маленьким холодным взглядом, свесив плавники с тарелки на скатерть. Геральт шевельнул пальцами, на столе открылся небольшой колодец. Показались лапки, умело разделали рыбину на кусочки и утащили к себе. От невидимых стен колодца отдавалось отвратительное чавканье и урчание.

Геральт ничего не сказал за все это время, меня как будто вовсе перестал замечать. Он взял у Комира новую чашку чая, и блаженно раскинулся в кресле, наслаждаясь моментом.

– Мне надо выйти, – не выдержала я.

Геральт брезгливо поморщился и подозвал Комира.

– Надень ей ошейник и развяжи, – скомандовал он. Комир бросился меня развязывать, и тут же ему в голову опять полетела чашка с остатками чая. Она ударила Комира в ухо, облила камзол, и, упав на пол, разлетелась фейерверком осколков.

– Болван! – зло прошипел Геральт, – сначала ошейник надень, а потом развязывай.

Когда Комир сделал то, что велел ему хозяин и прибрал с пола осколки, Геральт обратился ко мне:

– Будет скучно, если тебя убьет купол. Не порти нам удовольствие, не пробуй выйти из-под него, – протянул он. Я поежилась, ярко представив, как рассеиваюсь по траве алым

облачком.

После долгого сидения в одной позе тело двигалось с трудом, суставы с блаженством расправлялись, мурашки в ногах сначала побежали быстрее, реагируя на движение, а потом сошли на нет. Комир вывел меня на улицу. Город гудел привычными звуками, стучали двери, скрипели колодцы, шумели голоса, ржали лошади, где-то далеко играла музыка. На окнах соседних домов полоскались разноцветные флаги. Город как ни в чем не бывало готовился к церемонии королевской проверки.

Как ты там, Альберт, кто будет читать над тобой заклинание в день проверки? Как ты там, Освальд? Сколько поисковых колобков ты испек, чтобы найти меня? Как там ты, Василика? Бьешь вазы и бросаешь дротики в мой портрет на стене? А главное, как там ты, Рональд?..

Я с тоской осмотрелась. Маг обустроился в двухэтажном доме, снаружи скромном и неприметном. Купола над ним не было видно, он был таким же безупречным, как купол Освальда.

– Как, интересно, я могу быть уверенной, что меня не убьет, если я не знаю, где купол? – мрачно спросила я у Комира.

– Туалет под ним, а дальше – не ходи, – подсказал он.

Когда мы вернулись, Геральт не вставая с кресла пустил в меня заклинание. Мой кожаный костюм разросся до чудовищных размеров и осел на пол, ошейник придавил, мешая

пошевелиться, и я тихо пища посмотрела на свои сморщенные серые лапки. До того, как я смогла выбраться или хотя бы понять, что произошло, Геральт крепко стиснул меня одной рукой, поднял на невероятную высоту и поднес к лицу. Его улыбка была пугающей, белоснежные зубы казались огромными камнями, выстроенными по чьей-то прихоти в идеальный ряд. В нос ударил едкий запах пряностей и дыма.

– А что, мышка, не боишься ли ты огня? – Геральт поднес меня к камину. Пламя уже погасло, но угли все еще светились красным и от них вверх поднимался обжигающе горячий воздух. Я задергалась, шерстка на мордочке и усики оплавилась, нос обжигало так, что невозможно было дышать, а пальцы Геральта будто не боялись жара.

– Твой герцог подпалил перышки, когда тушил ваше бесценное поле, может, и тебе тоже стоит немного пострадать. Видела бы ты, какая суета поднялась в герцогском замке после твоего исчезновения! Как в разрушенном муравейнике – букашки бегают, а смысла в этом нет – разоренное гнездо не починить, личинки не спасти от палящего солнца, не вернуть жизнь растоптанной королеве, и впереди у них только смерть. Они город три раза обошли, возле нашего дома час топтались и даже не заподозрили, что ты здесь. Какая жалкая беспомощность и глупость! Но уже скоро. Завтра мы подскажем твоему жениху, где тебя искать, а пока – живи.

Он убрал руки от огня, и сунул меня в маленькую клетку в углу комнаты за кроватью. В ней уже сидели три желтые

канарейки. Они испуганно запрыгали по золотым веточкам, роняя помет на каменное дно клетки, в кормушки и пиалы с водой.

Тяжело дыша обожженными ноздрями, я притихла, забившись в угол. Геральт еще полюбовался мое жалким положением, вернулся в свое любимое кресло, и через несколько минут прямо в нем и усну, спокойный и удовлетворенный.

На меня накатило острое отчаяние. Я была виновата в том, что произошло. Я не хотела поверить в опасность, вела себя неосмотрительно, заставила Освальда взять меня с собой, послушалась Рональда, обманула Василику и оказалась здесь. Теперь из-за меня они завтра все придут сюда и будут рисковать жизнями, чтобы попытаться исправить мои ошибки. Сердце бешено колотилось, взгляд, как на зло, все время возвращался к изображению человека на стене. На крупной схеме были обведены чернильными кругами органы и точки, в которые следовало бить, чтобы причинить боль.

– Этому не бывать! Я вырвусь! – решила я, упираясь в каменное дно четырьмя лапками. Птички снова заметались по клетке, суетливо щебеча и опрокидывая пиалы. Я попробовала протиснуться между прутьями, но Геральт был не так глуп, чтобы не предусмотреть этого. Я потянулась к замку, но сил в крошечных непослушных пальцах не хватало, чтобы отжать тугую пружину дверцы. Тогда в ход пошли зубы. Острые мышинные резцы вгрызались в прутья, откалывали краску, оставляли царапины, но тонкий металл решетки был

сейчас для меня так же прочен, как прутья тюрьмы.

Комир больше не заходил, и я просидела в клетке до самого утра, стараясь найти угол подальше от истеричных канареек. Есть и пить хотелось ужасно, но мутная вода с полурасстворенным пометом едва ли была годна.

Под утро задремав, я пропустила тот момент, когда Геральт подошел к клетке и запустил в нее изящную ухоженную руку. Спросонья я не сообразила, что происходит, и только благодаря животным инстинктам, цапнула его за палец и полезла вверх, цепляясь зубами и лапами за прутья. Однако руки у мага оказались длинными, он без труда поймал меня и сильно сдавил.

– Не дергайся, хуже будет, – сказал он, вытащил меня и подбросил вверх чуть ли не к потолку. Я неуклюже задержалась, несколько раз перевернулась в воздухе, и упала на пол уже человеком, сильно разбив колени и ладони. Схватив свою одежду, я спряталась за кроватьным пологом и стала суетливо одеваться. Маг даже не подумал выйти или отвернуться. В придачу к этому в комнату невовремя ввалился Комир, чтобы убрать из остывшего камина золу. Он увидел меня, покраснел и уперся взглядом в угли, но хоть и притворялся, что не смотрит, время от времени косился в мою сторону и уши его были пунцово-красные.

«Я все расскажу Рональду! – подумала я про себя мстительно. – Потом, когда ты будешь сидеть в его подземелье с увесистым ошейником». Из рук все валилось, пока я, наде-

сь, что меня не видно, натягивала штаны и рубашку.

– Подойди, – скомандовал Геральт.

Половина пуговиц была все еще не застегнута, чулки так и остались валяться в стороне, не заправленная рубашка торчала из-под куртки. Я попыталась застегнуть и завязать все это до конца прежде, чем выйти, но у мага было другое мнение. Вокруг меня в полу стали открываться колодцы, один за одним, разного размера – большие и маленькие. Их было около десятка и у каждого на дне копошилось и ворочалось что-то едва различимое, и от того еще более жуткое. Из колодцев потянулись лапки, спешащие ухватить что-нибудь прежде, чем хозяин велит им спрятаться.

Я перестала думать о пуговицах и выбежала из своего укромного угла. Без лишних слов Геральт ухватил меня за стянутые в хвост волосы и полоснул по ним большим ножом. Я подняла глаза на зеркало, и едва узнала себя. Растрепанная, в изодранной одежде, бледная и напуганная, я стояла в роскоши комнаты касаясь грязными пальцами грубо обрезанных прядей. Волосы были короче, чем у Василики и торчали в стороны уродливыми перьями. В любое другое время я бы расплакалась, но сейчас это была мелочь по сравнению с тем, что должно было случиться дальше.

Колдун подозвал Комира, велел ему снова надеть на меня ошейник, отдал ему волосы и приказал отправить их утренней почтой герцогу Рональду, указав обратный адрес.

– Вот и все, через два часа твой женишок будет тут как тут,

и начнется самое интересное. Все же влюбленные мечтают умереть в один день? Мы уверены, что у вас получится.

То, чего так ждал маг

Я поняла, что время пришло еще до того, как Геральт высокомерно протянул:

– Едет твой спаситель.

Снаружи было шумно, звучал торопливый топот многих ног и звон оружия. Я, связанная, лежала на холодном полу. Геральт подошел, нагнулся, его волосы защекотали шею. Я вжалась в пол. Он криво усмехнулся, схватил меня за локоть и поволок к двери балкона. Из-за ослепительного солнца, после полумрака комнаты, я не сразу разглядела в собравшейся под домом толпе Рональда, а маг уже начал:

– Смотри, Рональд! Самоуверенный герцог, строящий из себя святого! Смотри хорошенько! Вот твоя невеста! Хочешь – приди и забери ее!

Глаза привыкли к свету, и я увидела то, о чем и так знала. На широкой площадке перед домом стояли Рональд, Освальд с Василикой, и вся стража, какая у них была. В толпе солдат мелькнуло лицо Мартина. Не было только Альберта, и я порадовалась, что хотя бы он останется в живых.

Купол над домом Геральта полыхал огнем так же, как ненависть и гнев его хозяина. Освальд стал негромко нашептывать заклинание, но предусмотрительный злодей крикнул:

– Уйми своего горе-мага, герцог! Если он еще раз откроет рот – мы убьем твою невесту у тебя на глазах. Хочешь войти

– дай нам герцогскую клятву, что пройдешь под купол один, без оружия и магических побрякушек, и никто не последует за тобой.

Рональд снял камзол, поблескивающий булавками, отстегнул меч и передал его Освальду. На секунду он задержался, стоя гордой спиной к нам и лицом к другу, потом решительно обернулся и шагнул вперед.

– На мне нет ни оружия, ни магической защиты, – крикнул он. – Я даю свое герцогское слово, что войду под купол один и никто не посмеет пройти под него за мной.

Геральт довольно улыбнулся.

– Тогда входи, – гнев его опять внезапно погас, в голосе даже прозвучало что-то вроде дружелюбия. Купол перестал пылать и снова был совершенно прозрачным. Рональд шагнул под него, спокойный и бесстрашный, навстречу своей смерти.

– Ну вот, мы и свидетелись, – протянул Геральт, отшвыривая меня в сторону, едва Рональд вошел в комнату.

По приказу Геральта, Комир привязывал Рональда к тому самому стулу, на котором день назад сидела я. Рональд не сопротивлялся. Он знал, что без оружия и магической защиты не сможет ничего противопоставить Геральту, и просто хотел выменять мою жизнь на свою. Маг стоял напротив и явно любовался зрелищем, стараясь вытянуть из момента все, что можно.

– Как же ты так, Рональд? – проговорил он с насмешли-

вым укором. – Мы думали, ты никогда не дашь свое герцогское слово и попробуешь взять штурмом наш купол и дом. Даже тогда у тебя было бы больше шансов. На что ты рассчитывал, идя к нам без оружия? Думал, что мы просто побеседуем? Ты, надеялся на это после того, как мы едва не сгнили в тюрьмах Фермеса по твоей вине? Или ты рассчитывал, что мы забудем твое предательство и сможем тебя простить? Нет, такое не прощают. Каждый день в холодной камере мы мечтали, как выйдем и отомстим. Только мысль о том, что мы заставим тебя страдать, помогла нам выжить. А потом, на нашу удачу, случилась война. Королю не хватало магов, и он выпустил нас. Ему легко было закрыть глаза на старый проступок, когда на кону оказались богатства целого королевства. Мы помогли королю и, если бы трусливые солдаты не бежали с заколдованного поля – выиграли бы.

Король увидел и понял, как мы могущественны и полезны. Он сделал нас своим советником и первым магом. Тогда мы познали, что такое богатство, роскошь, власть. Но среди всего этого мы поняли, что все равно не можем быть счастливы. Мы не могли быть счастливы из-за тебя, Рональд. Ты был жив и процветал. Мы узнали, что у тебя даже появилась невеста. «Какая удача!» – подумали мы и решили навестить тебя. Ты со своей пылкой привязанностью сам подставил девчонку под удар, и мы тебе благодарны за это. Теперь тебе придется смотреть, как она умирает.

Геральт достал из большого ящика под столом сверток из

черной кабаньей кожи, ловкими пальцами потянул ремни, и развернул его на широком столе. Внутри, аккуратно рассортированные по кармашкам, лежали наточенные кривые щипцы и кусачки, длинные спицы с удобными рукоятями, медные гвозди, каждый в ладонь длиной, скрученные спиралью шила, огромные ржавые ножницы. Все это походило на набор инструментов кожевника, но ни один из них никогда не использовался для доброго дела. Инструменты несли над собой зловещую ауру умелой руки палача. Геральт вытянул из набора сплюснутый крюк, похожий на коготь и повертел его перед глазами Рональда.

– Как бы ты поступил, Рональд, если бы тебе пришлось выбирать, какой смертью умрет твоя невеста? – насмешливо спросил маг. – Будь мужчиной, прими решение хоть раз в жизни.

Геральт совершил большую ошибку. Он так увлекся, что перестал обращать внимание на что-либо, происходящее в комнате, и для него стало полной неожиданностью, когда Комир встал в полный рост и выкрикнул, срывая голос:

– Чтоб тебя подняло и шлепнуло!

Он сложил пальцы в неприличном жесте сразу на обеих руках и поднял их, как знамя, в сторону учителя. Я не сразу догадалась, что выкрикнутая Комиром фраза была заклинанием, а не просто нашим общим пожеланием, и только взглянув на Геральта поняла, что происходит. Маг стремительно обрастал перьями, но не черными вороньими, а другими –

пестрыми, взъерошенными, пробивавшимися на лице и шею клоками. Красные, зеленые, фиолетовые в розовую крапинку, они облепили его с ног до головы, сделав похожим на медведя, упавшего в краску.

В эту минуту в комнату ворвались Освальд и Василика.

– Мать Хранительница! – не сдержался Освальд, увидев Геральта. Он в своей практике ничего подобного не встречал.

– Мама, – пискнул Комир в ужасе от того, что сотворил, и спрятался за стул с Рональдом.

Посмотрев на свое отражение в зеркале, Геральт отшатнулся. Потом узнал себя и перевел взгляд туда, где только что стоял Комир. Ярость снова начала в нем подниматься, он терял контроль над собой, и по всей комнате стали открываться колодцы, превратив пол в решето. Из дыр торопливо выбирались на свет лапки, а за ними извивая верткие тела, вылазили жуткие сороконожки с раздвоенными хвостами, из которых тянулась паутина. Будто спущенные с цепей собаки они торопились за добычей, но до того, как они успели дотянуться до кого-либо, Освальд выпустил заклинание. Оно полыхнуло синим, обдавая холодным ветром, и заполняя комнату густым облаком пахнущего мятой тумана. Облако продержалось всего мгновение, а когда растворилось – все увидели, что сороконожки лежат на полу без движения. Последовала пауза, наполненная едва уловимым звоном, и неспеша, неподвижные тела стали втягиваться обратно в колодцы.

Всмотревшись, я с отвращением заметила, что паутина, тянущаяся из хвостов, сокращаясь возвращая дохлых насекомых обратно в бездну. Когда на полу не осталось ни одного жука, колодцы разом с визгом схлопнулись. Геральт застыл, не веря своим глазам.

– Да, – ответил Освальд на его немой вопрос, – я нашел способ прикрывать твои колодцы, и позабочусь о том, чтобы о нем узнали все маги мира.

– Колодцы – это всего лишь игрушка, призванная устрашать дураков, – быстро пришел в себя Геральт.

Он взметнул руку, и, едва заметный, из нее выскользнул нож. Магия магией, но иногда ничего надежнее острого лезвия, припрятанного в рукаве, нет. Освальд едва успел отскочить в сторону, так это было неожиданно. Но еще прежде, чем крепко стать на ноги, Освальд ответил ему боевым заклинанием, но Геральт тоже не дал достать себя первым же ударом. Одним движением он вернул себе прежний облик, пестрые перья осыпались цветным облаком, и он снова оказался собой.

Черный маг вырвал волосину с большой красной бусиной и бросил ее под ноги Освальду. Подготовленное заранее заклинание, спрятанное в волосе, взорвалось с ужасным грохотом. В стороны полетели камни и вывернутые из пола доски. Но Освальд не зря считал себя лучшим магом Аскары, легко, будто играя, он поставил три щита одновременно: надо мной, Рональдом и Комиром, собой и Василикой, заставив

летающие камни и обломки осесть на их границах. Геральт пострадал от собственного заклинания даже больше, чем мы. Он споткнулся об один из выломанных камней и упал на спину. Василика прыжком вырвалась вперед, готовясь нанизать черного мага на меч, но не успела. Геральт уже встал и запустил новое заклинание. Василика увернулась, перекатилась по полу и спряталась под щит Рональда. Она оценивающе посмотрела на Комира, все еще прячущегося за стулом, сочла его не опасным, но бесполезным, дала ему подзатыльник, чтобы не путался под ногами, и перерезала веревки Рональда.

Геральт зарычал, его ярость опять вспыхнула ореолом пламени. Камни старого здания начали плавиться. За спиной страшного безумного мага поднималось черное марево. Комната наполнилась дымом и ревом пламени. Казалось, вокруг горит все. Освальду стало трудно удерживать щиты, магическая стихия по своей мощи превосходила все те заклинания, которые я видела раньше.

Рыжее пламя Геральта и синие щиты Освальда столкнулись, на их границе воздух завертелся, образуя столб из поднятых вверх камней, обломков, пыли и перьев. Вихрь, с одной стороны красный, с другой синий, готов был сдуть и самих магов. Он разбухал, подтягивая все новый мусор, ширился, оттеснял щиты Освальда, силясь сломить защиту.

Струйка пота скатилась по лицу Освальда. Он едва удерживал тройной щит под таким напором. Его вытянутые впе-

ред руки дрожали. Я зажмурилась, в любой момент ожидая взрывного удара стихии, который сметет нас всех навсегда, однако вместо этого сквозь сжатые веки увидела лицо Матери Хранительницы. Она посмотрела на меня, улыбнулась, подмигнула и исчезла.

Видение было таким реальным, что я набралась смелости снова посмотреть на происходящее. Матери Хранительницы в комнате не было, зато Освальд, балансируя на одной ноге, вырисовывал узор носком другой на засыпанном мусором и пылью полу. Он умудрялся создавать новое заклинание, удерживая щиты.

Будто ставя точку, Освальд припечатал каблуком пол. Из-под его ступни поползли в стороны трещины. Дом содрогнулся, а волна от удара прошла по всему городу. С потолка посыпалась раскаленная известка. Казалось, что старые стены сейчас сложаются, погребя нас всех под обломками. Но их камни были скреплены магией и устояли. Только та часть здания, где было окно, – исчезла, брызнув камнями наружу.

Бешеное пламя погасло, вихрь опал, и в одно мгновение наступила тишина. В ней было слышно, как оба мага тяжело дышат. По их лицам тек пот. Не способный принять свое поражение, Геральт сделал еще одну попытку сломить защиту Освальда. Он вырвал сразу жменю заговоренных волос и швырнул в него. Но Освальд просто шагнул в сторону, уходя от прямого удара и поправляя едва заметным движением щиты. Бусины крикошетили и полетели обратно к Геральту.

Освальд взмахнул рукой, и защита Геральта исчезла. Заклинания взорвались под ногами у своего хозяина.

Геральт упал на гору раскаленных камней и обугленных дымящихся досок. Кому угодно хватило бы такого падения, чтобы потерять сознание и остаться там навсегда, но злодей оказался живучим. Он медленно встал, сбил огонь с загоревшегося от жара платья, махнул рукой, и подкравшаяся на расстояние удара Василика отлетела в сторону. Геральт на нее даже не посмотрел. Все его внимание сейчас было сосредоточено на Освальде, который явно его побеждал.

Геральт не спеша возобновил свой щит. С одной стороны головы у него не хватало волос и проглядывала кожа с навернувшимися капельками крови.

– Да иссушит тебя Солнце, проклятый аскарец! – процедил он сквозь зубы и сплюнул кровью. Он медленно обвел взглядом всех собравшихся и задержал его на Рональде.

– Это ты, подлец, обманул нас и во второй раз! – опять перешел он в ярость.

Блестя идеально заточенным лезвием, в Рональда полетел нож из второго рукава мага. Тот по привычке отбил его мечом еще до того, как он коснулся щита, а вот летящее вслед за ним двойное заклинание – не сумел.

Первое заклинание Геральта разбило вдребезги щит Освальда, и его осколки полетели по всей комнате, а второе попало Рональду в грудь. Пятно крови немедленно стало расплываться по его рубашке. Рональд пошатнулся. Освальд

отвлекся, и тут же сам получил двойной заряд. Куртка Освальда вспыхнула синим и погасла, не оставив и следа ранений, – все заговоренные булавки разом сработали и рассыпались в песок.

Геральт, пользуясь заминкой, превратился в птицу. В спину ему из-за горы обломков, где прятался Комир, полетело неплохое боевое заклинание, но ученик злодея промахнулся, задев вместо учителя плечо уже почти добежавшей до него Василики. Рана была пустяковой, но она заставила наемницу упустить врага. Тяжело хлопая крыльями, маг улетал прочь через пролом в стене. Комир попробовал загладить свою вину и запустил еще одно заклинание. На этот раз ему повезло, оно достигло цели, снова превратив Геральта в человека.

Маг тяжело упал на землю, заморозил стоящих внизу солдат раньше, чем они поняли, что произошло, и побежал. Василика бросила ему вслед меч, прорезала полу его длинной юбки, но не задела самого мага.

Когда мы выбежали на улицу – гнаться было уже не за кем. Василика чуть не прибила Комира, но меч ее был потерян, а пока она доставала другое оружие, ее пыл уже немного охладил Освальд. Все-таки Комир хотел помочь и даже набрался смелости поднять руку в неприличном жесте на своего учителя.

Рональд быстро терял кровь. Черное пятно на полу под ним становилось все больше. Геральт решил убить жертву

сразу, раз не получилось помучить ее как следует. Вдвоем Освальд и Василика перенесли Рональда в карету. Пока мы ехали в замок, Освальд пытался заговорить рану Рональда, но она никак не хотела срастаться. Кровь так и текла, не желая останавливаться, несмотря на все его усилия. Рональд был без сознания, а на его лице застыло выражение боли. Освальд попробовал капнуть очередки, разорвал рубашку и открыл моим глазам чудовищную рану с рваными краями. Очередка тоже не помогла. Я обливалась слезами, глядя, как умирает Рональд. Я знала – способа помочь ему нет, он нарушил герцогскую клятву, а это всегда кончалось одинаково.

– Он умирает из-за тебя, – Василика была беспощадна. Я и так это знала и не находила себе места от горя и вины, но она захотела меня добить.

Рональда перебинтовали и уложили на кровать. Няня Мэлли, плача, то садилась рядом со мной, то убегала куда-то и приносила свежие бинты. Кровь все не останавливалась. Как он был до сих пор жив – было непонятно. Рональд лежал без сознания второй час. Освальд оставил попытки ему помочь. Он, сильнейший маг Аскары, испробовал все, что мог, и теперь просто сидел рядом, беспомощно опустив руки.

Василика стояла, отвернувшись к окну. В какой-то момент я поняла, что она плачет. Если бы я не была так погружена в собственное горе, я бы удивилась. Оказывается, в ней действительно есть что-то человеческое. Ей приходилось все время работать бок о бок с мужчинами, и показы-

вать свою слабость она не имела права. Только Освальд знал, что Василика лучше, чем хочет казаться. Она превратила себя в невыносимую стерву для всех, – и для мужчин, и для женщин, не оставив пути к своей душе никому, но иногда выстроенная ею стена все-таки не выдерживала напора простых человеческих эмоций.

Прошел еще час. В комнату вбежал бледный Альберт.

– Проклятье! – крикнул он. – Почему вы не позвали меня раньше?

– Прости, Альберт. Рональд попросил меня этого не делать, – виновато ответил Освальд. – Я послал за тобой, только когда понял, что надежды его спасти нет. Геральт вынудил Рональда принести клятву, а он с самого начала решил ее нарушить. Пока он снимал с себя оружие, приказал, чтобы мы шли следом. Он отвлек мага, я незаметно убрал купол, и мы смогли войти. Это был наш единственный шанс. Но я не сумел защитить Рональда.

Альберт наклонился над кроватью, глядя на бесцветное лицо брата, и крикнул:

– Мерзавец! Ты должен был меня позвать! Все могло бы обойтись, если бы я был рядом! – Боясь не успеть, он выпрямился и выкрикнул:

– Своей королевской властью я лишаю тебя, герцог Рональд Бенедикт Освийский, всех твоих титулов, денег и владений! Побудь простым человеком, умник, может, гордыни у тебя поубавится!

Бледное лицо Рональда стало удивительно спокойным, будто его отпустило что-то, что долго мучило. Освальд удивленно посмотрел на него и повторил одно из тех заклинаний, которые не сработали по дороге в замок. Пятно крови на свежем бинте перестало разрастаться. Освальд пустил в ход свое исцеляющее заклинание с поправкой на рост волос.

– Альберт, ты его спас! – я, рыдая, бросилась к королю в объятия. Он с сожалением провел рукой по моим обрезанным волосам.

– Этот негодяй пожалеет, – сказал Альберт, и я почувствовала мрачную твердость в его голосе. Передо мной стоял не наглый хитрый брат герцога, а настоящий король. Я поверила ему. Невозможно было не поверить.

– Мои слуги ищут его. Все городские ворота и порты перекрыты. Каждый корабль, обоз и путник проходят тщательную проверку. Альмагард – город небольшой, не позже, чем послезавтра, колдун будет у меня.

– Мы с Освальдом найдем его, – сказала Василика, резко отворачиваясь от окна. – Теперь от нас здесь пользы мало. А я очень хочу, чтобы этот нелюдь попал ко мне в руки первой.

Освальд с готовностью встал.

– Ты права. Я только подлатаю немного Лисичку. – Он наложил исцеляющее заклинание на меня, хоть я сильно в нем и не нуждалась, и шепнул:

– Я добавил поправку на рост волос и для тебя.

Они ушли. Я посмотрела им вслед. Вспыльчивая наемни-

да и спокойный осмотрительный маг. Пожалуй, они были хорошей парой. Они дополняли друг друга и в работе, и в жизни. Моя неприязнь к Василике незаметно исчезала.

Синяки, ушибы на коленях и ладонях стали сходить. Отрастающие волосы уже щекотали шею. Освальд был умным и внимательным. Я была так ему благодарна. Ему и Альберту за то, что они спасли Рональда.

Мы сидели с Альбертом в спальне рядом со спящим Рональдом.

– Знаешь, Альберт, я бы не смогла жить, если бы... – я даже не сумела произнести вслух это «если бы».

– Это ты зря. Жизнь со временем наладилась бы и пришла в норму, даже в таком печальном случае. Ты научилась бы получать от нее удовольствие опять, хоть тебе и кажется сейчас, что это было бы невозможно. Хранительница создала нас так, чтобы мы могли переживать потери. Мы учимся терять с самого детства, по чуть-чуть, все больше и больше. Самая большая потеря – это потеря любимого человека, но даже ее можно пережить. А смерть, которую выбрал для себя Рональд, не так уж и плоха – он умер бы быстро, спасая тебя. К счастью, у него будет еще возможность проявить геройство.

Мы помолчали.

– Он по-другому не мог. Василика побежала за тобой почти сразу, но не успела – ты оказалась шустрой, а она в тот

день слабой. Среди цветов, которые ей кто-то подарил накануне, была хорошо припрятанная ядовитая аскалия. Это растение особо опасно для магов, оно сильно и надолго ослабляет их, но для остальных людей тоже ничего хорошего. Нам всем повезло, что Василика с Освальдом поссорились и главный удар ядовитого цветка пришелся на нее. Освальд обнаружил аскалию в букете тем же днем и очень рассердился.

Василика успела увидеть, как ты упала с лошади под дворцом и исчезла. Она сразу позвала нас на помощь. Освальд испек штук пять заклинаний поиска, и мы полдня проехали по городу. Когда стало ясно, что так мы тебя не найдем, – решили вернуться в замок. Надо было сказать Рональду, что произошло. Когда мы подъехали, он как раз возвращался со своим десятком солдат с поля, весь обгоревший и в копоты. Мы даже сказать ничего не успели – он все понял.

«Так и знал, что это ловушка, – убивался он, – только неправильно понял, для кого».

Мы взялись за поиски вместе, подключили всех магов, какие у нас были, солдат сотни две. Рональд вообще не спал с твоего исчезновения. Освальд тоже все время его сопровождал. Но Геральт затер следы основательно. Мы никак не смогли тебя найти.

Сегодня утром, когда они с ног валились, я уговорил их обоих поспать пару часов, пообещав, что сам возглавлю поиски на это время и возьму в напарники сильнейшего мага из оставшихся. Я уехал. Даже не знаю, успели ли они отдох-

нуть хоть немного. Рональд почему-то собрал остатки солдат, взял Освальда и снова поехал тебя искать. И как-то нашел.

– Геральт прислал им письмо с моими волосами и обратным адресом. Это было его официальное приглашение.

Альберт кивнул.

– Теперь понятно, – сказал он. – Рональд мог вернуть меня и отправиться к Геральту с более серьезным подкреплением. Мог, но не стал этого делать специально. Я понимаю, он боялся, что его давний враг использует меня против него так же, как он собирался использовать тебя. И все равно это свинство с его стороны, ты мне тоже дорога, и я хотел помочь. Мы так и проболтались с поисковым отрядом по городу вхолостую, пока вы там получали удовольствие от общения с этим... – он попробовал подобрать приличное слово, – персонажем, – в конце концов закончил он, хоть и было видно, что слово его не удовлетворяло.

– А что стало с полем?

– Поле сгорело. Рональд по пути прихватил с собой пару магов, живущих рядом. Но ты сама понимаешь – огонь не стал ждать, пока они до него доберутся. Маги потушили все, только там уже не осталось ни одной живой травинки.

Глава финальная

Я ночевала в комнате Рональда, устроившись в кресле. Мои волосы отросли до лопаток. Я еще раз мысленно поблагодарила за это Освальда. Утром Рональд пришел в себя. Его лицо уже не казалось таким бледным, но он все еще был далек от своего привычного состояния. Какое-то время он лежал не двигаясь, вспоминая, что с ним произошло, резко сел в постели, но увидел меня и лег обратно с чувством глубокого облегчения.

– Хвала Хранительнице, ты снова дома.

Он с удивлением положил руку на свою забинтованную грудь.

– Почему я все еще жив?

– Потому что у тебя есть умный брат и талантливый друг-волшебник. Это исключительно их заслуга. Альберт лишил тебя дворянского титула. Больше ты не герцог, и можешь сколько угодно нарушать свое слово.

Альберт мастерски нашел способ спасти Рональда. Утрата титула оказалась лазейкой, спасшей жизнь моему жениху.

– Из него, пожалуй, действительно вышел хороший король, – заметил Рональд. Я была с ним совершенно согласна.

– Я так виновата перед тобой. Из-за меня ты чуть не умер.

– Нет, это из-за меня ты опять попала в переделку. Мои проблемы ложатся на тебя уже второй год. Геральт все равно

нашел бы способ добраться до меня или до кого-нибудь из моих близких. Это я угодил в расставленную им ловушку и бросил тебя одну в замке.

Мы немного помолчали.

– Нашего поля больше нет?

– Да, все сгорело, – с грустью подтвердил он. – Твоего поля драгоценных цветов больше нет.

– Главное, что ты жив.

– Да. Но я больше не герцог. Ты все еще хочешь стать моей женой?

– Ты же сам знаешь, зачем спрашивать.

Он блаженно улыбнулся. Год назад Хранительница подарила ему способность видеть и любовь. Теперь он знал наверняка обо мне абсолютно все. Но ему хотелось услышать, что его кто-то любит.

– Я даже рада, что ты больше не герцог. Теперь между нами нет хотя бы этой разницы. Для меня ты свой титул не потеряешь никогда.

– Давай уедем куда-нибудь в тихое место, поселимся в маленьком домике и будем жить мирно и спокойно, без всех этих ужасных приключений.

– Ага, кто же вас отпустит? – Альберт снова подошел незаметно и слышал наш разговор. – У меня королевская проверка послезавтра, и надо, чтобы вы там оба присутствовали. Ты, – он указал на брата, – как мой первый советник, которым ты не перестал быть. А ты, – он кивнул на меня, – как

единственный человек в королевстве, которому нечего скрывать и который готов повторить надо мной заклинание. Так что даже не пытайтесь строить свои семейные планы вдали от Альмагарда. А титул твой я тебе возвращать не буду, потому что не надо было оставлять меня в стороне! Как человек я могу проявить вредность, а как король еще и власть.

Вечером вернулись Освальд с Василикой. Они поймали мага, доставившего нам столько неприятностей. Василика была очень довольна, она прямо сияла. Освальд тоже был в приподнятом настроении.

– Негодяй решил, что мы не станем его искать рядом с домом. А он между тем нашел тайный проход к вашему замку. Ты знал, Рональд, что к вам ведет подземный ход?

Рональд знал, и я тоже, но вот откуда знали остальные? Ход переставал быть тайным.

– Я бы его не нашел, если бы не использовал поисковое заклинание второго типа.

Освальд про него уже рассказывал, а также пояснял, почему маги им никогда не пользуются. Побочный эффект в виде нерабочего состояния на следующие две недели и очень плохое настроение – это не то, о чем все мечтают.

Глядя на Освальда, нельзя было сказать, что поисковое заклинание второго типа его хоть как-нибудь изменило. Он спокойно пояснил:

– Я талантливый маг и придумал, как перевести побочку на другого человека. Так что теперь у тебя за куполом в ка-

зарме, под присмотром солдат и пары магов, очень грустный и апатичный Геральт. Мы решили, что не стоит его тащить прямо сюда.

Мы поймали его, когда он уже прошел полтоннеля до вашего замка. Еще долго спорили с Василикой, как возвращаться. Под землей вышло бы быстрее. Но я предложил прокатиться еще раз по верху, хотелось полюбоваться Альмагардом и, чего таить, похвастаться уловом. Весь город в курсе, на кого охотятся маги и солдаты вот уже четыре дня без отдыха. Чужое внимание – тоже хорошая награда.

Если ты не против, – продолжил гордый собой Освальд, – мы заберем Геральта и отправимся в Аскару – наш король обещал очень хорошо заплатить за поимку мага, который чуть не заставил его проиграть в последней войне с Фермесом. Так что в прибавку к твоему жалованию мы получим еще одно.

Рональд был не против. Он все равно не знал, что делать со старым врагом. Освальд избавил его от решения еще одной проблемы. Рональд, правда, через день, когда поправился окончательно, зашел посмотреть в последний раз на мага, доставившего ему столько хлопот.

Геральта было не узнать. Его убийственное высокомерие в сочетании с заниженной самооценкой, заданной побочкой заклинания Освальда, создало невероятный диссонанс в голове фермесца, и похоже, повредило его мозг еще больше. Он ни на кого не обращал внимания, сидел, уставившись в

одну точку, время от времени бормоча что-то двумя разными голосами – тонким и высоким, торопящимся выплеснуть поскорее все мысли, и медленным, бархатным, тягучим, которым Геральт говорил со мной.

– Мы – лучший маг королевства, – говорил бархатный голос, – почему же мы оказались здесь? Разве мы недостаточно хороши, чтобы разрушить целый город?

– Нет, нет, мы плохо подготовились! – пискляво возражал другой. – Нам надо было быть осторожнее с этим Освальдом.

– Не говори так, – спорил с ним первый, – мы самый талантливый маг в мире, нам просто не повезло, никто не может победить нас.

– Если бы нам не повезло, – снова настаивал второй, – то мы бы придумали, что делать сейчас, а мы не можем. Мы заперты, проклятый Освальд лишил нас магии! Мы проиграли.

– Нет, нет, у нас просто временные трудности. Мы сбежим. Нас никто не поймает, мы неуловимы! Мы сбежим и отомстим Освальду, Рональду, его невесте, Альберту, солдатам и магам, которые на нас охотились. Мы никого не пощадим!

Стражник, дежуривший у двери мага, сказал, что споры Геральта с самим собой пару раз уже заканчивались дракой. Маг царапал себе лицо, рвал волосы, кусал руки.

Рональд пытался с ним поговорить, но не вышло. Маг его будто не замечал.

– У него это пройдет? – спросил он у Освальда.

– Не знаю, – честно ответил он. – Я буду наблюдать. Может, даже опишу этот случай в следующей книге – очень уж интересный эффект получился.

Альберт тоже лично зашел в темницу к Геральту. Своим мечом он обрезал спутанные волосы мага вместе со всеми бусинами.

– Насколько я знаю, для мужчин Фермеса остаться без волос – это великий позор, – только и сказал он.

Волосы колдуна Освальд сжег особым образом, чтобы дезактивировать вплетенные в них заклинания.

Рональд дал Освальду и Василике увесистый кошель перед их отъездом и поблагодарил. Они сначала отпирались, но в итоге все-таки приняли деньги.

– Вообще-то это больше не мое золото, – сказал Рональд, когда кошель исчез в одном из карманов Василики. – Альберт сильно разозлился, что я не взял его с собой к Геральту, и лишил меня не только титула, но и всего имущества. Тем не менее этот кошель был вам обещан, когда я еще был герцогом, так что будем считать, что я вам отдал его сразу.

– Нарушаешь закон? – засмеялся Освальд, – Ты же образец порядочности, и вдруг такие махинации.

– Я образец порядочности, поэтому и отдаю тебе эти деньги, рискуя попасть в неприятности. Альберт так сердится, что если узнает, воспользуется поводом упечь меня в тюрьму хотя бы на пару дней. Думаю, он еще долго будет злиться на

меня, не меньше двух дней.

«Для Альберта два дня злиться – это действительно долго», – подумала я.

Через неделю Освальд и Василика уплыли в Аскару. Мы долго смотрели с берега, как корабль увозит их прочь. Счастливые, они стояли обнявшись, и махали нам на прощанье. Было немного грустно и одновременно приятно. Я поняла, что буду по ним скучать.

Я пообещала Комиру замолвить за него словечко, если он расскажет, что за заклинание он использовал против Геральта.

– Заклинание унижения, – немного смущаясь признался он. – Нашел его в академии. Кто-то из студентов выцарапал его на последней парте. Долго чесались руки проверить, а тогда у Геральта просто ничего другого на память не пришло.

Мы с ним сошлись на том, что заклинание унижения стоило того, чтобы его увидеть в действии хоть однажды. Комиру разрешили вернуться в академию и сдать выпускные экзамены. Он устроился на работу к богатому торговцу, но теперь каждый раз перед тем, как вступить в деловые отношения, использовал в тайне разработанное им самим заклинание, подсказывавшее, можно ли человеку доверять. Его побочкой была скромность на следующие недели, но Комира это устраивало. Честно сказать, этой побочки на нем не было видно, потому что он стал самым сдержанным магом Альмагарда. От этого его популярность среди девушек только вы-

росла.

Церемония проверки короля прошла благополучно. Альберт со своей веселой и чистой душой выдержал ее более чем хорошо. Рональд, как первый советник, стоял рядом. Его и меня заклинание тоже задело, и толпа на площади перед дворцом увидела нас такими, какими мы были на самом деле. Жители Освии могли быть спокойны – ими правили добрые и честные люди.

Альберт действительно сердился на Рональда два дня, но потом простил его.

– А что, Лисичка, – спросил он у меня, когда после церемонии мы ели пирожные во дворце, – не хочешь ли ты выгнать из своего замка Рональда?

– Из моего? – спросила я. – С каких пор он стал моим?

– С тех самых, как он год назад в своем завещании оставил тебе все, что у него было. Теперь он умер как герцог, и будет честно, если все перейдет к тебе. Ты не знала, что завещание все еще в силе?

– Нет, – честно ответила я. Я совершенно забыла об этом.

– Выгонишь его, будет он со своими книгами бродить по городам, смешить прохожих. Устроишься сельским учителем в школе. Как тебе, Рональд, такой план?

Рональд на глупые вопросы не отвечал. Альберт посмеялся сам со своей шутки.

– А вот няню Мэлли я бы хотел забрать к себе, она готовит лучше, чем королевский повар. А может, переезжайте сюда

все? Нам тогда не придется делить няню Мэлли, да и скучаю я тут без вас.

– Няню Мэлли не отдам, – сказал Рональд, – и сам не перееду, если Лисичка, конечно, не выгонит. Я люблю наш замок и не хочу злить тебя лишний раз.

– Ну что скажешь, Лиса, выгоняешь его или пусть живет? Он тебе еще нужен после того, как сослал тебя на год непонятно куда?

– Очень нужен, – честно сказала я. Мне казалось, что я буду любить своего герцога всегда, что нет на земле мужчины, который был бы лучше, чем он, и ничто на свете не сможет изменить это, ни магия, ни воля Хранительницы, ни время.

Великое Солнце опускалось за горизонт, чтобы завтра снова взойти и начать новый день, новую жизнь и новые приключения.